

В. Л. ЛАРИН

По Юго-Западному Китаю

Серия
основана
в 1957 году

В. Л. ЛАРИН

По Юго-Западному Китаю

Москва
«НАУКА»

Главная редакция восточной литературы

1990

ББК 26.89 (5 Кит)
Л25

Редакционная коллегия

*К.В. Малаховский (председатель), Л.Б. Алаев,
Л.М. Белоусов, А.Б. Давидсон, Н.Б. Зубков,
Г.Г. Котовский, Р.Г. Ланда, Н.А. Симония*

Ответственный редактор

В.В. МАЛЯВИН

Рецензенты

В.В. МАЛЯВИН, Ю.В. ЧУДОДЕЕВ

Утверждено к печати

редколлекцией серии «Рассказы о странах Востока»

Ларин В.Л.

Л25 По Юго-Западному Китаю. — М.: Наука. Главная редакция восточной литературы, 1990. — 264 с.: ил. — (Рассказы о странах Востока).

ISBN 5-02-016605-7

Книга представляет собой путевые заметки, сделанные во время поездок по китайским провинциям Юньнань, Сычуань, Гуйчжоу и Гуанси-Чжуанскому автономному району. В ней рассказывается об этом интереснейшем регионе Китая, его истории и сегодняшнем дне, природе и людях, достопримечательностях и культовых традициях.

Л $\frac{1805030000-030}{013(02)-90}$ 65-90

ББК 26.89 (5 Кит)

ISBN 5-02-016605-7

© Главная редакция
восточной литературы
издательства «Наука», 1990

Этот район на географических картах закрашен коричневым цветом. Здесь торжествуют горы. Разные. Они подавляют, изумляют, восхищают... Прижавшиеся к холодным Гималаям на западе, опирающиеся на жаркие тропики Вьетнама и Бирмы на юге, три провинции Китая — Сычуань, Юньнань и Гуйчжоу — образуют обширную, площадью свыше 1,1 млн. кв. км территорию, именуемую Юго-Западным Китаем (схема 1). Подключают к ним иногда также северные и западные районы Гуанси-Чжуанского автономного района. Так уж сложилось географически и исторически, что эта территория составляет единое целое, она своеобразна, специфична, непохожа на прочие природно-климатические, экономические, этно-демографические и культурные зоны Китая. Но и образующие ее провинции и районы сами по себе уникальны и неповторимы.

Что представляла собой для Срединного государства — именно так уже более 2 тыс. лет именуют свою страну китайцы — эта далекая окраина? В глазах его феодальных правителей — веками отсталая, глухая периферия, населенная «дикими, кровожадными варварами», упорно не желавшими воспринимать благостное правление «великой цивилизации». Средоточие плодороднейших земель — чего стоит одна только Сычуаньская котловина, способная прокормить десятки миллионов людей; источник драгоценной влаги — здесь наполняется водами сотен рек и речушек и превращается в Великую реку животворная Янцзы; кладезь полезных ископаемых, среди которых драгоценные соль и серебро. А на деле — колыбель древних и самобытных культур и народов. Сказочная страна, где природа дала полную волю своей фантазии. Край, вдохновлявший поэтов, утешавший опальных сановников, укрывавший беглых, манивший к себе авантюристов, искателей приключений и честных тружеников, рождавший героев и разбойников, забиравший их пот, кровь, жизни... Край, по сей день сохранивший нетронутыми уголки дикой, первозданной природы, изумительные памятники древней культуры, вековые традиции, культы, мифы, предания и столь же древние нищету и убогость крестьянского бытия.

Интересно, таинственно, завлекательно... Еще бы! Интересно стало и мне, стоило только соприкоснуться с его тайнами и загадками. Случилось это давно, еще на 2-м курсе восточного факультета ДВГУ, когда в поисках темы курсовой работы я наткнулся на показавшийся мне любопытным сюжет — восстание под предводительством Ли Юнхэ и Лань Чаодина в Сычуани. Любопытство переросло в стойкий интерес к удивительному краю.

Однако на протяжении полутора десятков лет мое знакомство с Юго-Западным Китаем оставалось заочным. Открывать его для себя приходилось по научным работам, запискам путешественников, картам, фотогра-

фиям. Только в 1984 г., после того как был восстановлен обмен советскими и китайскими студентами и стажерами и я попал на 10-месячную стажировку в Фуданьский университет Шанхая, многолетние мечты о непосредственном контакте с Юго-Западом стали реальностью. Дважды — сначала в феврале, а потом в апреле—мае 1985 г. — предоставилась мне возможность увидеть его собственными глазами.

Первая поездка — в составе группы иностранных стажеров — в Гуйлинь, Куньмин и автономный район народности дай Сишуйан баньна была главным образом туристической. Но уже она принесла столько впечатлений, что породила желание рассказать об этом замечательном крае. Второе путешествие проходило уже по индивидуальному плану и носило в основном исследовательскую направленность: ознакомление с этногеографическими особенностями основных центров повстанческих движений, со следами восстаний, встречи со специалистами вузов и научно-исследовательских центров, работа в библиотеках. К сожалению, большинство интересовавших меня районов (прежде всего национальных, ибо Юго-Западный Китай является одним из самых многонациональных районов в стране) по-прежнему оставалось закрыто для иностранцев, и власти с большой неохотой шли на исключения, даже если они диктовались чисто научными интересами. Так случилось и с моим планом поездки, когда из нескольких запрошенных для посещения закрытых районов мне была предоставлена возможность побывать лишь в одном — административном районе Тунжэнь.

Учитывая немалые расстояния, которые довелось преодолеть за время путешествий (в общей сложности свыше 15 тыс. км), два месяца, что мне удалось провести на Юго-Западе — срок незначительный. Но путешествовать в Китае — дело хлопотное, даже если оно организовано и есть люди, которые специально занимаются вашими билетами, гостиницами, питанием. Тяга к перемене мест, охватившая страну в последние годы, в условиях неразвитости железнодорожной сети и слабой организации пассажирских перевозок оборачивается множеством проблем.

И все же увидеть удалось немало. Не только в тех центрах, которые были включены в маршруты поездок, но и из окон поездов, автобусов, автомобилей, иллюминаторов самолета и с палубы теплоходов. После того как я пересек с востока на запад Гуйчжоу и Юньнань (от Юйпина до Дали), через горы и туннели юго-восточной Гуйчжоу добрался до Гуйяна, проделал путь от Куньмина до Чэнду, Чунцина и дальше по Янцзы к границе Хубэя, можно судить и говорить о многом.

Хотелось бы сказать немало слов благодарности людям, которые сделали возможными эти путешествия, внесли свою лепту в их организацию и успешное осуществление: администрации Фуданьского университета, и прежде всего его сотруднику Ли Мао, сопровождавшему меня в течение трех недель в Гуйчжоу и Юньнани, сотрудникам отдела культуры народного правительства Тунжэни, работникам иностранных отделов народных правительств Гуйяна, Аньшуня, Эмэя, Сычуаньского и Юньнаньского университетов, всем тем, о ком я рассказал в своих записках и кто остался неупомянутым, но о которых я храню самые теплые воспоминания.

ЮГО-ЗАПАД ГЛАЗАМИ ТУРИСТА

**«Горы и воды Гуйлиня — лучшие в Поднебесной»
(древняя поговорка)**

Мы покидали Шанхай сырым и ветреным февральским вечером. За темными окнами 179-го скорого «Шанхай — Куньмин» растворились зимняя приморская хмарь, нескончаемые слякоть и промозглый ветер, сразу далекими и нереальными стали стальные стены общежития, нетопленые залы библиотек, голые ветви платанов, обрамляющих аллеи университетского кампуса, и вся размеренная и не балующая разнообразием жизнь студенческого сообщества. Впереди манил своей неизведанностью край солнца и тепла.

Нас двадцать восемь: двадцать пять студентов и стажеров из шести стран и двух континентов и три представителя фуданьской администрации. Молчаливый, исполненный собственного достоинства Цай-лаоши («лаоши» по-китайски — учитель, так мы называли своих наставников согласно принятой в Китае традиции) в синей, всегда опрятной и застегнутой на все пуговицы форменке; шумный, говорливый, внешне деятельный, но беспомощный в практических делах Ся-лаоши и молодая, жизнерадостная, энергичная, внимательная ко всем Ту-лаоши, наша опора на всем длинном и полном самых неожиданных препон и недоразумений пути.

Подопечные им достались не из легких. Без особых заслуг и достоинств, но с характерами, да еще иногда и с претензиями, не всегда со знанием языка и китайских реалий, но энергичные, бойкие, легкие на подъем и выводы и — самое главное — молодые. Десять англичан, четверо американцев, шесть японцев, два немца из ФРГ, один бельгиец и я, единственный представитель социалистического мира в окружении «капиталистов». Однако на наших взаимоотношениях это практически не сказывается. Все проблемы уже обговорены, точки над «и» расставлены, и острых политических дискуссий не предвидится, тем более что основные оппоненты — американцы — все, как один, сами не прочь покритиковать администрацию Рейгана и его политику,

и мы давно уже сошлись на необходимости подлинного взаимопонимания между США и СССР. Сейчас всех нас больше всего занимает Китай, после полуевропейского Шанхая новый, неизведанный, неожиданный. Надеемся, что он раскроет перед нами свое, может, не столь выигрышное на фоне сияющих свежими красками, совсем недавно отреставрированных храмов, затененное блеском туристических отелей, но все же подлинное лицо. Это нас сближает, несмотря на разницу в возрасте, интересах, политических воззрениях и еще многом другом.

Большой коллектив, к тому же стихийно складывающийся, всегда становится чем-то расплывчатым, неизбежно распадающимся на ряд мелких обособленных микрогрупп. В одну из них, возникших еще в Фудани, входил и я.

Несколько слов о моих спутниках. Гарвин, сухопарый, интеллигентного вида, исключительно спокойный и не меняющий выражения лица даже во время своих многочисленных шуток, больше смахивающий на выросшего в лондонских туманах чопорного английского джентльмена, чем на чистокровного американца. Андреас, западноберлинец, мой коллега по изысканиям в области мусульманских восстаний в Юньнани, в минуты отдыха крайне размягченный и инертный, но энергичный, настойчивый, предприимчивый в делах науки, одержимый идеей сделать фильм о народностях Юньнани. Американка китайского происхождения Райан, чьи вегетарианские наклонности нередко становились камнем преткновения в наших гастрономических экскурсиях, но благодаря ей мы испробовали немало изумительных овощных деликатесов. Пола, аспирантка Принстонского университета, увлеченная творчеством великого поэта VIII в. Ли Бо, очень неплохо разбирающаяся в китайских реалиях и лучше всех нас знающая китайский: целый год она провела в чисто китайском окружении на Тайване. Сюзан, одна из первых моих знакомых по университету, никогда не унывающая, несмотря на хроническое безденежье и личные неурядицы, бесшабашная и всегда готовая к приключениям. Экспансивный и язвительный Ян, бельгиец по национальности и космополит (по крайней мере на словах) по убеждениям. Ребячливая студентка из Лидса Лиз, с которой постоянно случались всякие происшествия. Добродушный, предупредительный и исключительно вежливый, какими могут быть только японцы, большой любитель футбола и пива Ито, представитель Страны восходящего солнца. Были и другие, с кем мне пришлось путешествовать бок о бок две такие короткие, а может, длинные недели, но почти всегда,

когда в дальнейшем я говорю «мы», я имею в виду ту небольшую группу, которую представил выше.

Что нас объединяло? Наверное, стремление увидеть, понять как можно больше, взять максимум из предложенного организаторами нашего путешествия и еще сверх того. Наверное, серьезное отношение к Китаю, уважение к его истории, культуре, к его народу, сохранившееся, несмотря на многочисленные казусы и неудобства, которые неизбежно случаются за долгое время пребывания в непривычной для европейца среде. Неумная настроенность на восприятие всего нового, легкость, с которой мы пускались в самые разнообразные предприятия, от карабканья на скалистые кручи Гуйлиня, бывшего сродни скалолазанию, до знакомства с самыми экзотическими блюдами гуйлинской или вьетнамской кухни и прочесывания книжных магазинов были, наверное, главной отличительной особенностью нашей маленькой группы.

Поездка началась с периода адаптации к китайскому поезду. Для тех, кто никогда не пользовался китайской железной дорогой, первое с ней знакомство вряд ли доставит много радости, если, конечно, это не будет вычищенный до блеска купейный вагон. Мой опыт к началу путешествия состоял, если не считать рафинированной поездки в купе с кондиционером от Пекина до Шанхая, из пятичасового стояния в битком набитом и до синевы прокуренном «жестком сидячем» вагоне, когда я по неопытности решил сэкономить пару юаней на обратном пути из Нанкина в Шанхай.

Плацкартный — особая статья. Тесный (в Китае узкоколейка, и вагоны соответственно уже, чем привычные нам), полутемный, прокуренный вагон. Полки — в три яруса, и разница температур между нижним и верхним достигает десятка градусов. В десять вечера гасят свет, в шесть утра под вашим ухом начинают голосить неукротимые динамики. Вдоль всего вагона разноцветной гирляндой аккуратно вывешены полотенца. Бесцеремонные пассажиры, не приученные заботиться о покое соседей и живущие по принципу: хочешь спать — любой шум не помеха. Несмотря на героические усилия проводников, постоянно замусоренный пол. В общем, условия не самые комфортабельные. В купейном, конечно, чище, спокойней, теплее, но — вдвое дороже. Поэтому едем в плацкартном, в котором, однако, есть и свои, причем немалые, прелести: широкие возможности неформального общения с людьми, а такие возмож-

ности, пожалуй, самое ценное, что получаешь за долгие дни, проходящие под перестук колес.

Итак, занимаем отведенные нам места. Мне достается нижняя полка. Учитывая уже упомянутые выше «прелести» и гуляющие по вагону сквозняки, это не лучшее место для сна, так что первый день путешествия начинается для меня довольно рано. Проходит он за разговорами, шахматами, чтением и беспрестанным поглощением съестного. За окном бесконечные, измочаленные дождями поля, пологие, почти совсем без растительности холмы. К полудню входим в полосу дождя, который продолжается до самого вечера.

После ужина происходит эпизод, вызвавший у нас небольшое потрясение. Пола добросовестно решила освободить нас от накопившегося мусора и с полиэтиленовым мешком в руках отправилась к проводнице. Их диалог был исключительно красноречивым.

— Куда можно высыпать мусор?

Палец проводницы указывает на слегка приоткрытое окно.

— Но как?! — приоткрытый рот Поли выражает крайнюю степень удивления и нерешительности.

— Мэй гуаньси, — следует в ответ... «Мэй гуаньси» — выражение, имеющее множество значений и оттенков и чаще всего близкое русскому «ничего». Изящным жестом проводница берет из рук оторопевшей американки мешок и вытряхивает его содержимое за окно. «Мэй гуаньси», — повторяет она, что сейчас можно истолковать как «будь проще», и возвращает опустевший пакет. Куда уж проще. Теперь замечаем, как усеивают привокзальные перроны и железнодорожные насыпи картонные коробки из-под завтраков и обедов, обрывки бумаги и консервные банки, кожура бананов и апельсиновые корки.

4 февраля. Можно ли забыть этот туманный, пасмурный день, когда мы впервые увидели странные, причудливые пейзажи северной Гуанси? С самого утра на горизонте вырастают и постепенно наплывают на нас остроконечные вершины. Склоны холмов поросли тонкоствольными деревьями, среди которых выделяется раскидистая китайская сосна. Гарвину все это напоминает североамериканский ландшафт. Отчего-то и мне эта картина кажется неуловимо знакомой.

В ожидании Гуйлиня разговорился с преподавателями. Оказалось, что не только Ту-лаоши, что не было для меня новостью, немного говорит по-русски, но и ее пожилые коллеги в давние 50-е годы изучали русский язык. Правда, в их памяти сохранилось всего несколько слов да устоявшееся восхищение русской литературой. Как всегда бывает

в подобных случаях — словно все беседы ведутся по одному раз и навсегда заданному сценарию, — перебивая друг друга, выражают свое восхищение Пушкиным, Чеховым, Толстым... Потом разговор понемногу угасает и вспыхивает вновь, как только кто-то упоминает советское кино.

— А вы смотрели кинофильм «Москва слезам не верит»?

— Ну конечно. Хороший фильм.

— А это правда, что в Советском Союзе есть такие женщины?

— И мужчины, — добавляет Ту-лаоши...

Вопрос традиционен. Мужчины не верят, что существуют такие женщины, как главная героиня фильма, а прекрасная половина человечества разуверилась в том, что есть где-то доблестные рыцари.

Разговор снова затихает. Информация о СССР, что имеют мои собеседники, исчерпана. Перекидываю мостик к Китаю — и они снова оживляются. Здесь круг тем неисчерпаем.

В 9.50, точно по расписанию, поезд медленно вползает под своды гуйлиньского вокзала. Крытый во всю длину состава перрон почти пуст: сошедшие с поезда пассажиры быстро исчезают за надписью «Выход», и только у дверей «жестких сидячих» вагонов уже выстроилась очередь претендентов на освободившиеся места.

Мы тоже неспешно продвигаемся к выходу, но не к общему, предназначенному для всех пассажиров, а к специальному — для иностранцев. Через просторный, светлый и совершенно безлюдный зал выходим на площадь и... маемся в ожидании. Лаоши с виноватыми улыбками преподносят первый сюрприз: автобус придется немного подождать, поскольку, как это ни странно, нас ожидали вчера... Никто не ропщет, все полны сил, энергии и хорошего настроения, все — в предвкушении чего-то удивительного. И незапланированная возможность поближе познакомиться с городом, хотя бы с его привокзальной жизнью, воспринимается с энтузиазмом.

У привокзальной площади вполне современный вид: блестящее огромными проемами окон здание вокзала, четырех-пятиэтажные дома, зелень, огромные многоцветные рекламные щиты, предлагающие приобрести продукцию гуйлиньских промышленных предприятий — станки, оборудование, велосипеды, медикаменты... Реклама ориентируется не столько на индивидуального, сколько на оптового покупателя. Над входом в вокзал крупными иероглифами на красном фоне грозное предупреждение: «Строго воспрещается вносить

легковоспламеняющиеся и взрывчатые вещества». Очень актуально, учитывая приближающийся Новый год (по лунному календарю) и страсть китайцев, от мала до велика, к разного рода фейерверкам.

Несколько рабочих в сине-зеленых робах лениво возятся с плиточным покрытием площади, перебрасываясь фразами с наблюдающей за ними группой зевак. На автомобильной стоянке рядом с играющими отточенностью линий «Гоётами» примостились неуклюжие трехколесные мотоциклы, оборудованные кабинами и крытыми кузовами, — ни дать ни взять надувшиеся от собственной важности майские жуки. Здесь же «маршрутные такси» на шесть персон с двигателем в одну человеческую силу: обычные грузовые велосипеды, какие в Китае встречаются на каждом шагу, но оснащенные двумя боковыми сиденьями и обтянутые сверху и по бокам уже изрядно обтрепанным и полинявшим полотнищем. Современная модификация велорикши. В глаза бросается и другая, не менее поразительная картинка китайской действительности 80-х годов: впряженные в тележки с двух колес молодых парни решительно и с заметной сноровкой везут нагруженные на них три железобетонные плиты — будущие потолочные перекрытия для строящегося дома. Так и хочется откорректировать эту фразу словами «неподалеку строящегося», но потом мне довелось увидеть и место, откуда доставляется древними способами столь современный груз: не меньше 3 км до вокзала. Так решается проблема нехватки техники и безработицы в городах. Позднее в Чэнду я наблюдал целый караван таких современных китайских бурлаков: один за другим, сильнее — во главе, послабее — тужатся догнать ушедших вперед; лямка через плечо, натруженные руки сжимают рукоятки; покатится тяжелый пот — лучше не останавливаться, ибо сдвинуть груз с места намного сложнее, чем катить его по прямым улицам города (рис. 54).

Два шага в сторону от площади — и попадаешь в уже знакомый по другим городам район старой застройки. Одно-двухэтажные дома обращены на дорогу магазинами, лавками, ресторанами, мастерскими. Одежда, ткани, галантерея, сувениры, фрукты... Множество приезжих, легко узнаваемых по одежде и обилию сумок в руках. Кафе с вывесками на английском: «Лили», «Лала» и прочими подобными названиями. На столах белые скатерти, клеенки. Здесь ждут и почитают туристов, особенно иностранных, и лучше всего — не знающих языка, секретов китайской кухни и сервиса и поэтому легче расстающихся со своими юанями.

Первое впечатление о городе, несмотря на хлюпающую

под ногами слякоть, пасмурную погоду и не очень торжественную встречу на вокзале, все же приятное. После тесного, суетливого, с утра до вечера и доверху наполненного шумом Шанхая странно воспринимается его какая-то домашняя, очень провинциальная размеренность жизни. Непривычно безразличие гуйлиньцев к нашим персонам: чувствуется большой наплыв туристов. Может, поэтому люди кажутся спокойнее и дружелюбнее.

Возвращаемся к уже поджидающему нас автобусу и, пока он петляет по узким зеленым улочкам, обмениваемся впечатлениями, а еще через полчаса высаживаемся во внутреннем дворике гостиничного комплекса «Жунху», расположенного на живописном берегу озера с таким же названием. Гостиница построена в 1950 г., почти ровесница республики, однако в последние годы на ее территории возведены новые современные корпуса, так что условия жизни можно считать (особенно после жесткого плацкартного вагона) очень даже комфортабельными.

До первой экскурсии есть немного времени. Что же сообщают о Гуйлине путеводители? Что нам предстоит увидеть?

Гуйлинь — знаменитый прежде всего своим живописнейшим рельефом город в северо-восточной части Гуанси-Чжуанского автономного района. Расположен на берегах р. Лицзян, на территории народности чжуан, одной из самых крупных по численности некитайских народностей страны. Площадь (без пригородов) — 54 кв. км, население — 270 тыс. человек. История города уходит в глубь веков.

Как сообщают исторические анналы, в 214 г. до н. э. 500-тысячная армия императора Цинь Шихуана, правителя первой общекитайской империи Цинь, личности в истории Китая сколь знаменитой, столь и одиозной, после предпринятых ранее нескольких неудачных попыток подчинить себе приморские области смогла наконец сломить сопротивление боюэ — коренного населения этой территории и предков современных чжуан. Тогда и был учрежден округ, получивший название «Гуйлинь» («Лес коричневых деревьев»). В тот же год было завершено строительство канала Линцю (Чудотворный канал), связавшего речную систему р. Чжуцзян с притоком Янцзы р. Сянцзян, что превратило Гуйлинь в связующее звено между южным побережьем и Центральной равниной на севере. Однако (и об этом путеводители как-то невзначай умалчивают) на протяжении последующего тысячелетия все попытки властителей Китая колонизировать эти территории оставались безуспешными: сложные климатические и географические условия, но главное —

непрекращавшаяся борьба аборигенных народов за свою независимость делали власть ханьцев только номинальной. Лишь в XI в. н. э. династии Сун удалось установить полный контроль над непокорными районами, после чего Гуйлинь превратился в важный экономический и политический центр Южного Китая.

В середине XVII в. город стал одним из центров сопротивления маньчжурскому вторжению в Китай, временным прибежищем наследника минских императоров князя Гуя. В 1850 г. у его стен стояли войска тайпинов — участников зародившейся в Гуанси и охватившей значительную часть Южного Китая крестьянской войны. В конце 30-х — начале 40-х годов XX в. он находился в числе баз антияпонской борьбы и стал прибежищем для многих бежавших от оккупантов деятелей культуры. Таковы основные вехи политической истории Гуйлиня. Но представляется, что главная миссия города — и прежде и теперь — заключается в том, чтобы радовать взоры миллионов людей своим экзотическим, неповторимым ландшафтом.

370—325 млн. лет назад на том месте, где ныне стоит Гуйлинь, плескались волны. Потом море отступило, а солнце, ветер, дожди и подземные воды десятки миллионов лет обрабатывали обнажившиеся карстовые породы, превратив их в конце концов в крайне причудливые, а порой просто фантастические скалы, холмы и утесы, пронизанные таинственными пещерами и изящными гротами (рис. 1). Трудно утверждать с достаточной достоверностью, когда Гуйлинь стал местом паломничества ценителей прекрасного, но широкую известность в Китае он приобрел уже в период династии Сун (960—1279). Очарованные неповторимым пейзажем буддийские монахи — уж они-то умели выбирать себе живописные места! — строили монастыри и храмы и, высекая тысячи каменных изваяний Будды, кропотливо постигали дхарму. Назначенные на службу в округ чиновники, посещавшие его литераторы, художники, каллиграфы запечатлевали на камне свое восхищение увиденным. Так рождался музей буддийской скульптуры, так возникла целая библиотека литературно-художественных произведений о Гуйлине, написанных на каменных страницах города. К настоящему времени таких произведений сохранилось около 2 тыс., они составляют весомую часть историко-культурного комплекса Гуйлиня, привлекающего ныне туристов со всего мира.

Наше с ним знакомство начинается с пещеры Луди (Тростниковая флейта), расположенной на южном склоне

горы Светлой, в 7 км к северо-западу от центра города. Дорога похожа на сказку: остроконечные вершины словно колышутся в золотистом тумане, подкрашенном крадущимся за занавеской солнцем. Иногда оно выглядывает на пару секунд, и все в момент преобразуется, приобретает иные очертания и краски.

Своим названием пещера обязана окружающим ее зарослям тростника, служащего сырьем для прекрасных, известных по всему Китаю тонким звучанием флейт. И сама пещера, и территория возле нее уже не первый год являются предметом активного воздействия со стороны все подминающей под себя туристской индустрии. У кассы — небольшая очередь. Пока наши руководители покупают билеты, успеваю заметить, что для иностранцев посещение пещеры обходится (только официально) в 4 раза дороже, чем для китайцев, не говоря уже о дополнительных расходах, которые им приходится нести вследствие незнания языка. У самого входа бойкие мальчишки не старше тринадцати-четырнадцати лет предлагают открытки с видами Гуйлиня и Луди. За комплект просят по два юаня сертификатами, хотя государственная цена открыток — не более одного.

Вслед за проводником, вооруженным огромным четырехбатареечным фонариком, углубляемся в недра земли. Для начала он поражает нас цифрами: пещера существует по крайней мере 600 тыс. лет, уходит на 240 м в глубины земной поверхности, а из ее длинных и еще далеко не до конца изведанных лабиринтов для обозрения туристами открыты лишь 500 м. На всем этом протяжении громоздятся подсвеченные разноцветными лампами сталактиты, сталагмиты, каменные столбы, перекрытия... Луч фонарика перебегает с камня на камень, гид пытается разбудить наше воображение и направить его в нужное русло, и, когда ему это удастся, бесформенные груды камня превращаются во вздымающиеся к небу вершины, подпирающие невидимые своды каменные столбы, бескрайние просторы лесов, сказочные дворцы... Здесь же почтенный старец, приветствующий у входа пришедших полюбоваться на одно из чудес Срединного царства; застывший в ожидании слон, не ведающий, то ли бежать от незваных пришельцев, то ли атаковать их и гнать прочь со своей территории; фантастическая рыба; свисающие со стен грозди винограда... Немного странным, удивительным и непонятным кажется это стремление искать в нагромождении камней, подтеках соли знакомые образы и предметы, не просто восторгаться

причудами природы, а дать им рациональное, до обидного обыденное истолкование. Но в Китае пещерой Луди восхищаются уже несколько столетий. Из 77 надписей, оставленных на ее стенах, самая ранняя датирована 792 г.

Посетители группами передвигаются от объекта к объекту, от фигуры к фигуре, но процессия наша быстро обрастает любопытствующими. Дважды гаснет свет — наверху неполадки с электричеством, — и в полной темноте в различных уголках пещеры мелькают фонарики проводников.

Пока ожидаем автобуса, происходит первое близкое соприкосновение с южнокитайской деревней. Во всю ширину дороги, не обращая внимания на сигналы ползущего за ними китайского джипа — пекинского варианта ГАЗ-69, демонстрируя полное пренебрежение к правилам дорожного движения и равнодушие к грядущей славе «звезд» фото- и киносалонов, мимо комфортабельных японских автобусов и схватившихся за снимающую технику туристов шествует стадо инфантильных буйволов.

Второй и последний в этот день объект посещения — расположенный на восточной окраине города парк Большой Медведицы. Гуйлиньцы утверждают, что если смотреть на него со стороны моста Освобождение, связывающего разделенные Лицзяном восточную и западную части города, украшающие парк семь вершин расположены в порядке звезд Северного ковша. Отсюда и его название.

У входа — вялая торговля сувенирами: значки, футболки с аляповатыми изображениями местных достопримечательностей, кустарные поделки из кости и камня. Изобретательные частники предлагают купить на память шапку или форменную фуражку китайского солдата. Можно с простенькой звездочкой, а можно и с набором густо наклепленных на головной убор значков. Вот и носят белобрысы европейцы зеленые армейские кепи с большим козырьком и красной звездой. У частного бизнеса с моралью свои отношения.

Самая древняя постройка парка — 125-метровый Мост цветов, сооруженный в период Сун и именовавшийся тогда Мостом, ведущим к счастью и процветанию. В период правления монгольской династии Юань (1280—1367) он был снесен паводком, в 1456 г. восстановлен из дерева, а еще через сто лет, в 1540 г. — из камня и уже четыре с половиной столетия сохраняет неизменный вид. Создатели парка окружили мост цветочными клумбами, благодаря чему он приобрел свое нынешнее название.

Образованная тенистыми, даже в начале февраля зеленею-

щими деревьями, аллея ведет мимо каменной кладки с порталом ярко выраженной мусульманской архитектуры. Над входом черными иероглифами на белом фоне начертано «Мечеть». Сооружение отнюдь не древнее, но обвалившаяся местами штукатурка, облезлые створки ворот со следами неоднократно клеившихся на них объявлений или дацзыбао, сиротливо качающийся над вывеской плафон без лампочки являют все признаки запущенности. Хотя мало ли в стране сейчас таких вот обветшавших зданий! Интересно, что скрывается за стеной? Излишнее любопытство не всегда полезно: пройдя два десятка шагов вперед и заглянув за угол, обнаруживаю, что там нет ничего, кроме развалин. Груды кирпича и битого камня заросли травой, в которой копошатся несколько кур. Возможно, разрушенная мечеть стала еще одним памятником губительным смерчем прошумевшей над страной «культурной революции».

Стараясь стряхнуть с себя невеселые мысли, спешу к изрезанной трещинами двугорбой каменной глыбе, в морщинистых складках которой теснятся худосочные деревца. Это — «скала-верблюды». С южной стороны она и впрямь похожа на пристроившегося на привал верблюда, с высоты своих 25 м надменно взирающего на мельтешащих под ногами двуногих. Вероятно, он обижен на людей, не оказывающих ему должного почтения, особенно тех, кто осмеливается напомнить о том, что у скалы есть и другое, более древнее название — Чайник. У любителей бесед при ясной луне за чашкой подогретого вина она вызывала вполне определенные ассоциации, и, может быть, в один из ясных, лунных вечеров в кругу разгоряченных поэтическим состязанием и спорами о существовании гуманизма ученых мужей раздался возглас: «Смотрите, да ведь эта скала так похожа на чайник для вина!» Так это было или нет, но до сегодняшнего дня у ее южного подножия начертано: «Скала-чайник».

С этой же стороны расположен небольшой сад декоративных растений, название которого в переводе с китайского звучит не совсем обычно: «Пейзажи в миске». Миниатюрные сосны, примостившиеся в расщелинах «горных круч» высотой 20—30 см, выращенные в цветочных горшках мини-деревья, вычурные творения природы из дерева и камня составляют экспозицию этого удивительного музея, представляющего один из древнейших видов китайского искусства.

Увы, но на том экскурсия заканчивается. У гида и водителя автобуса рабочий день подходит к концу. Печально,

но только потом узнаю, что достопримечательностей в парке значительно больше.

В северной его части находится гора Путо (на санскрите — Поторака) с пещерой богини Гуаньинь. Значительная часть историко-культурных памятников современного Китая имеет отношение к одной из мировых религий — буддизму. Придя в страну сравнительно поздно, лишь в начале нашей эры, буддизм был встречен недоверием, презрением, враждебным к себе отношением, отвергнут уютно обосновавшимся в центре китайской культуры конфуцианством. Однако буддизм не впал в уныние, «пошел, — как образно выразился академик В.М. Алексеев, — в народ, вклинился в народную религию и в ней нашел чудовищный успех». «Что дает Будда человеку? Милосердствует. Это самое главное в народной религии — сжалиться! И вот культ милосердного Будды и особенно его бодисатвы Гуаньинь стал центром завоевания» (Алексеев В.М. Китайская народная картина. М., 1965, с. 137, 141).

Я не знаю, сколько сейчас насчитывается в Китае буддийских храмов. Их много меньше, чем было до 1949 г. и даже до «культурной революции», нанесшей страшный удар не только по религиозным верованиям и верующим, но и по всем духовным ценностям страны. Но их много больше, чем храмов даосских и тем паче конфуцианских. Даосских святилищ я видел в своих поездках несколько: вера в духов и бесов в XX в. даже в китайской глубинке сильно поколеблена, забота же буддизма о загробной жизни человека по-прежнему привлекает. Конфуцианству, регулировавшему своими морально-этическими нормами жизнь десятков поколений китайцев, удар был нанесен еще более коварный. Пресловутая кампания «критики Конфуция и Линь Бяо», развернутая по всей стране в первой половине 70-х годов, стала для него подлинным бедствием. Трудно сказать, чей авторитет пострадал в этой кампании в большей степени: древнего философа или ушедшего в небытие министра обороны КНР, но вот культовым памятникам конфуцианства пришлось плохо. Единственный из них попался мне на глаза в Сучжоу — небольшом, знаменитом своими парками, садами, каналами и шелком городке на восточном побережье Китая. Но и он реставрировался, и внутрь меня не пустили. Буддийские же храмы во всем блеске и великолепии возрождаются один за другим. И одна из самых главных фигур в каждом из них — Гуаньинь.

Бодисатва, отказавшийся уйти из мира в блаженное состояние нирваны, жертвует собой, чтобы помочь стражду-

щему. Великая сострадалница, великая печальница, помощница в горе... Главная ее функция — избавление людей от всяких напастей и скорби, а еще — ниспослание детей. Что тут удивляться, если по всему Китаю на наиболее живописных горах и холмах строились монастыри и храмы в честь великой и милосердной чадоподательницы, богини Гуаньинь. Время или ветры неблагоприятных для буддизма перемен стирали с лица земли деревянные и каменные храмы, но имя богини не становилось менее популярным.

На гуйлиньской горе Путо нет храма Гуаньинь, но есть двухэтажный храм Поторака. А это почти одно и то же. Поторака — мифическое место, где богиня милосердия учила людей «закону Будды». От храма — характерная для большинства буддийских святилищ черта — открывается замечательный вид на полные поэзии окрестности Гуйлиня. Буйная зелень укрывает от нас другие реликвии парка: кристально чистый ключ Вечный источник, «каменный лес», каллиграфические и поэтические надписи, оставленные на камне выдающимися поэтами и художниками, в том числе самым почитаемым каллиграфом династии Тан—Янь Чжэньцином (709—785), рельефное наскальное изображение змеи, обвившей черепаху, — древнюю интерпретацию божества северного неба и духа воды, созданную рукой искусного мастера более 500 лет назад.

А мы возвращаемся в центр города. Несмотря на конец рабочего дня, о котором сигнализируют бурлящие жизнью улицы, нескончаемый поток велосипедистов и толпы на автобусных остановках, Гуйлинь выглядит все же намного спокойнее, чем Пекин или Шанхай. У перекрестка улиц Сунь Ятсена и Жунху, там, где автобусы один за другим высаживают стремящихся познакомиться с центром города туристов, дежурят несколько женщин. Перекинутые через плечо коромысла удерживают подносы, на которых разложены щедрые дары субтропиков: апельсины, бананы, манго. Но ведут себя женщины как-то скованно, робко предлагают свои товары и обреченно воспринимают отказ за отказом. Несколько ребятишек, среди которых девочка лет трех-четырёх, намного бойчее предлагают купить незатейливые игрушки: раскрашенных яркими красками, изящно извивающихся на палочках бумажных змеек.

Главная транспортная артерия города, его деловая и торговая часть — улица Сунь Ятсена (Чжуншань лу). Наверное, в любом относительно крупном китайском городе найдется улица, названная в честь великого революционера-демократа, пламенного патриота своей родины. В Гуанчжоу, Нан-

кине, Чунцине, Гуйлине и многих других она — главная, в Шанхае широким кольцом опоясывает центральную часть города. И каждая из них — насколько я могу судить по тем, на которых побывал, — неповторима и своеобразна, определяет в какой-то степени лицо города. В Гуйлине — это масса зелени и... горланящие на балконах петухи.

Еще одна прежде незнакомая картинка китайской действительности — библиотека-читальня, уместившаяся в небольшом закутке у стены и прикрытая от дождя потрепанным тентом (рис. 22). На стеллажах — книги, газеты, журналы; человек пятнадцать взрослых и детей сидят тут же на маленьких, не более 20 см высотой, табуреточках, углубившись в чтение и не обращая внимания на гудящие под боком машины, снующих пешеходов, слякоть под ногами и серое небо над головой. У большинства в руках книжки-картинки в броских, ярких обложках, самая, пожалуй, читаемая сегодня в Китае литература.

По проведенной в 1982 г. общекитайской переписи населения, четверть жителей КНР неграмотна. Это, конечно, не могло не вызвать вполне обоснованную тревогу руководства страны. В дело были пущены разнообразные средства, в том числе и массовый выпуск небольших, размером в треть тетрадного листа, книжек. На каждой странице такой книжки — черно-белый рисунок и краткий, в три-четыре строчки, текст. На язык этой литературы были переложены классические романы «Троецарствие», «Сон в Красном тереме», «Речные заводи», сюжеты из исторического прошлого страны, сценарии кинофильмов, современные повести и рассказы китайских и зарубежных писателей. В книжных магазинах у отделов, где продаются книжки-картинки, больше всего покупателей. А здесь кто-то зарабатывает себе на хлеб, создав по собственной инициативе уличную библиотеку и неся культуру в массы. Впоследствии подобные читальни мне приходилось видеть и в других городах, но эта была первой.

Поиски приличного (под которым мы понимаем прежде всего чистый с виду) ресторана приводят нас в кооперативное заведение. Иностранцы в нем частые гости, поэтому на нашем столе моментально появляется меню на английском языке, а после мимолетного контакта с официанткой возникает и второе, испещренное рукописными иероглифами. Обычно в китайских ресторанах, где блюда не делятся на порции, а подаются «одно на всех», заказ составляется по принципу: число обедающих плюс один. Мы же после долгих обсуждений набираем все двенадцать, а нас — семеро:

хочется попробовать буквально все. Никакой особой экзотики, традиционные овощи, мясо, рыба, суп из соевого сыра. Пожалуй, острый соевый сыр оказывается самым вкусным. При всей моей неприязни к этому продукту не могу не отведать несколько кусочков. Нигде так хорошо не готовят доуфу, как в Гуйлине.

За соседним столом группа из семи-восьми разгоряченных, развеселившихся китайцев затевает древнюю игру на пальцах. Двое участников одновременно показывают несколько пальцев и громко выкрикивают число до десяти, стараясь угадать общую сумму выброшенных пальцев. Проигравший уступает место соседу. Шум и возбуждение за столом достигают предела, но на играющих никто не обращает внимания. Так развлекался простой люд в столовых и харчевнях и столетия назад.

Выходим из ресторана уже в темноте, однако улицы ярко освещены. Бойко идет торговля на вечернем овощном базаре; на тротуаре размещаются с поделками из камня и кости кустари. Разнообразные по форме и расцветке (от весьма искусно выполненных в старокитайском стиле черной тушью гуйлинских пейзажей до аляповатых изображений драконов и хитро улыбающихся из-под белых усов лысых старичков — даосских святых) каменные экраны и раскладные ширмочки, выточенные из полудрагоценного камня фигурки животных и персики — символы бессмертия, закладки для книг, полуфабрикаты для личных печатей. Продавцы — в основном молодые парни в возрасте 25—35 лет — держатся с достоинством, охотно вступают в разговор и не отказываются тут же продемонстрировать свое умение. Беру на память зеленоватый — явно незрелый — символ бессмертия, на котором его создатель за одну минуту острым резцом изображает контуры скалы, в которой легко угадать гору Сянбишань, реки и скользящей по глади воды парусной лодки и пишет соответствующее сюжету четверостишие:

В глубинах вод спрягалась ясная луна,
По поверхности ясная луна плывет,
Вода течет, а река не движется,
Луна уходит, а вода все течет.

Мастер оказался не только искусным резчиком, но и философом. Кстати, его не обвинишь в однообразии: у Пола, купившей аналогичный персик, и рисунок и стихи иные.

Недлинный путь до гостиницы получился довольно долгим. Остаток вечера коротаем в баре рядом с грохочущей дискотекой, из полутьмы которой периодически выскакива-

ют разгоряченные танцоры. Под звуки диско и пляску цветомузыки пытаемся продегустировать гуйлинский деликатес — бамбуковое вино. Вкус — специфический...

Следующий день был отведен для путешествия по Лицзяну. Отправной пункт — маленький городок, скорее деревушка Янди в получасе езды от центра Гуйлиня.

Неширокая, гладкая, обсаженная деревьями асфальтированная дорога прорезает бесконечные поля, частью желтые, со следами недавно убранных урожаев, частью уже вновь зеленеющие молодыми побегами риса. С обеих сторон то там, то здесь впиваются в небо островерхие, поросшие травой и мелким кустарником скалы, подмигивают глазами пещерами потерявшие былую стройность, грузно оседающие на землю, но все еще солидные и внушительные каменистые кручи, а на горизонте под низким пасмурным небом в несколько рядов, наплывая одна на другую, застыли горы. Временами натягивает туман, моросит дождь, и от этого картина становится еще фантастичнее. Даже не верится, что все это — творение природы, а не проделки добродушного великана-шутника. Набросать на ровном месте столько каменных глыб!

Дорога медленно, как бы нехотя взбирается на перевал, и вдруг происходит чудо: взору открывается та самая долина, по которой только что лежал наш путь. Казалось бы, в ней нет ничего особенного: утыканные обломками скал поля да те же собравшиеся гармошкой горы. Но раскинувшаяся под новым ракурсом картина приобретает совершенно иное, полное неувимого очарования звучание. Сбегающие ступеньками по пологому склону террасированные поля придают ей силу и законченность. Захваченный этим зрелищем, не сразу вспоминаю про фотоаппарат, а пока дожидаясь исчезновения из фокуса медленно ползущего навстречу автобуса, следует резкий поворот, и дорога устремляется вниз. Еще немного — и мы на месте.

Янди представляет собой небольшую деревушку, которая, кажется, и состоит-то из единственной, окруженной приземистыми строениями площади и примыкающей к ней улицы и существует лишь для того, чтобы принять туристов, снабдить их сувенирами и фруктами и препроводить дальше вниз по реке. Один за другим выкатывают на площадь автобусы, и к дверям их быстро стягиваются бойкие торговцы. Скользящая вниз, к воде и поджидающим пассажиров катерам улица обрамлена прилавками, сплошь заставленными «экзотическими товарами» массового производства: изделиями из камня, глины и дерева, веерами и бамбуко-

выми зонтами, широкополыми соломенными шляпами и облепленными значками шапками и армейскими фуражками, т.е. всем тем, чем забиты сувенирные отделы магазинов и лавчонки Гуйлиня. Выплескивающаяся на площадь разноликая и разноплеменная масса иностранных туристов течет к реке, равнодушно минуя пытающихся привлечь к себе внимание торговцев.

Последний их «редут» в лице нескольких апатичных, усталых женщин, молча протягивающих нам связки апельсинов, открытки с видами Гуйлиня, усыпанные значками фуражки, преодолеваем на пирсе и шатких, огражденных бамбуковыми перилами мостках, ведущих к замершим на серебристой воде катерам. У их бортов также кипит жизнь: самые предприимчивые из торговцев, оседлав незамысловатые, связанные из пяти-шести толстых и длинных бамбуковых стволов — метров по восемь-девять — плоты, споро работают длинными шестами, идут «на абордаж», стучатся в широкие окна и бойко рекламируют все тот же немудреный товар (рис. 23). Кто-то стеснительно отворачивается от нацеленных камер и аппаратов, но большинство уже привыкло позировать и готово на все, лишь бы это положительно влияло на их торговлю. Наши лаоши недовольны: им, воспитанным на идеалах 60—70-х годов, законы частного предпринимательства не по вкусу.

Сам катер представляет собой небольшую посудину, рассчитанную на 50—60 пассажиров, с большим остекленным салоном, на котором, в свою очередь, устроена частично крытая навесом прогулочная палуба. В салоне на столах, покрытых аккуратными белыми скатертями, стоят термосы с чаем, вазы с апельсинами и конфетами. У переднего стекла словно прирос к штурвалу рулевой.

Вместе с нами на борт поднимаются группа японцев и человек семь европейцев. Ровно в десять катер тихо отваливает от пристани, и на четыре часа мы окунаемся в атмосферу изумительной по красоте природы. Сквозь кристально чистую воду отчетливо видно уложенное галькой русло реки. В ее искристом зеркале отражаются вздымающиеся ввысь мрачные, неприступные утесы, зеленые холмы, растущие из расщелин вековые деревья, разметавшиеся на прибрежных плесах метелки бамбука (рис. 2). Этими картинами люди восхищаются уже много столетий. Они назвали многие скалы красивыми именами, заставляющими биться чувственные женские сердца в предвкушении драматических любовных историй, сложили о них легенды и предания. «Тоскующая по мужу фея», «Святой, возвращающий

жернова», «Счастливая свадьба у Лазоревого холма», «Вышитые на горе узоры», «Увенчанный короной утес» — в этих названиях и романтика, и поэзия, и истинное понимание прекрасного. 83-километровый отрезок Лицзяна между Гуйлинем и Яншо известен не только по всему Китаю, но и далеко за его пределами.

Февраль в Южном Китае — сухой сезон. Воды в реке немного, встречается много отмелей, и даже наш неглубоко сидящий катер, медленно лавируя в поисках фарватера, время от времени скребется днищем о камни. В одном месте вовсе останавливаемся, чтобы пропустить поднимающиеся вверх по течению суда. Погода по-прежнему пасмурная, накрапывает дождь, местами со скалистых вершин сползает к воде туман, но пейзаж от этого только выигрывает, и расплывающиеся в белесой дымке отдаленные горы порождают странно-неясное, тревожное и в то же время умиротворенное чувство. В природе преобладают мягкие, голубые тона, и лишь там, где к берегу подступают покрытые зеленеющей растительностью склоны, вода и вместе с ней воздух приобретают изумительную изумрудную окраску. Говорят, что такая погода — лучшее время для путешествия по Лицзяну. Летом, в 30-градусную жару, когда некуда спрятаться от изнуряющей духоты, оно превращается в муку.

Жизнь на реке идет своим чередом. Первоначально деревни появляются нечасто, но потом, по мере того как рельеф становится более пологим, горы не столь крутыми, а Лицзян полноводнее, их становится больше. Примостившиеся на небольших отмелях, у подножия скал невзрачные, крытые соломой или черной от времени черепицей домишки окружены зарослями вечнозеленого кустарника и бамбука. Поля по берегам реки почти не просматриваются: каменистые склоны не очень охотно позволяют человеку хозяйничать в этих краях. И лишь кое-где в узких ущельях уступами взбираются вверх этажи обработанной земли.

У берега, стоя по колено в воде, согнулись над стиркой женщины, что-то выскивают в просеянной гальке и песке мужчины, рыбаки развесили на просушку свои снасти, на перевернутых лодках играют дети... Все заняты своим делом и почти не обращают внимания на проплывающие мимо катера. К туристам привыкли, их видят ежедневно. То ли такое оскорбительное невнимание к их интересам, то ли желание проявить заботу об «обездоленных и бедных китайских детях», но что-то подтолкнуло группу японских туристов, людей среднего возраста с замашками обеспеченной

и высоко мнящей о себе буржуазной элиты, к демонстрации своего великодушия и сердца. Завидев на берегу двух ребятшек, одного трех, другого пяти-шести лет, они начали кричать, размахивать руками, бегать по палубе и завершили это представление попытками добросить до берега несколько конфет. Сколько было восторгов и животрепещущего обсуждения, когда дети подобрали одну из этих подачек! Печальное зрелище.

Обгоняем небольшие, метров 10—15 длиной, медленно идущие вниз по реке плоскодонки — основной вид местного транспорта. Современный мотор соседствует у них с архаичным кормилом — деревянным рулем, управляемым с помощью длинного шеста. Под навесами грудятся пассажиры, молча и привычно прощупывающие нас взглядами, навалены разнообразные грузы. Обгоняем бамбуковые плоты, по конструкции аналогичные тем, что мы уже видели в Янди, заставленные корзинами и ящиками. Крестьяне возвращаются домой из города. Река — единственное средство сообщения для прижатых к воде деревень, она и кормилица, и общественный транспорт, и телеграф...

На обеде, прервавшем на время эти наблюдения, не было бы смысла останавливаться (и так в моей книге чересчур силен гастрономический уклон), если бы не одна, по-моему, интересная деталь. Видимо, для того чтобы еще более ублажить туристов чем-то невиданным, оригинальным, организаторы мини-круизов по Лицзяну использовали один из редких способов приготовления пищи, в определенной степени применяемый в Северном Китае, но неизвестный в других районах страны. На столах появились хого — специальные самовары на углях, в кипящую воду которых на две-три минуты опускаются и на ваших глазах варятся предварительно мелко нарезанные продукты. Собственно, этот способ приготовления пищи, перенятый китайцами у кочевых народов, сводился к варке тонко посеченной бараньей вырезки, и, как утверждают авторитетные источники, в Северном Китае таким образом свинину и говядину не готовят. В Шанхае мне пришлось познакомиться с хого в одном мусульманском ресторане, и тогда я был от него в восторге. При наличии соответствующих приправ слегка проваренная баранина очень аппетитна. Здесь же, на катере, баранины не было и в помине, на столе стояли: нарезанная тонкими ломтиками говядина, разделенный на кусочки соевый сыр, страшно костлявый — почему-то все цыплята в Китае удивительно костлявы — цыпленок, тонкая китайская вермишель, капуста, кальмар. Все это в шесть рук забра-

сывалось в кипяток, чтобы потом наиболее проворно работающие палочками руки извлекли уже готовый продукт и отправили его по прямому назначению, в рот. Не скажу, что обед был несъедобным, но он явно уступал по качеству окружающей обстановке.

Пока мы дегустировали очередной вариант китайской кухни, пейзаж изменился, стал более пологим, исчезли резкие, угловатые формы, горы отделились на линию горизонта. Но ближе к Яншо — конечному пункту нашего путешествия — отступившие было утесы и скалы снова сгрудились у самого берега Лицзяна.

В Яншо — маленьком городке, прижатом с трех сторон горами к кромке реки, — нет особых достопримечательностей, кроме него самого, ибо город насчитывает уже 1300 лет истории. Туристические проспекты советуют просто «наслаждаться окружающим пейзажем». Нам на это времени выделили смехотворно мало — 10 минут! Укладываемся в двадцать пять, которых хватает лишь на то, чтобы пробежать по центру — узкой, сплошь застроенной тесно прилегающими друг к другу двух-трехэтажными каменными зданиями улице. Нижние этажи домов представляют собой сплошную череду лавок, мастерских и магазинов. На витринах — обычные сувениры, среди которых бросаются в глаза грубо сработанные и аляповато раскрашенные маски. Владельцы лавок не очень назойливы, ограничиваются традиционным «Хэллоу». Высокая влажность, морось и длительное отсутствие солнца сделали слякоть неизменным атрибутом местного пейзажа на весь период нашего пребывания в Гуанси. Слякотно и в Яншо.

Центральная улица, немного изогнувшись, упирается в покрытый лесом крутой склон и раздваивается. У развилки притаилось одетое в камень озерцо, в застывшую воду которого заглядывают любующиеся собой задумчивые горы. Здесь пахнет сказками и неразгаданными тайнами. Некогда даже узнать, какие чудеса скрываются в раскинувшейся на другом берегу зеленеющей роще, в упершихся сваями в дно озера простых по архитектуре, но тонко вписывающихся в окружающий пейзаж домиках, опоясанных крытыми галереями.

Хочешь не хочешь, а пора возвращаться. Впечатления, конечно, поверхностны, но даже за это короткое время нельзя было не почувствовать скрытое очарование городка и его природы. Много недель спустя на вершине горы Эмэй мне довелось познакомиться с четой австралийцев, совсем незадолго до этого побывавших в Яншо. Им, людям

в быту крайне неприхотливым, удалось пробыть в городе два дня и в завершение всего вернуться в Гуйлинь на небольшом рыбацком катере. Их впечатлениям мне оставалось только позавидовать! А нас ожидали автобус и полтора часа обратной дороги, прошедшей под аккомпанемент дождя.

В Гуйлине лаоши сообщают ошеломляющую весть: билетов на Куньмин еще нет, будут завтра, и часть из них, вероятно, сидячих. Тогда меня это поразило, но знай я, каково придется неорганизованным иностранным туристам, удивлялся бы значительно меньше. В этом прекрасном городе расцвет туризма в сочетании с поощрением частной инициативы породил всплеск спекуляции, одной из сфер которой являются валютные махинации. Пользуясь тем, что с билетами в Гуйлине, как и на любой промежуточной станции, вообще непросто, предприимчивые дельцы скупают железнодорожные билеты в плацкартные вагоны и потом предлагают их иностранцам, естественно, за сертификаты. Официальный курс — один к одному, но на черном рынке сертификатный юань идет за 1,5—1,7 обычного... И вечером на улице за нами увязывается несколько китайцев (среди которых и женщины), предлагая поменять валюту. Открыто, не боясь чьего-либо вмешательства.

Вечером снова гуляем по городу. Частные лавки открыты допоздна. Как непохоже это на Шанхай, где после восьми вечера все магазины драпируются металлическими решетками. Толпа любопытных окружает устроившегося прямо на асфальте слепого аккордеониста и подпевающую ему глухим голосом женщину.

Заглядываем в «Вэньу шандянь» — магазин с несколько необычным для нас, но емким названием «Памятники материальной культуры». Великолепные, тончайшего фарфора вазы, чаши, кувшины украшены изысканным рисунком, на другой витрине — искусно выполненные изделия из серебра, кости, камня, а на втором этаже — настоящий художественный салон, где развешаны мастерски, в европейской технике, но с традиционным китайским колоритом выполненные картины Лицзяна, передающие неповторимую игру красок неба, воды и окружающих скал. Одна такая картина стоит больше месячной зарплаты рабочего.

Следующий день также до краев был наполнен событиями и впечатлениями.

Погода по-прежнему пасмурная, но это нам только на руку. В программе на сегодня — знакомство с городом с высоты птичьего полета. Начинаем его с горы Децай,

что в дословном переводе означает «Собравшийся складками шелк». Китайцы уверяют, что четыре ее вершины, расположенные одна ниже другой, как бы ниспадают к подножию складками ткани. Нарисовать такую картину у меня воображения не хватает.

Децай является одним из главных туристических центров города, а самый высокий ее пик — пик Светлой луны — поднимается на 223 м над уровнем моря и относится к числу самых высоких точек Гуйлиня. Обычно здесь многолюдно, но мы нынче приехали первыми, и это гарантирует, хоть временно, относительную тишину и свободу передвижения. В окружающей подножие горы роще чирикают птицы, а где-то поблизости горланят петухи. Привычные вроде звуки, но в Шанхае я от них как-то отвык.

От южного склона ведет вверх обсаженная зеленеющими деревьями тропа. Многие ее участки представляют собой выложенную крупными тесаными глыбами лестницу, то круто, словно намереваясь поскорее подарить вожделенное чудо, то неторопливо, плавными зигзагами восходящую к вершине. За каждым поворотом обзор становится шире, глаз охватывает все новые и новые штрихи великолепной картины, расстилающейся под ногами. И вот наконец верхняя точка пика «Светлой луны» — просторная видовая площадка с великолепным обзором во всех направлениях.

Трудно выразить словами увиденное. Для этого нужны особый поэтический дар, рука и слово художника. А мне остается впитывать в себя простор окольцованной чередой волнистых и иззубренных гор равнины, среди которой суровыми стражами, охраняющими сотворенное природой чудо, высятся хмурые утесы, вглядываться в уплывающую медленно вдаль синеву Лицзяна, выскивать знакомые черты в раскинувшемся под ногами городе.

Отсюда Гуйлинь представляется не таким уж маленьким и вполне современным городом, несколько хаотически разбросанным между парящими над ним скалами. Конечно, иную картину видели перед собой те, кто поднимался на эти вершины сто, двести, пятьсот лет назад. Но горы и река остались прежними, и можно понять восторг и восхищение людей, приезжавших сюда со всех концов Поднебесной.

Уже более тысячи лет, со времен династии Тан (618—907) Децай считается достопримечательностью Срединного государства, и поднимавшиеся на нее чиновники и поэты, монахи и художники считали своим долгом запечатлеть на камне свое восхищение увиденным. Более 230 литературных и художественных памятников сохранилось на стенах пещер

Фэндун (Рождающая ветер) и Байхэ (Белый журавль) (рис. 21), вдоль тропы, ведущей на пик Светлой луны. Свои стихи и эссе о замечательных картинах северной Гуанси, красоте Децай и открывающихся с нее пейзажей оставили танский ученый Юань Хуэй, сунский поэт Чжу Сиянь, побывавший здесь в 1784 г. известный новеллист и поэт Юань Мэй. Уже более двух столетий доставляют радость людям искусно высеченные на камне, гнущиеся под порывами ветра побеги бамбука гуйлиньского художника Ли Биншоу. Историка, несомненно, заинтересуют надписи, сделанные рукой лидера реформаторского движения конца XIX в. Кан Ювэя, и двуступица двух старейших деятелей революционного движения — маршала КНР Чжу Дэ и члена ЦК КПК Сюй Тели. Между прочим, когда они в январе 1963 г. поднялись на пик Светлой луны, первому было 77, а второму — 86 лет!

Спуск с вершины намного проще. До общего сбора останется несколько минут, за которые успеваю подняться на невысокую вершину Юйюэ, увенчанную изящной беседкой. Вид с нее, может быть, не столь впечатляющ, как с главного пика, но по-своему прелестен.

В пятнадцати минутах езды автобусом от Децай, на зеленой, широкой, застроенной современными зданиями набережной находится вторая из самых знаменитых гуйлиньских вершин — Фубошань (гора Водоворот). Весной и летом, в пору дождей возле нее кипят воды ставшего на время бурным и стремительным Лицзяна. У подножия — небольшой сквер скорее в европейском, чем в китайском стиле, пройдя через который оказываешься у грота Возвращенной жемчужины. Десяток шагов под сумрачными сводами — и за резким поворотом в глаза неожиданно бьет свет. За этот восточный выход к реке грот еще в период Тан получил свое второе название — Восточная пещера. В те далекие времена, чтобы попасть в нее, надо было воспользоваться лодкой. Но в 1126 г. был пробит вход с берега, с западной стороны, а много позднее — и с южной, и пещера приобрела свое нынешнее строение.

По многочисленным надписям разных времен и эпох можно проследить историю развития туризма в Гуйлине. Самые ранние из них датируются 852 и 863 гг. и. э. Больше всего — около пятидесяти — надписей сунского времени. Одна из главных достопримечательностей пещеры — автопортрет одного из четырех величайших каллиграфов сунского времени, художника и поэта Ми Фу, посетившего Фубошань в 1074 г. В 1215 г. копию автопортрета вырезал на камне Фан Синьжу.

Однако более всего привлекают в этой необычной пещере многочисленные, различные по величине и возрасту статуэтки будды и бодисатв. Всего их насчитывается здесь 239, и многие были вырезаны тысячелетие назад, в конце династии Тан. Крутая, выдолбленная в скале лестница ведет на «второй этаж» пещеры, в небольшой зал, где и собрана большая часть изваяний (около двухсот). Грот называется Цяньфадун (Пещера тысячи будд).

На террасе, нависающей над медленно струящимися, прозрачными водами Лицзяна, скучают дежурные фотографы. С туристами сегодня не густо.

Подъем на вершину Фубо начинается у западного склона. Взбираться на нее сложнее, чем на Децай: гора хоть и ниже, но круче. Ну, а обзор... Не хочется повторяться, но вид вновь великолепен. И даже неожиданно начавшийся дождь не в силах согнать нас с вершины.

К югу от Фубошань, в месте, где в Лицзян впадает столь же тихая и плавная Янцзян, припал на колени и опустил в воду хобот истомившийся от жажды слон. Тысячу, а может, и значительно больше лет назад именно так восприняли и истолковали появившиеся здесь ханьцы образ невысокой горы на западном берегу реки и назвали ее Хобот слона (Сянбишань). Тогда же появились на ней и первые постройки и храмы. Сегодня из древних памятников сохранилось немного. Среди них — храм Юньфэн (Облачная вершина). Впервые построенный в период Тан, он пережил и разрушения и реконструкции, а сегодня стал музеем, в котором размещена экспозиция, посвященная крестьянской войне тайпинов, в частности осаде повстанцами Гуйлиня. На вершине горы, словно рукоятка меча, вонзенного в спину слона, стоит пагода Пусянь, воздвигнутая в период Мин (1380—1644) в честь Пусяня (на санскрите — Самантабhadра), одного из бодисатв, помощника будды Шакьямуни. Почитаемый в Китае как покровитель священной горы Эмэй, бодисатва Пусянь изображается обычно верхом на белом слоне, так что строительство пагоды его имени на вершине Сянбишань можно, наверное, оценить как оригинальное воплощение традиционного художественного образа.

У северного подножия горы речные воды в содружестве с ветром пробили сквозную пещеру почти идеальной круглой формы. «Как прекрасна эта отраженная в воде полная луна!» — это или ему подобное восклицание вырвалось у неизвестного любителя вечерних прогулок на берегу реки, оказавшегося ясным лунным вечером у подножия Сянбишань.

Пещеру нарекли Шуйюэ, что означает «Луна в воде», и десятки поэтов состязались в описании ее красоты. Луна в Китае — один из любимейших поэтических образов, источник подлинного эстетического наслаждения, объект поклонения поэтов и художников. У людей возвышенного склада было принято в одиночку или с друзьями гулять тихой ночью, любоваться луной и озаренным ею пейзажем, а потом выражать свои чувства в стихах. Более пятидесяти надписей оставлено на сводах пещеры, и большая часть из них — сунского времени. Когда-то здесь были начертаны не сохранившиеся доныне строки знаменитого поэта-патриота Лу Ю. Он никогда не бывал в Гуйлине, но заочно восхищался его необыкновенной красотой, и один из почитателей поэта, Ду Сыгун, в 1197 г. высек на камне его стихотворение.

Опять приходится сожалеть о нехватке времени, которая не позволяет нам ни подняться к пагоде Пусянь, ни проехать на лодке сквозь пещеру и взглянуть на надписи. Некоторое время, которого, думаю, вполне хватило бы на краткую экскурсию по Сянбишань, проводим на набережной, изучая Хобот слона со стороны. Внизу, на песчаной отмели устроился под большим зонтом фотограф, готовый запечатлеть любого желающего на фоне лунного грота, а при желании — в облике отважного кавалериста или мрачного бедуина. Рядом, понуро свесив головы, стоят уставшие от суетной и однообразной службы лошади и верблюды.

Высаживаемся из автобуса на набережной озера Жунху, чуть не доехав до гостиницы. Посреди дороги возвышается огромное раскидистое дерево — древний, тысячелетний баньян (рис. 3). По преданию, один из знаменитых сунских поэтов, Хуан Тинцзянь, минуя Гуйлинь, привязывал к этому дереву свою лодку. Баньян дал свое имя и соседствующему с ним озеру: Жунху.

Более тысячи лет назад на этом месте проходила южная граница города, и озеро Жунху вместе с соседствующим с ним Шаньху (Еловое озеро) было естественной преградой, охранявшей Гуйлинь от непрошенных гостей. На северном берегу Жунху сохранились древние Южные ворота городской стены, построенные впервые в период Тан. Когда-то на верхнем перекрытии ворот рос баньян, корни которого спускались до самой земли. Дерево дало второе название воротам: Ворота баньяна. Так же была названа и воздвигнутая на воротах одноэтажная башня, в которой ныне расположен Комитет по делам памятников материальной культуры Гуйлиня.

Смоковницы вокруг Жунху растут и поныне, а вот ели вдоль берегов Шаньху погибли столетие назад, и сегодня озеро окружено многоэтажками и традиционными, созданными для отдыха горожан павильонами.

Обедаем на скорую руку в пельменной. В зале довольно чисто, опрятно, на столах — нечастые в китайских ресторанах белые скатерти. Малоллюдно. К столу несмело подсаживается пожилая, бедно одетая женщина, молчит, ждет чего-то, отворачивается от нацеленного объектива. Сюзан оказывается самой сообразительной: «У кого есть пять мао?» Опустив мятую бумажку в карман, женщина покорно выжидает, пока не щелкнет затвор аппарата, и молча уходит.

После обеда беру напрокат велосипед. Гуйлинь — один из немногих пока городов, где существуют пункты проката этого недорогого, но незаменимого в Китае транспортного средства. За час объезжаю практически всю нанесенную на туристическую карту часть города: он очень компактен, как и все города страны. Движение интенсивным не назовешь: не только машин, но и велосипедов в этот час на улицах немного, и можно без особого риска вертеть головой. В Шанхае такая беспечность через пять минут завершилась бы происшествием.

Какие же впечатления? Прежде всего бросается в глаза преобладание современной застройки, большое количество зелени и отсутствие следов заводской промышленности. Она, конечно, есть, и об этом говорит реклама на привокзальной площади и центральных улицах Гуйлиня, но все предприятия — небольших размеров и соответственно не приметны. Довольно часто мелькают не китайские лица, особенно выделяются пожилые женщины в черных, несколько своеобразного покроя одеждах — похоже, чжуан.

На небольшом пустыре вдоль Чжуншань лу привлекает зрителей музыкой и песнями укрывшийся за вылинявшими полотняными стенами передвижной балаганчик — театрально-цирковая труппа из пров. Хэнань. Ну, а если продолжать тему досуга, то нельзя не упомянуть о бильярде. Мне показалось, что в Гуйлине это игра номер один, по крайней мере на момент моего пребывания в городе. В самых разных местах: на тротуарах и площадях, в скверах и подворотнях — стоят бильярдные столы, и вокруг них, несмотря на рабочий день, неизменно толпятся игроки и зрители.

После обеда нас везут в образцово-показательную коммуны Чуаньшань, названную по имени горы в пригороде Гуйлиня, возле которой она расположена. Главное занятие

коммуны — овощеводство, но нам демонстрируют ее достижения не в сфере сельского хозяйства, а в подсобных промыслах (изготовление поделок из камня и палочек для еды). Производство не требует ни больших затрат, ни сложного оборудования, и оно, конечно, по силам крестьянам. Еще одну область своей деятельности хозяева не афишируют, узнали мы о ней случайно, заглянув в настезь раскрытые двери сарая. В помещении двумя рядами стоят новенькие, только что выкрашенные корпуса игровых автоматов. Неужели и «начинку» делают здесь же?

Знакомство с Гуйлинем заканчивается посещением Педагогического университета Гуанси. Раскинулся он на территории «княжеского города» — бывшей резиденции Князя умиротворенной реки. Такой пышный титул носил внучатый племянник Чжу Юаньчжана, основателя династии Мин, Чжу Шоуцзянь. Постройка дворца, занимавшего площадь 1,5 кв. км, была завершена в 1393 г. В середине XVII в. он серьезно пострадал в ходе боев за город между его защитниками и маньчжурскими войсками, но потом был восстановлен и служил для проведения провинциальных экзаменов. Среди местных достопримечательностей называют несколько построек и остатки укреплений, а также питаемый подземным ключом водоем Юэячи (Серп луны), по форме похожий на молодой месяц. Но главное украшение бывшего дворца — скала Дусюфэн (Пик исключительного совершенства). Полторы тысячи лет назад поэт Янь Яньчжи (384—456) произнес: «Нет ничего прекрасней Пика исключительного совершенства, вздымающегося посреди города!» С тех пор и носит скала это не очень скромное название, а в память о Янь Яньчжи место, где любил работать поэт, называли «Скалой, где досточтимый Янь читал книги».

На склонах Дусюфэн есть несколько чудесных гротов, самый известный из которых — Чтения книг (Душудун). На их стенах сохранилось 108 древних надписей; самая ранняя принадлежит талантливому каллиграфу периода Тан Чжэн Шуци и датируется 780 г.

Подъем на вершину очень крут, лестница идет под углом в 60°, а то и более. Не у всех хватает духа выдержать это испытание высотой. Наконец добираемся до вершины, до казавшейся снизу игрушечной и привлекательной беседки, которая вблизи оказывается полуразрушенной. Ограждения нет и в помине, со всех сторон — пропасть. Чувствуется запущенность памятника в отличие от тех, что мы посещали ранее. У властей города просто не хватает средств, чтобы восстанавливать их все сразу, но пример Децайшань

и Фубошань показывает, что в таком состоянии ему предстоит пребывать недолго. За нами поднимается несколько китайцев; вокруг беседки, над самым обрывом бегают семи-восьмилетние дети. О технике же безопасности нет и речи.

Снова высаживаемся в центре и занимаемся закупками продуктов на дорогу. Потом был ужин в небольшом, столиков на пять-шесть, ресторанчике, привлекавшем нас перечнем начертанных на черной доске перед входом экзотических блюд. На деле выбор оказался более скудным, не оказалось у хозяйки в наличии змей и прочих рептилий, но суп из мяса ящера оказался весьма вкусным и специфическим. Правда, пришлось подождать. В поисках деликатеса хозяйка, наверное, обегала половину Гуйлиня. Не каждый же день заказывают такие блюда.

Проблема с билетами все же была разрешена благодаря настойчивым усилиям Ту-лаоши. Для нас прицепили дополнительный вагон, который мы успешно заняли вместе с другими пассажирами, которым в этот день, можно сказать, посчастливилось. Вагон оказался к тому же новым и чистым. И постель отливала еще не тронутой белизной.

Около часа провожу у окна. Долго, минут двадцать пять, стоим в ожидании прохождения встречного поезда: железные дороги на Юго-Западе почти сплошь одноколейные. Пасмурно, но из-за туч проглядывает луна, та самая, что вдохновляла поэтов и художников на бессмертные творения, но мне при ее мутном мерцании окрестный пейзаж очень напоминает российский. Что можно угадать в ночном сумраке, кроме холмов, деревьев, а они всюду одинаковы... Это уже ностальгия. Лучше отвлечься, утрясти накопившиеся за три дня впечатления, да и выяснить, наконец, чего же мы еще не увидели в Гуйлине. Пожалуй, в основном то, что связано с политической историей города, некоторыми моментами национально-освободительной и революционной борьбы. Конечно, рядового туриста, не посвященного в прошлое Китая, не приведет в восторг экскурсия к скромным памятникам двух видных участников антиманьчжурского сопротивления в середине XVII в. Цюй Шисы и Чжан Тунчана, казненных у подножия горы Децай в 1651 г., или поездка к Мосту генералов у пещеры Белого дракона, где 19 апреля 1852 г. тайпины разгромили передовой отряд цинских войск. Но для человека, интересующегося историей страны, побывать в этих местах — все равно что соприкоснуться с ее прошлым.

Существуют в Гуйлине памятники более позднего времени, связанные с трудным периодом антияпонского движения

и войны сопротивления. Исторической реликвией города является бывшее здание канцелярии 8-й армии, созданной в 1937 г. из частей Красной армии и партизанских отрядов для отпора японским захватчикам. В Гуйлине канцелярия размещалась с октября 1938 по январь 1940 г.

На территории парка «Большой медведицы» находится могила композитора-коммуниста Чжан Шу, погибшего во время бомбардировки города японской авиацией в декабре 1938 г., а у подножия горы Сишань (с юго-восточной стороны) стоит памятник на могиле советского военного советника подполковника Бабушкина. В книге «Материальная культура Гуйлиня», где в число исторических достопримечательностей города включено и это свидетельство бескорыстной помощи советских людей народам Китая в борьбе против японской агрессии, говорится: «Дружба советского и китайского народов существует длительное время».

Кстати, Сишань известна и своим религиозным прошлым. Уже в начальный период правления династии Тан слава о ней разнеслась далеко за пределами Гуйлиня. Построенный на горе в то время храм Сицинлинь («Западного праздничного леса») считался одним из пяти наиболее известных на юге Китая. На склонах Сишань сохранилось свыше 200 буддийских статуй от 10 см до 2 м высотой. Есть что посмотреть в Гуйлине и привередливому любителю природы, и въедливому историку, и праздному туристу.

На одном из изгибов Лицзяна я бросил в воду маленькую, завалявшуюся в кармане алюминиевую монетку. Не верю в приметы, но хотелось бы вернуться в этот чудесный край. А пока ночной поезд мчит нас по северным районам Гуанси к границе с Гуйчжоу.

Город вечной весны

Целый день уходит на то, чтобы пересечь Гуйчжоу, провинцию, к которой я питаю давние симпатии. Первая и непродолжительная встреча с ее суровой и удивительной природой. Что особенного можно увидеть из окна поезда? Но когда впервые собственными глазами видишь то, о чем приходилось и думать, и говорить, и писать, поневоле пребываешь в каком-то восторженном, возбужденном, нервическом состоянии.

Утро началось с принудительной побудки: в шесть часов откуда-то сверху, запрятанные в самые потаенные места, чтобы не дотянулась до них карающая длань раздраженного

пассажира, динамики обрушиваются на нас бравурные звуки музыки. Путешествие в жестком плацкартном предполагает полное единодушие пассажиров в режиме дня, диктуемом строгими инструкциями железнодорожного начальства. Подъем, завтрак, послеобеденный сон... И пассажиры это единодушие проявляют: подавляющее большинство продолжает спать, игнорируя приветствия диктора, музыку, последние известия. Остается только позавидовать умению китайцев полностью отключаться от посторонних звуков и спать в любой обстановке. Я, к сожалению, этим ценным даром не обладаю, хотя и пытаюсь выразить протест против такого бесцеремонного вмешательства в мой внутренний мир тем, что еще плотнее втискиваюсь в тощую и жесткую казенную подушку. Однако терпения хватает ненадолго, и приходится подчиниться общему распорядку.

Пейзаж изменился неузнаваемо. Исчезли причудливые северогуансийские утесы, и за окном проплывают пологие холмы, обступающие со всех сторон железную дорогу. И везде камни, камни, камни... По каменистым склонам карабкаются вверх ступенька за ступенькой террасированные поля. Обработан буквально каждый доступный человеку клочок земли. Мелькают каменные деревушки, непритязательный вид которых уже сам по себе говорит о веками царящей здесь бедности. Перед нами — юго-восточная Гуйчжоу, когда-то безлюдная, а потом постепенно заселенная и освоенная оттесненными с плодородных равнин центральной Гуйчжоу мяо — аборигенами провинции — и ставшая колыбелью смут, беспорядков и мятежей. Мужественный и свободолюбивый народ не желал мириться с вторжением в свои земли ханьцев, неоднократно брался за оружие, поднимал десятки восстаний. Каратели топили эти восстания в крови, но не могли сломить воли и стойкости мяо. Люди, способные жить в этих суровых краях, могут постоять за себя.

Поезд делает короткую остановку в г. Дуюнь. Внешне он не отличается от множества других городов: унылые, тяжеловесные дома из серого бетона, дымящиеся на окраине заводские трубы, одинаково одетые люди. А в моей памяти последние пять столетий его истории ассоциируются с непрерывными восстаниями мяо и китайских крестьян.

И снова горы; сплошной чередой следуют длинные туннели, из-за обилия которых в вагонах уже не гасят свет, гулко звенят мосты над ущельями и быстрыми горными реками, мелькают разбросанные по крутым склонам, там, где нет никакой возможности оторвать у суровой природы

хотя бы клочок плодородной земли, скромные серые могилы. Прорезавшая юго-восток железная дорога покончила с многовековой оторванностью и изоляцией края от внешнего мира. Бегут параллельно ей, выскальзывая из-за скал, взбираясь на вершины холмов, ныряя в туннели, асфальтовые и грунтовые дороги, до горизонта протянулась цепочка электрических и телеграфных столбов, хаотическим нагромождением бетонных коробок заявляют о себе муравейники запыленных городов. Но, кажется, достаточно соскрести с картины эти незначительные символы цивилизации — и в одно мгновение колесо истории повернется на несколько веков вспять. Многого изменилось в Китае. Прокатывались по стране революции, подлинные и мнимые, строились заводы, запускались искусственные спутники Земли, а здесь все так же, как много лет назад, словно исподлобья посматривают на мир маленькими окошками без стекол крытые почерневшей от времени черепицей или соломой, без каких-либо признаков электрического освещения, сложенные из необработанного камня и сырого кирпича дома, проплывают мимо склоненные к земле с мотыгами в руках, бредущие за впряженной в допотопную соху лошадью крестьяне. И это у железной дороги. Что же там, за холмами?!

Чем дальше на запад, тем более ровным кажется рельеф. Но впечатление обманчиво: дорога постепенно взбирается на Юньнань-Гуйчжоуское плато, и мы вместе с ней поднимаемся все выше и выше над уровнем моря. И когда уже вроде привыкаешь к неулыбчивой природе окружающих гор, не ожидаешь увидеть никаких изменений и начинаешь поглядывать в окно с утомленным безразличием, поезд врывается в живописнейшее ущелье, вытянутое по течению небольшой, но быстрой речки, и перед глазами возникает кусочек сказки: зеленеющий клин в окружении мрачных, угрюмых скал, явление редкое, а поэтому особенно яркое и впечатляющее в этих неприветливых краях.

На вторую половину дня приходится западная часть Гуйчжоу. Изрезанные межами долины, раскинутые среди безлесных, лишь кое-где покрытых скудной растительностью холмов. Распаханные под весенний посев поля перемежаются с уже зеленеющими всходами. Удивительно своеобразно смотрятся изумрудного цвета заплатки на красно-коричневой ткани западногуйчжоуских равнин.

Ближе к границе Юньнани вершины вздымаются выше и выше, долины попадают все реже, и освоенные человеком участки земли вновь сокращаются до мизерных клоч-

ков, разбросанных по склонам освещенных мрачно-красным светом закатного солнца гор...

Проводники устраивают побудку в половине шестого утра. После обычной суеты и очередей к умывальнику обнаруживается, что поезд опаздывает на полчаса. Поскольку же и без того нас разбудили с солидным запасом, состояние наше отнюдь не мажорное. Проводники с несвойственной им в других случаях стремительностью уже лишили нас постельных принадлежностей, и мы коротаем время на голых полках.

В автобус усаживаемся в темноте, поэтому вокзал не запоминается. Предрассветный город как-то удивительно знаком, привычен: широкие улицы, обсаженные с обеих сторон деревьями, сияющие окнами четырех-пятиэтажные здания, немногочисленные прохожие. Китай ли это? Ох уж эти издержки типового строительства, помноженные на эффект полумрака!

Через сорок минут мы уже в гостинице «Цуйху». Нас сегодня не ждали, и свободных мест пока нет, но все проблемы клятвенно обещают решить самое позднее к ужину. А пока организационные накладки всецело компенсируются отличным европейским завтраком: тосты, кофе, масло, молоко, джем, печенье... все то, от чего мы основательно отвыкли в стенах Фудани.

Еще через двадцать минут, заметно повеселевшие, посвежевшие и готовые к приключениям, загружаемся в автобус. Начинать — так с главного, и мы едем к берегам жемчужины Юньнани — озеру Дяньчи, в раскинувшийся на его северном берегу парк Дагуань.

Куньмин очень часто называют городом вечной весны. Утверждают, что здесь никогда не бывает ни холодов, ни изнурительной жары, что в любое время года на его улицах, в парках, садах радуют глаз многообразием красок самые обычные и диковинные, пышные и скромные, но по-южному яркие цветы. Чтобы убедиться в справедливости этих слов, достаточно побывать в парке Дагуань. После пасмурной и слякотной гуйлиньской погоды лазурное небо, яркое солнце, свежий, чистый, бодрящий воздух, зеленеющие кроны деревьев создают удивительно легкое и радостное настроение. Совершенно не чувствуется, что сейчас разгар зимы, и стоящие без листьев платаны кажутся несуразными в этом буйстве зелени. В небольшой оранжерее на открытом воздухе цветут розы, магнолии, камелии. О зиме напоминает лишь дующий с озера зябкий, пронизывающий ветер.

Что уж тут удивляться, если столетия назад тонко чувствовавшие красоту сановники и буддийские монахи приглядели это благодатное и расположенное всего в двух километрах от города побережье. Сначала, где-то в конце XIV в., минский чиновник Му Шицзэн построил здесь свою загородную резиденцию. Бури крестьянских восстаний и маньчжурское нашествие стерли ее с лица земли, но в 1682 г. на том же месте хубэйский монах Цянь Инь поставил тростниковую хижину, назвав ее храмом Гуаньинь. Зажигательные проповеди Цянь Иня и авторитет Гуаньинь притягивали тысячи людей. С 1690 г. здесь строится ряд павильонов, беседок, среди которых наибольшую известность получила двухэтажная башня. Поскольку с нее — единственной возвышенности на этом берегу озера — открывался наилучший вид на Дяньчи и на другой объект поклонения местного населения — Западные горы (Сишань), ее и называли Башней большого обзора (Дагуаньлоу) (рис. 24). В 1828 г. здание надстроили еще на один этаж, увеличив угол обзора, и с тех пор оно стало объектом паломничества юньнаньцев и приезжих. В 1857 г., когда восставшие против религиозных притеснений цинских чиновников мусульмане центральной Юньнани во главе с Ма Жулуном атаковали Куньмин, башня и другие сооружения погибли в огне. Через 12 лет, в 1869 г., она была восстановлена, а в 1913 г. вокруг нее был разбит парк.

Сотни поэтов, известных и доморощенных, каковых в Китае всегда было великое множество, воспевали открывающиеся с Дагуаньлоу картины Дяньчи и окружающих его гор. По сей день самой большой ценностью из всего написанного по этому поводу считаются начертанные золотом на синем фоне перед входом в башню так называемые парные надписи, составленные поэтом XVIII в. Сунь Жанем. За красоту и изящество стиля его эссе, состоящее из 180 иероглифов, именуют «лучшей из длинных парных надписей прошлого и современности». Слева от входа описывается прекрасный вид на озеро, справа — краткая история Юньнани.

Сегодня на первом и втором этажах башни расположены киоски по продаже сувениров, из окон третьего, куда ведет узкая, крутая, истертая тысячами ног лестница, как раз и открывается перспектива, волновавшая умы и сердца поэтов и художников, чиновников и простых людей многих поколений. По всему горизонту разливается синева. В косых лучах утреннего солнца глубокой, бездонной синью отливают взрыхленная ветром гладь озера, и лишь у берегов, у изрезавших видимый участок водоема насыпных дамб

блестят затаенно узкие полоски воды. Голубое, без единого облачка небо, уходя вдаль, постепенно бледнеет и над плавными складками Сишань обретает невесомую белесую окраску.

Самого озера почти не видно: бо́льшая его часть скрыта за деревьями и не очень эстетично разбросанными по берегу строениями. Да и не так-то легко охватить глазом пространство площадью 297 кв. км с небольшой башни. А вот Западные горы как на ладони. Нельзя сказать, что в них есть что-то особенное, но сказочный ореол, созданный вокруг них поэтическим воображением народа, заставляет воспринимать их по-особому. Нам еще предстоит побывать на Сишань, поэтому в данном месте я ограничусь лишь краткой информацией, которая соответствует восприятию гор на расстоянии.

Сишань расположены в 15 км к юго-западу от Куньмина на берегу озера Дяньчи. Состоят они из нескольких пологих вершин, самая высокая из которых — гора Лохань (Архатов) — поднимается немногим более 600 м над уровнем озера, но на 2,5 км над уровнем моря.

Как и многие другие горы в Китае, Сишань имели несколько названий. Одно из самых древних — горы Лазоревое петуха. Некогда так называли павлинов, в избытке водившихся вокруг Дяньчи. Юньнаньцами павлин из-за своей удивительной окраски отождествлялся с мифической и священной птицей феникс — символом жизни, благоденствия и спокойствия. Неудивительно, что местные жители дали горам «счастлирое название».

Вокруг Сишань сложено немало легенд. Героиней одной из них, пожалуй самой популярной, является молодая, прекрасная и любящая женщина. Муж ее, посланный вождем племени в дальние края, так и не вернулся домой. Далекодалеко, в чужих землях он попал в рабство. Красавица выплакала все свои слезы, из которых и образовалось озеро Дяньчи, а потом, лежа в отчаянии на его берегу, превратилась в камень. Если напрямь воображение, горы и вправду напоминают лежащую на спине женщину. Легенда эта объясняет еще одно название Сишань — горы Спящей красавицы.

Неподалеку от Дагуаньлоу в тихой заводи у деревянного помоста сгрудились два десятка грубо сработанных, но с виду прочных и устойчивых лодок. Гребцы — женщины в широкополых соломенных шляпах, молодые, пожилые и неопределенного возраста, но с одинаково обветренными лицами и натруженными руками — настойчиво зазывают

на свои суденышки, всего за два юаня суля восхитительную прогулку. Можно, конечно, и просто побродить по парку, аллеи которого, только начинающие заполняться народом, обещают немало приятных минут, но не менее заманчиво проплыть по легендарному озеру (рис. 25). Тяжелое кормовое весло в руках нашего гребца (удивительно, почему среди них, а ведь труд этот совсем нелегко, нет ни одного мужчины?) поначалу движется довольно быстро, но скоро на лице ее проявляется усталость. Грести непросто, тем более соревноваться с лодками, на которых гребут по двое. Приходится сесть на нос и взять в руки второе весло. Разминка не мешает, а дело спорится намного лучше. Но сильный встречный ветер и разбуженные им волны так и не дали нам возможности выйти на простор озера. Пока добираемся до горловины, проходит добрых 40 минут, и мы вынуждены поворачивать назад. Снова вступает в действие фактор ограниченного времени.

Вид с озера особых эмоций не вызывает. Вдалеке отливают красно-желтым цветом покатые сопки. Странно, но после Гуйлиня от встреч с горами постоянно ждешь чего-то удивительного, а не получив его, чувствуешь разочарование. Но разве красота только в вычурности и необычности? Куньмина, расположенного на одном уровне с поверхностью озера, просто не видно.

После обеда отправляемся в противоположный конец города, на вершину Горы попугаев (Иньушань), или, как ее еще называют, Горы поющих фениксов (Мифэншань). Расположена она в 7 км на северо-восток от Куньмина и славится тем, что на ней раскинут известный по всему Китаю Золотой дворец.

В древности в субтропических лесах в окрестностях Дяньчи водилось много попугаев, залетали сюда и павлины, о своеобразных «одственных» связях которых с фениксом уже говорилось. Отсюда и названия горы. Предание утверждает, что в 1602 г. увлекавшийся даосизмом губернатор Юньнани Чэнь Юнбинь повстречал на Иньушань одного из восьми даосских бессмертных. Это неординарное событие побудило его возвести храм по образцу Золотого дворца на Уданшань в пров. Хубэй. В 1637 г. храм, получивший название Храма вечного мира (Юнхэгун), был перенесен в другое место, на гору Цзицзушань, но в 1671 г. наместник Южного Китая У Саньгуй, известный в истории больше как предатель, открывший маньчжурам ворота в Китай, восстановил храм на Горе попугаев. В середине XIX в. его строения сильно пострадали от землетрясений и военных

действий, а потом пришли в полный упадок. Изредка, чтобы добыть чудодейственные амулеты да принести жертвы духам, сюда заглядывали местные милитаристы и помещики. Только в 1977 г. были начаты большие работы по реконструкции храма, и он был превращен в парк для отдыха горожан.

Золотой дворец — первый даосский храм, который мне довелось увидеть. В даосской концепции мирозерцания важное место занимает отстранение от мирской суеты, что одно только делает возможным постижение Дао — абсолютного начала всего мироздания, источника всего сущего. Для того чтобы возвыситься над бренным миром, даосы выбирали, как правило, самые высокие горы, с высоты которых явственной становится бренность и суетность мира. На таких вершинах расположены и Золотой дворец, и храм Саньцин, который нам еще предстоит посетить.

От подножия холма до храма можно добраться либо по асфальтированной ленте плавно взбирающейся вверх дороги, либо древней, крутой и извилистой тропой. Можно, конечно, воспользоваться комфортабельным автобусом, который высадит вас у самого входа в храм, но стоит ли лишать себя возможности получить хоть долю ощущений, которые заблаговременно настраивали путешественников на встречу с обителем духов и святых? Стоит ли лишать себя столь редкого для Китая уединения пустынного леса, шума соснового бора, загадочного молчания огромных темно-синих кипарисов?

Вероятно, именно таким — неспешным, навевающим глубокие думы и размышления — представляли даосы путь к Небу. Поэтому, прежде чем добраться до вершины, путешественнику предстоит пройти через трое Небесных ворот, массивные красного кирпича сооружения, увенчанные изящно расписанными по голубому фону арками и желтыми черепичными крышами. Справа и слева перед последними, третьими воротами — небольшие беседки, предназначенные для отдыха, размышления и самозерцания тех, кто вознамерился проделать весь путь до конца. По даосским преданиям, только пройдя через Небесные врата, можно попасть в Небесный дворец. Вся структура храма продумана до мелочей.

За третьими воротами открывается вид на Храм вечного мира (рис. 4). Перед входом подозрительно посматривают на бредущих к нему посетителей два грозных льва; над головой желтеет своей неопределенностью иероглиф «счастье». Если каждый понимает счастье по-своему, то что предрекает людям эта надпись?

В центральной части храмового комплекса высится Запретный город, обнесенный стеной из черного кирпича, аккуратно размеченного по кладке белыми линиями. На стене — искусно выстроенные маленькие беседки. Внутри запретного города, куда ведет широкая крутая лестница, уставленная по средней линии горшками с белыми цветами, на мраморном постаменте стоит бронзовый храм, тот самый, который называют «Золотым».

Сооружение имеет квадратную форму, длина его сторон — 6,2 м, высота — 6,7 м, общий вес — более 200 т. Столбы, балки, перекрытия, крыша, рамы и косяки дверей, вся находящаяся внутри утварь (курильницы, украшения, статуэтки духов) отлиты из бронзы. Хотя сам дворец невелик и выдержан в очень строгом стиле, он поражает прежде всего искусным литьем, целостностью и законченностью композиции. Недаром он считается самым выдающимся в Китае монументальным произведением из бронзы.

Прочие постройки храма не представляют большого интереса, подобных им можно встретить множество в разных уголках Китая. Приятно, конечно, полюбоваться в разгар зимы розами, благоухающими в цветнике, куда, кстати, почти не заглядывают посетители и где вы в полной мере можете насладиться покоем и уединением, приятно побродить среди что-то тихонько нашептывающих деревьев-великанов, но не стоит забывать, что главные достопримечательности храма — изделия из бронзы.

Во дворе храма можно видеть большой, более 2 м высотой и 14 т весом, колокол, отлитый, как утверждает оставленная на нем надпись, в 1423 г. До 1953 г. колокол находился в юго-западной башне городской стены Куньмина, и, как говорят старожилы, его голос был слышен за 10 км от города. На территорию Золотого дворца он был перенесен в 1978 г.

Здесь же возвышается фигура бронзового животного странных очертаний. Вот уж воистину «то ли буйвол, то ли бык, то ли тур». Чудовище не имеет никакого отношения к Золотому храму, кроме материала, из которого оно изготовлено. Его родословная прочно связана с народными верованиями Юньнани.

В стародавние времена шесть рек, на берегах которых расположен Куньмин, часто выходили из берегов и разливались по всей округе, губя посевы и унося тысячи человеческих жизней. Особенно буйствовала Паньлунцзян (Река свернувшегося дракона). Строились дамбы и каналы, укреплялись берега, но все это мало спасало от бедствий. По-

сколько люди верили, что все беды приносит обитающий в глубинах реки дракон, на рубеже XVIII—XIX вв. для умиротворения его и прочих речных духов на сооруженной вдоль Паньлунцзяна дамбе возвели храм. В одном из его строений, павильоне Умиротворенных волн, установили отлитого из бронзы невиданного зверя, дабы удивить, испугать и утихомирить речное чудище. «Обликом своим оно похоже на буйвола, единственный рог опущен к земле, голова нацелена в воду, ноги напряжены и готовы к бою» — так описывалась скульптура, поставленная на дамбе в начале XIX в. Когда и куда она исчезла, источники умалчивают. В 1864 г. было отлито новое чудище, попавшее в конце концов в Золотой храм и превратившееся в обычный музейный экспонат.

На обратном пути заезжаем в небольшой парк. Обычная картина: водоем, камни, извилистые дорожки... Если бы не буйствовала сиреневым цветом вишня — может, только для этого и привезли нас сюда — от посещения сада не осталось бы никаких впечатлений. Однако здесь случилось со мной одно из весьма памятных и поучительных недопониманий, без которых не обходится жизнь иностранца в Китае. Не так уж трудно попасть в нелепое положение, даже прожив в стране полгода.

В Китае, прежде славившемся своими чайными домиками, отведать этот чудесный, прекрасно утоляющий жажду и снимающий усталость напиток где-нибудь на улице, в парке стало проблемой. Об этом немало писали и центральные и местные газеты. Если учесть, что юньнаньский чай считается по своему качеству одним из лучших в стране, то понятно, почему вывеска «Чайная» над входом в небольшой, оформленный в духе традиционной архитектуры дворик заставила меня ускорить шаги и отказаться от дальнейшего блуждания по аллеям парка. Что может быть лучше и, что уж кривить душой, престижнее чашки жасминового чая в сухом климате юньнаньской зимы?

И здесь меня поджидала ловушка. Чайханщик, если можно его так назвать, удобно устроившись в застекленной будочке и не балующий свою клиентуру избытком внимания, небрежно подтолкнул ко мне две вложенные одна в одну пиалы. Стараясь не проявить свою полную безграмотность в вопросах чайной церемонии, осматриваюсь в поисках чайника или хотя бы термоса, тут же краем глаза замечаю что-то вроде мусора в одной из чашек и одновременно — фыркающие паром краны над выложенным кафелем умывальником. Когда тебя в течение полугода

приучают ходить в столовую с собственной посудой, как практиковалось даже у иностранцев, не говоря уже о китайцах, в Фудани, какую реакцию должна вызвать комбинация «грязная чашка — горячая вода»? И, только расплескав под струей кипятка почти все содержимое, соображаю, что моей жертвой стала насыпанная в пиалу щепотка заварки, а «умывальник» — не что иное, как полуавтоматизированная система подачи горячей воды для чая!

Быстро осматриваюсь... Нет, сидящие за столиками китайцы, кажется, не заметили остолебенения иностранца. Не резон и мне «терять лицо». В таких случаях принято говорить, что «на ошибках учатся», но, честно говоря, опыт этот мне больше не пригодился. С такой рационализацией ни в Юньнани, ни в какой другой провинции больше сталкиваться не приходилось.

А чай, ароматный, свежий, с плавающими поверху лепестками жасмина, был действительно замечателен. Не отказывать же себе в удовольствии даже после такого провала!

Приятные воспоминания оставила первая прогулка по главному проспекту Куньмина — Дунфэнлу (улице Восточного ветра). Плавной дугой пересекает она город с северо-запада на восток. В центре она скована теснотой старой застройки и сохраняет свое древнее название Наньпинлу (Южное прикрытие), а по краям превращается в современный проспект, пусть не столь оживленный, как городские магистрали Пекина, но отличный от узких путаных улочек старых китайских городов. Первое, что бросается в глаза после замусоренного Шанхая и слякотного Гуйлиня, — чистота. Даже как-то непривычно видеть аккуратно выметенные тротуары. Много неханьских лиц, сразу чувствуется многонациональный состав населения провинции вообще и Куньмина в частности.

Юньнань — провинция «инородческая». Территория, где расположен Куньмин, была окончательно включена в состав китайской империи только в 1254 г., а в 1276 г. был создан уезд Куньмин, названный по имени одного из аборигенных племен — предков ицзу. Сам город расположен в центральной части Юньнань-Гуйчжоуского плато на высоте 1894,7 м над уровнем моря, а отсюда — особый воздух, особый климат, особые нравы...

В надежде пополнить свою библиотеку местными изданиями и добыть кое-что из литературы прошлых лет занимаюсь розысками книжных магазинов. Поиски приводят в магазин изопродукции. У входа над самой головой в строгом стиле выполненные портреты Маркса, Энгельса, Ленина

и Сталина; под ними сверкают улыбками окруженные цветами, игрушками и аппетитными яблоками розовощекие карапузы, умными, пронизательными глазами смотрят на входящих красногалстучные пионеры. Стены и протянутые над торговым залом веревки сплошь увешаны ярко раскрашенными олеографиями. Чего здесь только не увидишь! Радостные, цветущие зажигательными улыбками девушки, суровые и сосредоточенные бойцы Народно-освободительной армии, ослепляющие блеском своих регалий маршалы КНР на красавцах конях и, конечно, Мао Цзэдун с рабочими, крестьянами, детьми... Но больше всего розовощеких, упитанных, смеющихся детей.

Возвращаемся в гостиницу уже в сумерках. Понадеявшись на карту и собственную наблюдательность, пропускаем остановку и попадаем в своеобразный, совершенно непохожий на уже отложившиеся в памяти стереотипы городской архитектуры квартал. Неширокие, петляющие улицы застроены одно-двухэтажными домами, тесно жмущимися друг к другу и составляющими сплошную линию. Над аккуратно выбеленными каменными кладками первых этажей высятся зеленые деревянные надстройки с вычурными резными балюстрадами, колоннами, балконами. В зеленый цвет выкрашены двери и ставни многочисленных лавок. Это — район юньнаньских мусульман, район исповедующей ислам этноконфессиональной группы хуэй.

Мусульманская традиция относит время появления ислама в Юньнани ко второй половине VIII в., когда багдадский халиф послал в помощь китайскому императору 3 тыс. воинов для подавления мятежа Ань Лушаня. Часть из них якобы осталась на жительство в Юньнани, положив начало мусульманской общине провинции. Как бы солидно и привлекательно ни выглядела эта легенда, но на деле идеи ислама принесли в Юньнань арабские и персидские купцы, обосновавшиеся в Куньмине где-то в конце X в., а активное обращение в новую веру аборигенов и китайцев началось в период монгольского завоевания, когда Юньнанью правил наместник Хубилая, ревностный мусульманин Сай Дяньчи. В конце XIII в. посетивший Куньмин Марко Поло дал ему такую характеристику: «Большой и знатный город, купцов и ремесленников там много, есть тут и мусульмане, и идолопоклонники, и христиане». Из среды юньнаньских мусульман, которых китайцы стали рассматривать как одну из малых народностей и именовать «хуэй», вышел известный флотоводец и дипломат начала XV в. Чжэн Хэ, доходивший

со своими эскадрами до берегов Восточной Африки и Персидского залива.

Тихая и мирная жизнь юньнаньских мусульман была нарушена в 30—50-е годы XIX в., когда их общины подверглись религиозным гонениям со стороны местных властей и китайцев-немусульман. Последовала серия погромов. Только за два майских дня 1856 г. в Куньмине и его окрестностях было перебито 20 тыс. человек. Итогом погромов стали восстания, продолжавшиеся в общей сложности 18 лет. За эти годы провинциальный центр трижды подвергался осаде. С тех пор мусульманское население Куньмина сильно поредело. Сегодня среди почти 2 млн. его жителей хуэй насчитывается немногим более 10 тыс. Вместе с *шэзу*, *бай*, *мяо*, *наси* и другими народностями они вносят в жизнь города что-то свое, необычное и только ему присущее.

В поисках затерявшейся гостиницы сворачиваем еще на одну узкую улицу, бегущую между одноэтажными кирпичными домиками, стены которых украшены небольшими, метр на два, но настоящими, написанными маслом картинами. За исключением одной, изображающей печатающих шаг по бульвару полицейского и дружинника с чеканными лицами и призывающей соблюдать законы и укреплять дисциплину, все остальные сюжеты (а впоследствии в северо-западной части города таких образцов настенной живописи мне попадалось немало) связаны с достопримечательностями Китая: озеро Дяньчи, храм Неба в Пекине, изумительные пейзажи Сучжоу и Ханчжоу неизвестный художник (художники?) запечатлел на стенах родного города. Думаю, не ошибусь, если предположу, что своей чистотой и своеобразным эстетическим оформлением улицы Куньмина во многом обязаны деятельности квартальных канцелярий, где работают, видимо, настоящие патриоты города.

Утро следующего дня начинается с привычной уже суеты и неразберихи, в результате выезжаем на полтора часа позже, чем запланировано. Полчаса дороги — и мы у цели, у подножия Сишань. Еще минут десять автобус карабкается по извивающейся ленте шоссе в гору, обгоняя уже многочисленных, бредущих от остановки общественного транспорта туристов. От места стоянки автобусов еще около километра идем пешком к Саньцингэ (храму Трех чистых), расположенному на склоне горы Архатов. И на стоянке автобусов, и на тенистой обочине ведущей к храму гладкой асфальтированной дороги расположились с нехитрыми, но крайне популярными у путешественников товарами —

прохладительными напитками, очищенными ананасами, семечками, сувенирами — сухонькие старушки, молодые женщины, бойкие вездесущие мальчишки. Один из таких юных «бизнесменов», забыв о стоящем у его ног ящике с мороженым и необходимости рекламировать свой товар, углубился в чтение пожелтевшей, потрепанной брошюры. Интересная, видимо, попалась книжка.

Погода — просто изумительная: густо-синее небо, яркое солнце, свежайший, чистейший воздух, которым просто нельзя надыхаться. Все озеро — как на ладони. Вода в нем местами темно-синяя, местами зеленая, местами бурая. Прибрежная полоса усеяна поплавками рыбацких сетей. На северном берегу у подножия пологих гор разбросан Куньмин.

Среди голых безжизненных глыб, усыпавших восточные склоны горы Архатов, непостижимым образом цепляются за островки земли стройные тонкоствольные сосны. Их яркая, сочная зелень чудесным образом гармонирует с синевой высокого неба и резко взбирающейся вверх серой гранитной кручей.

У входа в храм столпотворение. Масса людей, прежде незаметно растворявшаяся на дороге, скапливается у узких ворот, просачивается сквозь них и непрерывной извивающейся лентой по лестницам и дорожкам устремляется вверх, к Воротам дракона.

Туристические проспекты утверждают, что, лишь посетив Саньцингэ, можно ощутить красоту Западных гор и, только поднявшись к Воротам дракона, узнать причудливость горы Архатов. Вероятно, все так, но, как мне кажется, чтобы по-настоящему прочувствовать очарование этого как бы врезанного в отвесную скалу, нависающего над озером, словно над всем миром, Дворца небожителей, необходимо побыть там без суеты, спешки, мелькания множества отнюдь не погруженных в раздумье и созерцание прекрасного, а торопящихся запечатлеться на фоне Дяньчи или скалы лиц хотя бы несколько часов. Но нам знакомиться с храмом приходится чуть ли не бегом, застревая к тому же в многочисленных пробках в узких горловинах переходов и только изредка позволяя себе остановиться, перевести дух и пристально взглянуть на окружающее нас великолепие. Как тут не пожалеть о потерянных утром часах!

Сразу же за входом — изящный двухэтажный павильон. Из темноты небольшого квадратного зала каждого входящего в храм насквозь просвечивают грозно выпученные глаза хранителя горных ворот Ван Линьгуаня. Он, как гласит предание, был реальным человеком, жил в период

Сун и посвятил свою жизнь изучению Дао. Как это нередко случалось с ревностными приверженцами даосизма, после своей смерти он был канонизирован и возведен в ранг Двадцать шестого Небесного полководца, а потом «получил повышение» и стал святым, хранителем ворот. Стальная плетка, которую держит в руке Ван Линьгуань, предназначена для того, чтобы отгонять злых духов, пытающихся пробраться в обитель святых и потревожить их покой.

История храма начиналась прозаически. Более шестисот лет назад, в период господства династии Юань, наместник провинции князь Лян построил на этом живописном месте загородный дворец. После свержения власти монголов здесь был возведен храм, в разное время именовавшийся Храмом яшмового владыки, Храмом на берегу моря, Храмом архатов, а в последние столетия — храмом Трех чистых. Последнее название, которое он носит и поныне, требует объяснения, поскольку имеет глубокую религиозную символику.

По даосской концепции мира, Небо состоит из девяти сфер (может, именно поэтому, хотя мне трудно судить категорично, в стародавние времена в храмовой комплекс входило девять строений), на последнем «девятом небе» находится дворец Верховного владыки. Три высших, «чистых» мира являются вотчиной трех верховных даосских святых — Юань Ши, Лин Бао и Тай Шана. Поэтому термин «три чистых» (*саньцин*) часто использовался в Китае для наименования даосских святилищ, расшифровываясь как «Обитель бессмертных».

В настоящее время храм состоит из десятка строений, большинство из которых было сооружено в 20—40-х годах прошлого века. На его территории в момент нашего посещения шел ремонт. Об этом свидетельствовали груды песка, кирпичей, строительного мусора, ажурные леса вокруг некоторых зданий. Тяжело взбирались по ступенькам, лавируя между любопытными туристами, нагруженные песком, кирпичами, гравием загорелые, сухощавые рабочие. Коромысла из расщепленного надвое бамбука мерно покачиваются на их натруженных плечах.

От Саньцингэ узкая, выдолбленная в толще скалы тропа, над которой красуются четыре больших иероглифа «Иное обиталище небожителей», ведет к подземным сооружениям — залу Лао-цзы (полулегендарный автор главного даосского трактата «Дао-дэ цзин» и основатель даосизма), к «старой» и «новой» каменным комнатам, также украшенным горельефами и надписями. Заслуга в создании этих гротов

и тропы к ним принадлежит монаху У Лайцину, трудившемуся здесь в конце XVIII в.

На стенах много литературных надписей, оставленных посетителями храма в прошлом веке. Некоторые эссе состоят из сотен иероглифов. Мальчишки, да и взрослые увлечены странным занятием: пытаются пристроить к гладким, отполированным четырехугольникам с этими надписями легкие алюминиевые монетки в один фэнь. Оказывается, к какому иероглифу пристанет монетка, такая судьба ждет ее владельца. На черной стене уже серебрится десяток маленьких кружочков.

Прокладка, а точнее, пробивка тропы по обрыву была продолжена в 1840—1853 гг. В ней участвовали резчики по камню и каменотесы из окрестных деревень. Увенчался многолетний труд неизвестных строителей созданием Ворот дракона на небольшом естественном выступе скалы. На этой же террасе были сооружены Павильон достижения Неба и Пещера облачных цветов.

В Китае существует несколько гор с названием Врата дракона, но наиболее известными являются те, что расположены в среднем течении Хуанхэ на стыке провинций Шаньси и Шэньси. По китайским мифам, легендарный Юй, спасший землю от потопа, именно здесь пробил дорогу водам Желтой реки. Говорят, и юньнаньская достопримечательность носит свое название в честь деяний великого Юя.

В то же время термин «врата дракона» (*Лун мэнь*) в переносном смысле означает славу, известность, а выражение «пройти через врата дракона» — «прославиться», «стать знаменитым». Кто же из смертных не жаждет достичь славы, почета и уважения? И пусть это несовместимо с даосским учением, провозглашающим отшельничество и удаление от мирской суеты единственной ценностью мира, но, может, кто-то, стремясь достичь драконовых врат и вынужденный пройти через храм Дао, задумается о бренности и суетности жизни? Вот он, синкретизм китайских религий, когда нередко трудно отличить, где кончается народный даосизм и начинается официально-чиновническое конфуцианство.

«Вратами дракона» в феодальном Китае называли также и вход в экзаменационный зал, где писались длинные, скучные, строго регламентированные темой, формой и манерой изложения сочинения на морально-этические и исторические темы, становившиеся для немногих счастливицев ступенью к власти, богатству, знатности. Система экзаменов, существовавшая в почти неизменном виде с VI в. н. э.

и до 1905 г., была главным поставщиком феодальной интеллигенции и кандидатов в бюрократический аппарат, поддерживала отношение к книжной премудрости как к главному источнику и средству совершенствования человеческой природы. Отступление это имеет самое прямое отношение к образам, которые встречаются нам дальше: в Павильоне достижения Неба среди множества надписей на первый план выступают три горельефа — в центре — Куйсина, духа одной из звезд Большой Медведицы, покровителя литераторов и ученых; слева — Вэнь Чана, покровителя просвещения; справа — Гуань Шэна, покровителя воинского искусства. Когда-то за помощью к этим богам обращались те, кто готовился к сдаче экзаменов на гражданскую или военную степень, кто стремился «взобраться туда, где феникс и дракон», т.е. добиться заоблачных высот на литературном и научном поприще.

Сегодня никто не просит поскучевших от безделья богов об успехе на экзаменах, хотя конкурс в китайские вузы исключительно велик. Да и звание ученого, писателя, поэта стало в стране после вакханалии «культурной революции» не столь престижно. Сегодня к Вратам дракона поднимаются для того, чтобы сфотографироваться на их фоне, бросить взгляд на расстилающиеся под ногами воды Дяньчи и окружающие его горы и потом долго и с восторгом рассказывать друзьям и домочадцам о посещении чудесных и удивительных Западных гор.

На обратном пути заезжаем в буддийский храм, расположенный на укутанной зеленым покрывалом густого леса вершине Хуатин, лежащей чуть ниже горы Архатов. После карабканья по крутым тропам «Обители бессмертных» сказывалась легкая усталость, и только настояния лаоши и нескольких энтузиастов вынуждают остальных покинуть мягкие сиденья и двинуться на двадцатиминутную — по крайней мере мы так договариваемся — прогулку. Покидать же храм не хотел никто.

Прежде всего сам окружающий пейзаж завораживает изумительным сочетанием цветов: красно-желтые постройки храма четкими линиями врезаются в изумрудную зелень резко идущего вверх склона, и над всем этим господствует ультрамариновое небо. Во внутреннем дворике цветут деревья, на глянцевой поверхности небольшого водоема играют блики золотистого солнца. Вокруг разлито ласковое, убаюкивающее тепло.

Впрочем, все это — чувства и ощущения, крайне обострившиеся благодаря чудесной погоде. Возможно, в другое

время года, в дождь или жару от этих прелестей не останется и следа, но любому, кто соберется посетить Западные горы в конце зимы, посоветую: обязательно побывайте в Хуатинсы — Храме цветущего павильона (рис. 6). Это не просто чудесный, похожий и в то же время непохожий на другие буддийские монастыри и храмы дворец, но и самый большой из ныне действующих в Куньмине.

История его существования также начиналась с загородной резиденции, построенной на том самом месте в 1063 г. сановником государства Дали (об этом государстве разговор пойдет позднее) Гао Чжишэном. Его потомки дали горе ее нынешнее название — Цветущий павильон. В 1320 г. знаменитый куньминский монах Сюань Фэн построил здесь тростниковый скит, а всего через три года, собрав пожалованные мирянами средства, — большой храм, названный Храмом полного прозрения (Юаньцзюэсы). Вскоре Юаньцзюэсы стал одним из центров пропаганды буддизма в Юньнани, а живописные места вокруг него привлекали на прогулки жителей провинциального центра. Храм неоднократно реконструировался, а настоящий свой вид приобрел в 1923 г. Юньнаньский милитарист Тан Сюйяо, глубокий почитатель буддизма, видимо здорово нагрешивший в своей земной жизни и решивший позаботиться о будущей, специально пригласил для руководства строительством хунаньского монаха Сюй Юня и финансировал все работы.

Храм начинается с Драгоценного зала Небесных князей, по обеим сторонам входа в который сверлят взглядами посетителей восседающие на тиграх необыкновенно свирепые, играющие мускулатурой фигуры двух стражей. Левого зовут Шэньшу, правого — Юлюй. По древним китайским преданиям, так звали двух братьев, наделенных способностью укрощать демонов и бесов. Когда-то, гласит легенда, в море была гора, и через расположенную на ее северо-восточном склоне пещеру из-под земли выходили тысячи и тысячи демонов, неся вред и бедствия людям. Братья Шэньшу и Юлюй решили спасти мир от этой напасти, спрятались у ворот, ловили демонов и скармливали прирученными тиграм. Так и стали они для народа духами-хранителями дверей и изображаются со свирепыми лицами, в полном вооружении и верхом на тиграх, чтобы в любое время быть готовыми справиться с вырвавшейся на свободу нечистой силой. Перед храмами они ставятся с той же целью: напугать пытающихся проникнуть туда врагов учения и всякую нечисть.

В центре Драгоценного зала — расписанный красным

лаком алтарь, на котором восседает один из восьми бодисатв, будущий будда Майтрейя, своим чрезмерно тучным телом, блаженной позой, лоснящимся словно от жира лицом, расплывшейся улыбкой демонстрируя удовлетворение жизнью. В народе его называют «дадуцзы Милэ» («толстобрюхий Майтрейя») и рассматривают как символ полного довольства. По бокам его ниши часто встречаются надписи, выражающие и его личную философию, и всю философскую концепцию буддизма:

Я смеюсь. Тому есть причины. Да и действительно смешно!
Ты же суетен в мире без конца. Кого ради, чего ради?

С пришествием на землю Майтрейи многие поколения китайцев связывали надежды на лучшее будущее, счастье, благоденствие. С лозунга «Майтрейя появился!» нередко начинались восстания, организуемые и возглавляемые буддийскими еретическими сектами, и тысячи экзальтированных верующих брались за оружие, чтобы помочь новоявленному Будде установить на земле новый, справедливый порядок. И сегодня перед его изображением не гаснут плавающие в растопленном масле фитильки, курятся сандаловые палочки.

Умиротворенный облик Майтрейи резко контрастирует со свирепым видом двух пар закованных в броню грозных воинов, застывших в устрашающих позах вдоль стен. Это — небесные князья-охранники, махараджи, охраняющие Поднебесную и учение Будды.

Согласно индийским мифам, за миром и покоем в четырех сторонах света, расходящегося от священной горы Сумеру — вершины Гималаев, — наблюдают «четыре великих хранителя мира» — *локапала*. Белолицый Владыка востока играет на *пипа* — китайском варианте гитары; Владыка юга с лицом черного цвета держит в руках драгоценный меч; Владыка запада с красным лицом зажимает в руке ящерицу; синий Владыка севера держит дождевой зонт. Под ногами у Небесных князей — фигуры усмиренных духов и оборотней в виде фантастических безобразных чудовищ.

Самый ценный предмет материальной культуры в Драгоценном зале не имеет отношения ни к буддизму, ни к религии вообще, хотя для китайцев культ прекрасного — тоже своеобразная религия. Поэтому и ценятся здесь превыше всего парные надписи на колоннах перед входом. Их авторство приписывается известному ученому, литератору и поэту Ян Шэню (1488—1559), который 35 лет жил и творил в го-

роде вечной весны. Небольшой текст, всего из 32 иероглифов, описывает несравненную красоту Дяньчи и Сишань.

Перед входом в зал со стороны внутреннего дворика отбивает поклоны будде пожилая женщина. Ее сменяет девочка лет четырех-пяти, довольно сноровисто и споро выполняя положенный обряд поклонения. Но в храме куда больше зрителей, чем верующих.

Главный зал Хуатинсы посвящен основателю буддизма будде Шакьямуни, «Просветленному». Среди прочих аналогичных сооружений Куньмина зал выделяется своей величественной красотой. В центре его — золоченая статуя Шакьямуни; справа и слева — такие же изображения погруженных в созерцание покровителя «Западного рая» Амитафо и Будды-исцелителя, патриарха восточной части мира Йошифо (рис. 20). Балки, столбы, перекрытия выкрашены в ярко-красный цвет, искусно расписаны и гравированы позолотой. На четырех стенах зала изображены 500 учеников Будды — архатов, может не столь изящно и живо, как в пекинском храме Биюньсы или куньминском Цюнчжусы, но достаточно мастерски, чтобы создать законченную композицию внутреннего убранства.

Нехотя поднимаемся по ступенькам автобуса. Можно подарить Западным горам и день, и два, и три и не пожалеть об этом. Тому, кто увлечен историей буддизма, не помешает заглянуть в очаровательный древний храм Тайхуасы, приютившийся на склоне одноименной горы, а интересующимся историей китайской революции и китайской музыки посетить могилу композитора-коммуниста Не Эра, автора «Марша добровольцев», гимна Китайской Народной Республики. Памятник, расположенный недалеко от Тайхуасы, был реставрирован в 1980 г.

Мы же, убаюканные плавным покачиванием автобуса, покрасневшие от свежего воздуха и яркого солнца, возвращаемся в гостиницу. Час на обед, сборы — и снова на колеса. Едем в Каменный лес, к очередному чуду Юго-Западного Китая.

Километров тридцать, до маленького уездного городка Чэнгун, путь наш лежит по тщательно ухоженной зеленеющей равнине. Проплывают в отдалении землистого цвета деревушки. Змейками бегут к ним через поля неширокие тропы. Обычный сельский пейзаж Центрального Китая. Но вот на окраине Чэнгуна дорога делает резкий поворот на северо-восток и начинает постепенно взбираться в горы. Лента шоссе цепляется за северную кромку долины, которую по мере ее возвышения все настойчивее берут в тиски

красно-бурые, почти безлесные, покрытые чахлой травянистой растительностью горы.

Появляется возможность поближе рассмотреть грудящиеся на пыльных склонах селения. Какие-либо излишества в их архитектуре напрочь отсутствуют. Простейшие, сложенные из самодельного кирпича и обмазанные глиной домишки обращены к дороге глухими, грязно-желтыми стенами. Квадратные, никогда не знавшие стекол, кое-где забранные бамбуковыми решетками маленькие окошки подслеповато смотрят в сторону от дороги. Деревни похожи одна на другую, они того же цвета, что и земля, на которой стоят. По обеим сторонам от шоссе то здесь, то там выстроены на просушку, сложены штабелями и прикрыты соломой от не по-зимнему жаркого солнца кирпичи из той же глины и краснозема, на которых веками пахали и жали, в которых жили и умирали поколения здешних крестьян.

Первая, хоть и мимолетная встреча с настоящей, не причесанной и не приглаженной для иностранных туристов деревней. Достаточно единожды взглянуть на эту жизнь, чтобы понять, почему из столетия в столетие не прекращалась борьба крестьян за лучшую жизнь. Скудость здешних земель — лишь одна половина беды. Вторая — полное отсутствие лесов и пригодного для строительства камня. И по-прежнему стоят на земле, политой потом, просеянной сквозь пальцы многих поколений, бедные хижинки, и цивилизация проносится мимо них с той же скоростью, что и наш автобус.

Долина, наконец-то взобравшись к перевалу и сузившись до нескольких десятков метров, упирается в водохранилище Сунмао, что в переводе означает «Пышные кроны сосен». Вода в нем грязная, мутная, но без преувеличения животворная: она питает всю низлежащую долину; отсюда по сложной системе каналов бегут к рисовым полям живительные струйки, без которых нельзя надеяться на хороший урожай.

А наша дорога все дальше и дальше взбирается вверх, вторгаясь в царство безжизненных гор. Камень и пожухлая трава — вот все их богатство. Перевал следует за перевалом. Красноватая окраска уступает место желто-коричневым тонам, и лишь кое-где проглядывают пятна яркой зелени посевов на отвоеванных у суровой природы уступах да проступают неровными точками неизвестно каким образом уцепившиеся за склоны деревья. Унылый, безрадостный пейзаж. И вдруг — за очередным поворотом в глаза бьет ошеломляющая синева. Далеко внизу в золотистой

оправе складчатых берегов едва заметно дышит лазурная гладь озера Янцзунхай.

Еще десять минут спуска, и мы останавливаемся в маленьком придорожном мотеле с поэтическим названием «Сад морских ветров». Можно размять затекшие ноги, выпить чашку горячего чая. В небольшом дворике цветут ромашки, трепещут под порывистым ветром побуревшие листочки на голых ветвях розовых кустов. Озеро — все на виду. Его расплескивающие синь лазоревые воды далеко на горизонте почти сливаются с белесым небом, и лишь узкая полоска окутанных голубоватой дымкой гор разделяет их. Вид несколько портит дымящая трубами электростанция, притулившаяся на его северном берегу, но, если смотреть на юг, не видно ничего, что бы напоминало о присутствии человека.

Дорога снова скатывается на равнину. Окружающий пейзаж становится живее и приветливее. Исчезают каменные осыпи и пыльные обрывы, со всех сторон наступают зеленеющие порослью фасоли, бобов и прочих ранних культур или только приготовленные под посадку риса поля. Мелькают фигурки погруженных по колени в холодную черную жижу, равномерно машущих тяжелыми мотыгами или устало бредущих за понурыми буйволами крестьян. Другие, босиком, с высоко закатанными штанинами, отдыхают на межах, провожая автобус молчаливыми взорами. Звенят бубенчики на шеях низкорослых лошадок, весело тянущих груженые зеленью, сеном или нехитрым домашним скарбом повозки.

Еще через полчаса проезжаем по окраине города Илян, и снова шоссе устремляется в горы. Некоторое время автобус петляет среди поросших китайской сосной невысоких скал, но эта радующая глаз лесная полоса скоро остается позади, и мы снова вторгаемся в царство гор. Но это уже другие горы, они не такие унылые и безжизненные, как по другую сторону долины.

Наконец вдали вырисовывается странное нагромождение камней. Это Шилинь, Каменный лес.

Вполне приличная гостиница, где по вечерам случается и горячая вода. После вкусного, очень острого ужина успеваю взобраться на вершину близлежащей скалы и сделать несколько снимков пламенеющего в лучах заходящего солнца каменного хаоса.

На берегу одетого в каменную рубашку Шилиньху — Озера каменного леса — идет бойкий торг. Десятка два женщин в национальных одеждах, перебивая друг друга, расхваливают

перед иностранными туристами предметы кустарного производства: своеобразным узором расшитые и отделанные по краям украшениями под серебро куртки, халаты, штаны, пояса, головные уборы. Только теперь осознаю, что мы оказались в «инородческой» части Китая, в районе расселения *сани*, одной из этнических групп народности *ицзу*. Народность эта имеет древнюю и очень непростую историю, в скрижалях которой зафиксировано создание мощного, независимого государства Наньчжао-Дали, оставившего значительный след в истории и культуре Китая.

Уезд Лунань, где расположен Каменный лес, носит статус автономного уезда *ицзу*. И как неожиданно и отрадно было видеть, что народ сумел сохранить национальный стиль и колорит своего костюма, несмотря на явно неблагоприятные для этого события конца 50-х — первой половины 70-х годов. Правда, это касается только женщин. Все мужчины обряжены в типичную для всего сельского Китая мешковатую сине-зеленую униформу.

Наутро вновь спешу на скалу в надежде посмотреть на Шилинь в лучах восхода. Восторгаться нечем: перед глазами не более чем хаотическое нагромождение камней. Однако разочарование исчезло, стоило только выйти на берег гладкого, как отполированное зеркало, озера (рис. 5). Казалось, в нем застыли в своем отражении не только окружающие берега и встающие из воды светло-коричневые в свете яркого утреннего солнца, играющие причудливыми тенями камни, но и само бездонное небо. И не отличить, где кончается земля и начинается свой путь зыбкий, готовый при первом дуновении ветерка рассыпаться образ. Воздух свеж, сух и удивительно прозрачен. Трудно оторваться от этой изысканной, неподдельной красоты.

Следующие два с половиной часа проводим в мире камня. На отвесной стене устремленного ввысь утеса два больших красных иероглифа: «Шилинь». Здесь же поменьше и побледнее, но отнюдь не страдающая скромностью надпись: «Самый причудливый вид в Поднебесной». Перед входом в Шилинь стоят с аппаратами на изготовку энергичные фотографы, для любителей экзотики развешаны национальные костюмы *сани*. За небольшую плату можно взять костюм напрокат и запечатлеться на фоне «самого причудливого вида».

Выложенная отполированными плитами тропинка уводит в глубь Каменного леса. Единственное, что можно видеть вокруг, — нагромождение камней, от огромных, как фантастические башни, высотой до 40 м глыб до крошечных,

словно пробивающиеся из земли ростки бамбука, осколков (рис. 27). Над головой синеют маленькие окошки голубого неба. Пробираемся тесными переходами, с трудом протискиваемся в узкие щели, опускаемся в глубокие ущелья, где над головой угрожающе нависают массивные обломки, карабкаемся по скользким ступенькам на смотровые площадки, заглядываем в манящие своей таинственностью гроты, смотримся в поблескивающие темно-зелеными водами озера. Отстань от толпы, уединись по узкой боковой тропинке, и кажется, что попал в ненастоящий, выдуманный мир, что занесла тебя нечистая сила в царство волшебников, великанов и гномов. «Там чудеса, там леший бродит, русалка на ветвях сидит...». Русалок в Каменном лесу не наблюдается, а вот животный мир представлен довольно широко.

Двухкилометровая тропа пролегает мимо причудливых изваяний, сотворенных за многие века неутомимым тружеником — природой. Вот феникс, чистящий свои перья, вот взобравшийся на постамент слоненок, вот два целующихся голубка, а вот и огромный каменный цветок — пик лотоса. Так можно ходить очень долго: общая территория, на которой разбросаны «каменные деревья», составляет около 30 тыс. га, а наиболее интересный участок, где расположены самые любопытные и уже освоенные туристами большой и малый «каменные леса», озеро Шилинь, водоем Лотосов, — более 80 га.

Широко известным этот памятник стал в Китае совсем недавно, лишь 20 лет назад. Правда, исторические записи свидетельствуют, что посещали его еще в период Мин, но то ли отсутствие приличных путей сообщения, то ли негостеприимство местных племен, не очень жаловавших пришельцев с востока, то ли боязнь обитающих в каменных джунглях злых духов отвращали людей от посещения этих мест. В Китае о них по-настоящему узнали лишь в 40-х годах XX в., когда в г. Лунань был создан филиал Политехнического университета и его преподаватели и студенты ознакомились с достопримечательностью. Теперь же популярность Шилиня очень велика, здесь побывали сотни тысяч туристов, многие крупные руководители КПК и КНР, в том числе Лю Шаоци, Чжоу Эньлай, Чжу Дэ, Чэнь Юнь.

Существует и предание о возникновении Каменного леса. Оно гласит, что давным-давно на этом месте была равнина, на которой в лунные ночи собиралась и веселилась молодежь. В одну из таких ночей проходивший через Лунань святой Чжан Саньфэн стал свидетелем этих игр и танцев и был обескуражен их безнравственностью. Разгневанный

святой вызвал сильный ветер и проливной дождь, под аккомпанемент которых на равнине выросло множество странных скал и причудливых камней. Как все легенды, эта тоже имеет свою реальную основу. Возможно, возникновение ее связано с попытками феодальных правителей Китая пресечь традиционные празднества народа сани, проходившие в лунные ночи и нередко сопровождавшиеся заключением брачных соглашений, навязать ему конфуцианские морально-этические принципы и обряды. Такие действия, высокопарно именовавшиеся «приобщением туземцев к цивилизации», широко практиковались в «инородческих» районах Срединного государства.

Если же говорить о Шилине с точки зрения науки, то он являет собой природные карстовые образования, возникшие там, где 270 млн. лет назад бушевал океан. В результате тектонической деятельности район поднялся на высоту 1700 м над уровнем моря, а вода, солнце и ветер превратили бывшее морское дно в одно из чудес, привлекающих ныне туристов со всего Китая и из-за его пределов.

Шилинь не единственное явление такого рода в Китае. Утверждают, что подобные картины можно видеть в горах Даньсяшань в пров. Гуандун и Уишань в пров. Фуцзянь; наблюдал я «каменный лес» в миниатюре в Гуйчжоу, но юньнаньский — самый большой и причудливый.

Для полноты впечатлений необходимо заглянуть в малый Шилинь и взглянуть на скалу, существование которой связывается с одной из самых древних и прекрасных легенд народности сани, именуемой «Асма». Эта легенда о любви, преданности, бесстрашии переведена на русский язык Б.Б. Вахтиным и Р.Ф. Итсом и опубликована в книге «Эпические сказания народов южного Китая» (М.—Л., 1956). В кратком изложении она выглядит так.

Давным-давно в западной части пров. Юньнань, в родовых землях сани жила семья бедного крестьянина Гэлучжима. Родилась у него дочь, прекрасная Асма. «Среди многих сотен тысяч, среди всех цветков камелий — самый ты цветок красивый. Среди многих сотен тысяч девушек сани — ты всех девушек прекрасней!» — говорили о ее красоте люди. У Асмы был старший брат, сильный и мужественный Ахэй. Асма и Ахэй любили друг друга не только как брат и сестра, но и более глубокой любовью.

Сын богатого и коварного помещика Жэбубала по имени Ачжи, прослышав о красоте Асмы, решил взять ее в жены. Но Асма отказалась от всех соблазнов, от серебра, золота, драгоценностей, великолепных нарядов, которыми искушал

ее незадачливый жених. И тогда Жэбубалы похитили девушку и увезли ее в свой дом. Но Асма по-прежнему не желала покориться, обличала жестокость и коварство похитителей, и те в гневе бросили ее в темницу.

Вернувшийся с охоты Ахэй не нашел дома младшей сестры и бросился на ее поиски. Ему пришлось выдержать ряд тяжелых испытаний: состязаться с Ачжи в пении и загадывании загадок, рубке кустарника, посадке риса и плодовых деревьев, уборке урожая, схватиться со злобными тиграми, и везде он с честью выходил из трудного положения. Жэбубалы были вынуждены отдать ему Асму, но, вступив в сговор с духами Гуйшаньских гор, они вызвали мощный потоп, который вырвал Асму из рук Ахэя и унес ее. «Брат Ахэй сражался долго с горным бешеным потоком и нырял в его глубины, но найти не мог он Асму. Победил поток свирепый, усмирил Ахэй пучину и вскричал три раза громко: „Асма, Асма, где ты, Асма!” И с Двенадцати утесов вдруг ему ответил голос: „Асма, Асма, где ты, Асма!”» Эхо Гуйшаньских гор — это та самая Асма, которую так и не нашел Ахэй.

И вы можете стать перед скалой, очень похожей своими очертаниями на фигуру молодой девушки и именуемой местными жителями воплощением Асмы, и крикнуть: «Асма!» И громкое эхо отовсюду отзовется: «Асма... Асма... Асма...»

В немалой степени популярности этой легенды и Каменного леса вообще способствовал художественный фильм «Ашиму» (так в китайской транскрипции произносится Асма), снятый в 50-е годы.

В центре малого Шилиня находится большая поляна, где ежегодно в ночь с 23-го на 24-е число шестого месяца по лунному календарю устраивается один из главных праздников народности сани — «праздник факелов», или «возвращение звезд». Его возникновение легенда связывает с судьбой изумительной по красоте жены вождя племени ицзу Мэнаня, столь прекрасной, что звезды меркли, не смея соперничать с ее совершенной красотой. Когда китайские войска впервые вторглись на территорию ицзу, что случилось где-то в III—II вв. до н.э., злобный и жестокий военачальник Го Шиюн убил Мэнаня и решил сделать его вдову своей наложницей. Но красавица осталась верна своему мужу и, чтобы не достаться Го Шиюну, бросилась в костер. В память об этом событии и устраивается праздник с кострами, факелами, песнями, играми, танцами. В эту ночь юноши и девушки выбирали себе пару и уходили в горы, что расценивалось как оформление брачного союза.

А сегодня на поляне процветает туристская индустрия. Развешаны цветастые наряды сани для желающих сфотографироваться на фоне скалы Асма; одетые в национальные, но далеко не первой свежести костюмы женщины предлагают напитки и сувениры; укрывшись от солнца широкополыми шляпами скучают у своих фотогеничных мустангов, уже никак не реагирующих на смену позирующих наездников, доморощенные ковбои. Видимо, утомившись от безделья, один из них картинно вскакивает в седло, дает лошади шпоры и уносится по каменной дорожке, наполняя воздух дробным перестуком копыт.

К полудню Шилинь наполняется посетителями. Сегодня воскресенье, и множество туристов группами и в одиночку, рейсовыми или специальными автобусами приезжает из Куньмина и других городов, чтобы провести несколько часов в чудном мире камня. Шумно и людно становится на тропинках Каменного леса, непрерывно щелкают затворы фотоаппаратов перед воплощением Асмы, кипит жизнь на берегу озера Шилинь, где владельцы закусовых в преддверии обеда раскинули свои приспособления: небольшие жаровни с одним-двумя брызжущими кипящим маслом глубокими котлами, складные столики со стопками пиал и пучками пропитавшихся жиром палочек для еды, да тазы для мытья грязной посуды. Везде готовятся одни и те же незатейливые, но сытные блюда: жареная лапша с мясом или овощами, притягивающие глаз золотистой корочкой пельмени, разнообразные мясные приправы к с верхом наполненной чашке традиционного риса.

При высоком солнце и поднявшемся ветре от утренней прелести озера не осталось и следа. Теперь это заурядный водоем, утыканный неприглядными обломками скал, окруженный шумной толпой туристов. Пора уезжать.

Обратный путь до Куньмина не приносит уже столь свежих и ярких впечатлений. Даже Янцзунхай не воспринимается так восторженно, как накануне. Неутомимая Ту пытается организовать концерт национальной песни, но ее инициатива не находит поддержки. Стремительный темп нашего путешествия, масса впечатлений, которые не успевают отстояться, накладываются одно на другое, действуют уже отягощающе.

Ужинаем в этот вечер в частном вьетнамском ресторане, расположенном на небожном перекрестке в 10 минутах ходьбы от гостиницы и в двух шагах от Юньнаньского университета. У дверей нас встречает импозантного вида сухощавый, в белом колпаке и с редкой седеющей бородкой

хозяин. Легко переходя с английского на французский, потом на китайский, опутывает нас сетью услужливых фраз и усаживает за круглый стол в углу небольшого зала. У хозяина богатая биография: вырос в Шанхае (и, конечно, расплывается в улыбке при словах «Фуданьский университет»), жил в Бирме, Вьетнаме и не так давно обосновался в Куньмине. Ресторан очень мал, в нем с трудом уместятся шесть столиков, но это только прибавляет ему популярности, особенно среди иностранцев. Путеводители по Китаю, активно издаваемые ныне фирмами туристического бизнеса за рубежом и являющиеся путеводной нитью почти для каждого приезжающего в страну иностранного гостя, обязательно рекомендуют посетить «Кофейню мистера Тана». О популярности ресторанчика говорят многочисленные фотографии и визитные карточки гостей, украшающие стены. И сам хозяин, поддерживая престиж фирмы, дарит каждому из нас по маленькому календарiku с приписанным от руки адресом ресторана и палочки для еды.

Пока выполняется заказ, оглядываюсь по сторонам. За невысокой перегородкой хлопочут у огня два пожилых повара, а обслуживанием посетителей занимаются жена, дочь и племянник хозяина. Но заказы у иностранцев он принимает самолично, грациозно чиркая в маленьком блокнотике облаченной в белую перчатку рукой. Застекленная витрина пестрит красочными этикетками импортных напитков: французские коньяки, шотландские виски, кока-кола.

Заходят два китайца среднего возраста, видимо завсегда-тай, налегают на быстро принесенные им овощи. Появляется чета иностранцев с двумя симпатичными ребятишками, и у меня появляется возможность понаблюдать всю процедуру их обслуживания со стороны. Широкая любезная улыбка, персональные календарики и сувенирные палочки. В изысканном полупоклоне «мистер Тан» предлагает детям кока-колу и импортные соки, чем моментально завоевывает расположение детей и одобрение родителей. Как отличается здешнее обслуживание от обычных китайских ресторанов, не говоря уже о нашем ресторанном сервисе!

Через 20 минут на столе появляются первые, с пылу, с жару блюда. Два сорта жареного, хрустящего овечьего сыра, лягушачьи лапки в кисло-сладком томатном соусе, острейшая говядина, несколько видов прекрасно приготовленных овощей, в числе которых знаменитые юньнаньские грибы. Завершается ужин свежими грушами и конфетами. Это уже инициатива хозяина, знающего, как воздействовать на клиента и развязать его кошелек. После такого обслуживания

к явно не соответствующему проставленным в меню ценам счету относишься более благодушно. А хозяин с явным удовольствием фотографируется с нами на память. Опять же реклама.

Однако прежде обсуждавшееся нами предложение посетить еще одну вьетнамскую кофейню, где, по утверждению путеводителей и заверениям старожилов, варят «настоящий кофе», было предано забвению. Этот действительно неплохой кофе мне удалось попробовать только через несколько месяцев, во время второго приезда в Куньмин.

В шесть тридцать поднимаемся по своему будильнику. Через пятнадцать минут прозвучал заказанный на половину седьмого побудочный телефонный звонок. Завтрак на скорую руку, после которого узнаем, что отъезд переносится на одиннадцать. Есть два с половиной часа для того, чтобы побродить по Куньмину. Еще один не предусмотренный программой подарок.

Вновь иду по улицам старого города, наблюдая его пробуждение. Дышать трудно: все застлано едким дымом. Достопримечательностью Куньмина является утренний смог. Рано утром в городе с миллионным населением хозяйки одновременно берутся за приготовление завтрака. Делается это на маленьких выносных печурках, отапливаемых катками из угольной пыли, дающими мало тепла, но много дыма. И если в воздухе царит полный штиль, к семи утра улицы заволакивает настоящей дымовой завесой. Рассеивается она только к полудню, когда поднимающийся ветерок разгоняет ядовитые тучи.

Вся жизнь старых районов нараспашку. Скученность и квартирная теснота выплескивают ее наружу, на тесные тротуары и узкие кривые улочки. Здесь умываются и готовят пищу, стирают и читают газеты, спят и судачат о последних новостях и, конечно, продают и покупают, покупают и продают. А по утрам курсируют между квартирами и общественными туалетами с разноцветными ночными горшками. Да простит мне читатель эту пикантную подробность, но без нее тоже нельзя представить жизнь современного, но плохо обеспеченного коммунальными удобствами китайского города. Взрослые и дети, сидя на корточках у края тротуара, в одной руке держат кружку с водой, а другой энергично чистят зубы. Вовсю уже действуют уличные закусочные, возле которых скапливается спешащий на работу люд. Получив чашку с лапшой или чжоу — абсолютно несоленой и безвкусной, но, как утверждают китайцы, исключительно полезной, если есть ее утром на голодный

желудок, рисовой каши, человек пристраивается к стене, присаживается на корточки или просто отходит на шаг от прилавка, начинает быстро работать палочками и через минуту-две возвращает опорожненную посуду.

Параллельно Дунфэнлу от здания провинциального музея, построенного в начале 50-х годов по проекту советских архитекторов и очень похожего на центральный павильон ВДНХ, до улицы Чжэньилу тянется узкая Шуньчэнцзе. На ней всюду бурлит жизнь городского рынка. Квохчут в бамбуковых клетках выставленные на продажу куры, на массивных крюках развешаны большие куски только что разделанных мясных туш, в продаже разнообразная зелень и фрукты, вплоть до свежих огурцов и помидоров. Хожу в поисках юньнаньского овечьего сыра, того самого, что удалось отведать у «мистера Тана». Наконец набредаю на четверых скромно, но с чувством собственного достоинства стоящих молодых людей. На подносах под чистой тряпицей разложены белые головки сыра. Вкус у него совсем не тот, к которому мы привыкли, очень уж он пресный. Но как деликатес для завтрака он вполне подходит.

Нахожу книжный магазин юньнаньского книжного издательства, ради которого и была предпринята главным образом эта прогулка. Хорошим ориентиром является заброшенная пагода, все подступы к которой перекрыты, и вход, это уж наверняка, заколочен. Никто не может сообщить мне ее название и возраст. Нависшие же над узкой улицей провода и столбы не дают сделать качественный снимок.

Быстрым шагом возвращаюсь в гостиницу, по пути инспектирую книжные и журнальные киоски и понемногу плутая. Но и при этом обратный путь занял не более двадцати пяти минут. Город все же совсем невелик.

Наконец, оставляем приютивший нас на два дня отель и уже через полчаса оказываемся в аэропорту, после чего еще три часа слоняемся в ожидании, даже не имея возможности узнать точное время вылета. Кажется, этого не знает никто. На электронном табло рядом с информацией о рейсах на Шанхай, Гуйян, Гуйлинь обескураживающая надпись: «Сымао: вылет откладывается». Оказывается, все зависит от того, когда возвратится в Куньмин единственный самолет, выполняющий рейсы до Сымао, а когда это будет, нам знать не положено. Махнув на все рукой, устраиваемся под теплым солнцем и сочиняем себе импровизированный обед из консервов и фруктов.

Но вот объявляется посадка, и через строгий контроль безопасности по одному просачиваемся в зал ожидания, а оттуда на улицу, но уже по другую сторону вокзала.

И снова маемся в неведении. Наконец появляется суровая, непреклонного вида дежурная и выстраивает всех пассажиров по номерам мест в салоне на нарисованных на асфальте цифрах. За нами пристраивается группа студентов-арабов из медицинского института.

Летим на АН-24. Трудно, точнее, невозможно определить место его производства, но внутри салон сияет новизной. Стюардесса вручает памятные сувениры: брелок-термометр, календарик, пакетик конфет, после чего исчезает в кабине пилота и не появляется до самой посадки. Нажимаю кнопку вызова бортпроводницы, и она мерцает своим зеленоватым светом вплоть до нашего выхода из самолета. А веселые арабы даже воспользовались служебным микрофоном для проведения маленького концерта на высоте в несколько тысяч метров. И снова никакой реакции.

Весь час, пока самолет находится в воздухе, парим над горами, то веселыми, покрытыми лесом, то безжизненными, а потому угрюмыми и неприветливыми. В узких долинах и распадках блестят зеркалами залитые водой рисовые чеки, тонкими нитями извиваются сбегаящие с вершин речушки, цепляются за склоны маленькие квадратики крестьянских хижин. И снова горы... горы... горы. Нелегко было добраться в давние времена до этих неблизких районов Юньнани, трудно было держать их под контролем. И чтобы ощутить это, достаточно взглянуть на провинцию с большой высоты.

Конечно, полет на АН-24 особо комфортабельным не назовешь, и, когда самолет пару раз «проваливался» в воздушные ямы, приглушенный вздох прокатывался по всему салону. И хотя погода стояла прекрасная и машина не подвела, но посадка в Сымао была воспринята всеми с большим облегчением.

Слоны, папайя и чудесные зеркала Сищуан баньны

Аэропорт встречает нас теплом (на сувенирном термометре плюс двадцать два) и стоящим почти у самого трапа микроавтобусом. Наш АН — единственный самолет в порту, и его с радостью приветствует группа иностранцев, также томившаяся в ожидании чуть ли не с самого утра. Уже через несколько минут мы снова трогаемся в путь.

Автобус быстро проскакивает через Сымао (который кажется небольшим городком, но, как и многие другие китайские города, быстро обрастает новыми зданиями),

мчится по зеленеющей долине и устремляется в горы. Затяжные подъемы, резкие спуски, крутые повороты, за которыми неожиданно открывается вид на горные долины, залитые водой поля. Наш водитель, как, впрочем, и его коллеги на стремительно проносящихся навстречу машинах, демонстрируют искусство лихой езды и величайшее безрассудство. Не только у меня вдруг замирало сердце, когда, обгоняя очередной медленно ползущий на подъем грузовик, наш автобус вылетал на встречную полосу движения в таких местах, на таких скрытых поворотах, что оставалось только мысленно молить судьбу, чтобы в этот момент навстречу нам не мчался такой же ас горных дорог. Возможно, кто-то из моих слабонервных спутников и спутниц действительно молился в эти минуты, а некоторые сочли за лучшее просто закрыть глаза и вверить себя воле провидения.

Горы, по которым пролегает наш путь, покрыты плотной растительностью. Высокие деревья, густой кустарник, буйные травы. Одним словом — тропики. Лишь отдельные голые деревья напоминают о царящей в Северном полушарии зиме. Разбросанные вдоль дороги деревни кажутся куда более благополучными, чем те, что мы видели в восточной Юньнани. Дома в основном каменные или деревянные, крытые черепицей, а кое-где и шифером. Сверкают в лучах веселого, приветливого солнца оконные стекла. Тянутся от столбов к домам электрические провода. Хозяйственные постройки — какое расточительство! — срублены из дерева и крыты соломой. Непривычно видеть в Китае, где всякая дощечка подлежит учету и использованию, сваленные в беспорядке кучи дров, валяющиеся на обочине бревна.

Сишуан баньна — один из немногих районов страны, где не существует острейшей для всего Китая проблемы нехватки древесины. 36% территории автономного района покрыты лесами, богатыми зверем, птицей, фруктами, целебными травами и минеральными ресурсами. Не теряем надежды увидеть дикого слона. Говорят, это не так сложно, надо только повнимательнее смотреть по сторонам. Однако нам не везет.

Через пару часов пути останавливаемся размяться и утолить жажду. Небольшое одноэтажное здание, похоже совсем недавно построенное, предназначено специально для кратковременного отдыха таких, как мы, путешественников. Во дворе — невысокая папайя, на вершине которой болтается несколько совсем еще зеленых плодов. Собираясь

в тропики, мы с азартом обсуждали процедуру пиршества, которое мы обязательно устроим себе из экзотических фруктов, и плоды дынного дерева занимали в меню едва ли не главное место, и вот теперь наши надежды и мечты начали приобретать вполне осязаемые очертания... И хотя наши компетентные сопровождающие пытаются развеять иллюзии: «Не сезон... плоды созревают лишь летом... и вообще, поесть папайю в Сишуан баньне вам вряд ли удастся», мы сохраняем в душе надежду на чудо.

Последний час пути проходит в темноте. Автобус почти не сбавляет скорости, но опасность под покровом ночи ощущается не так остро. До гостиницы добираемся вконец вымотанные дорогой. На то, чтобы преодолеть 740 км, отделяющие столицу Сишуан баньны, г. Цзинхун, от Куньмина, ушел почти весь день. Но, видимо, в награду за перенесенные муки в качестве десерта на ужин каждый получил по кусочку папайи!

Утром, стоит только выглянуть за дверь, и перед глазами встает прелестная картина. Над головой — синее-синее небо, а в раскинувшемся у подножия холма ущелье все закрыто туманом, из которого выплывают темные контуры гор. И какое многообразие зеленого цвета! Какая тишина и какой покой! Кажется, вдыхая этот теплый, влажный, чуть сладковатый от аромата цветов воздух, постепенно наполняешься неуловимо рассеянным в нем настроением какой-то внутренней светлой радости, легкого веселья, неумного желания жить, видеть, чувствовать... Трудно передать поразительное обаяние этого раннего утра.

В плане нашей поездки стоит посещение двух деревень *дайцзу*. Около 840 тыс. представителей этой народности проживает в Юньнани, из них 220 тыс. — в автономном районе *дайцзу* Сишуан баньна.

Происхождение этого красивого, манящего своим необычным благозвучием названия очень прозаично и связано с проведенным в давние времена разделением земельных владений местной наследственной аристократии и крестьянства и организацией местного населения. Тысяча полей объединялась в одну организационную единицу, именовавшуюся «баньна», а «сишуан баньна» в переводе с языка *дайцзу* означает «двенадцать тысяч полей».

Сама народность *дай* относится к семье тайских народов южного Китая и по антропологическим признакам близка к малайцам, сильно отличаясь не только от китайцев, но и от других народностей Юньнани. Появление *дай* в Юньнани историки традиционно относили к XII в. н.э., осно-

вываясь на данных китайских летописей. Однако обнаруженные не так давно исторические материалы на языке самой народности свидетельствуют, что еще до эпохи Тан (618—907) на территории Сишуан баньны и нынешнего уезда Дэжун уже существовали раннеклассовые государственные образования дайцзу.

Потом они подпали под власть государства Дали, а в 1180 г. вождь дай по имени Пья провозгласил создание собственного государства Мэнли. Этот факт стал первым свидетельством о дай, зафиксированным в китайских хрониках. В эпоху Мин (1368—1644) дайские вожди были признаны китайским двором, а в округе Сишуан баньна установлена система *тусы* — местных управителей из среды наследственной аристократии дай. Захватившие Китай маньчжуры установили прямой контроль над восточной частью района, что подорвало, но полностью не ликвидировало власть феодальных правителей дайцзу. Так и находился народ под гнетом своих и китайских феодалов вплоть до победы революции. Но интересно, что в источниках мне не удалось обнаружить ни одного факта, сообщающего о вооруженных выступлениях дай против угнетателей. Вероятно, в этом благодатном крае людям жилось не так тяжело, как в подавляющем большинстве других районов Юньнани, и их было сложнее довести до отчаяния, которое толкало крестьян на борьбу против властей и собственных помещиков. Как особая административная единица автономный район дайцзу Сишуан баньна был создан в январе 1953 г.

Старый знакомый — закрепленный за нами микроавтобус — легко бежит по асфальтированной дороге, сворачивает на ухабистую грунтовую, и тут же приходится наглухо закупоривать окна. Салон наполняется мелкой красновато-желтой пылью.

Окружающий пейзаж затянут пеленой словно светящегося изнутри тумана. Отчетливо видно лишь то, что находится на расстоянии не более двух-трех десятков метров от дороги. Вокруг простираются поля, покрытые нежно-зеленой порослью риса. Проносятся мимо — даже не успеваю схватиться за аппарат — кустарные печи для обжига кирпича. Под кроной раскидистого дерева приютился неказистый сараюшко с претенциозной надписью «Ремонт радиоприемников». Минуем одну, вторую деревню... Третья носит труднопереводимое название Маньгуанлун.

Автобус останавливается у подножия холма, на вершине которого угадывается несколько непохожее на обычные

жилые дома дайцзу здание. Крутая, скользкая лестница выводит нас к сколоченным четырехугольником скамейкам, на которых в напряженных позах застыли пятеро закутанных в желтые и оранжевые ткани, бритоголовых, неопределенного возраста мальчишек, углубленных в чтение темнеющих странной вязью текстов (рис. 33). При нашем приближении голоса их усиливаются и сливаются в неразборчивое бормотание. Нетрудно догадаться, что поездка наша началась со знакомства с религиозной жизнью дай.

Вероятно, этот выбор маршрута вполне закономерен, поскольку по сей день религия играет большую роль в жизни народа. Дай исповедуют буддизм, но не буддизм Махаяны, с которым приходится сталкиваться повсеместно в Китае, а его раннюю форму — Хинаяну, утвердившуюся в странах Юго-Восточной Азии.

Как утверждают письменные памятники дайцзу, буддизм проник в район Сишуан баньны еще в I в. н.э., т.е. до раскола его на два течения и выделения Махаяны («Широкого пути к спасению»). Поскольку в Хинаяне главное внимание уделяется достижению конечного «спасения» личными усилиями верующих, а добиться его можно, лишь отказавшись от всего мирского и пребывая в монашестве, то на протяжении веков в тех странах, где господствовал первоначальный вариант буддизма, почти каждый мужчина на несколько месяцев, а то и на год-два поступал в монастырь, изучая буддийские каноны и одновременно получая кое-какое образование. И сегодня в деревнях дай следуют этой многовековой традиции, и почти каждый мальчик проводит по году в храме в качестве послушника.

Храм дайцзу — сооружение весьма любопытное. В целом в нем в упрощенном виде воплощается традиционная архитектура храмовых комплексов Юго-Восточной Азии, прежде всего Лаоса. Стены и подпирающие крышу столбы выложены из местного кирпича, возвышающаяся на метр над землей цокольная часть — из дикого камня, четырехскатная двухъярусная кровля выложена плоской черепицей, а вся обвязка здания украшена незатейливым орнаментом, в котором перекликаются красный и зеленый цвета. Конек крыши увенчан тремя резными деревянными башенками в форме пагод и затейливыми фигурками, такие же фигурки сбегают по всем ребрам крыши. Поблескивают закрепленные на карнизах, скатах, фронте круглые и неправильной формы зеркала, предназначенные для отпугивания злых духов. Здание охватывает крытая галерея, на которой стоит несколько каменных изваяний будды; за углом на подстав-

ке — большой деревянный барабан, и здесь же — уложенные на поддонах мешки с цементом. Строительство храма еще не завершено, и следы этого видны повсюду.

Оставляем обувь у порога и проходим внутрь здания. Там царит полумрак, и лишь пара неярких лампочек освещает оплетенную легкими бамбуковыми лесами статую будды. Ее отделкой заняты несколько монахов. На назойливых посетителей они не обращают абсолютно никакого внимания. Над головой будды, если внимательно приглядеться, можно различить расписанный знакомым сюжетом плафон: двенадцать секторов «небосвода» с изображениями двенадцати животных, символов непрерывной смены лет и круговорота природы. Привлекают внимание и два великолепно орнаментированных и расписанных яркими желтыми, красными и сиреневыми красками алтаря, исполненные в виде многоярусных башенок. Больше в храме смотреть особенно не на что, доделывать монахам предстоит, видимо, еще многое.

Проторенным туристским маршрутом ведут нас и в жилище монахов, архитектурой своей не отличающееся от попадавшихся нам навстречу жилых деревенских строений. Полутемная комната. Вокруг маленькой печурки с открытым огнем сидят, протягивая к ласкающему теплу руки, настоятель храма — насупленный монах лет двадцати восьми — тридцати и двое стариков в мирских одеждах. У стены — некрашенный деревянный алтарь, на котором выделяется позолоченная статуэтка будды, окруженная фигурками кланяющихся ему монахов. Справа и слева от алтаря — отпечатанные типографским способом картинки с религиозными сюжетами; сверху свисают разноцветные бумажные гирлянды, и все это пестрое, почти что елочное убранство подсвечивается гирляндой разноцветных лампочек. Рядом отсвечивают бронзовым маятником большие часы в деревянном футляре. На соседней стене — два плакатных тигра, портреты киноактеров, календарь, в рамочке под стеклом аккуратно уложены многочисленные фотографии. Что-то не пахнет в храме аскетизмом и полным отрешением от мира.

За стеной, за занавешенным пологом входом — спальни послушников: двухъярусные, прикрытые противомоскитными сетками кровати. На пол брошены бамбуковые маты. Здесь тоже ходят только босиком. Всего в храме живут, включая настоятеля, двадцать четыре монаха, в основном мальчишки в возрасте от семи до четырнадцати лет. Не так уж мало для одной деревни.

Пока мы знакомимся с храмом и его обитателями, туман несколько рассеялся, и с нашего пригорка стали просматриваться черные крыши домов, причудливые контуры тропических деревьев. Подождать еще полчаса, и с этой точки откроется прелестный сельский пейзаж, но нам пора отправляться дальше.

Снова накатанная дорога, обсаженная запыленными, потерявшими свой естественный цвет деревьями. Поля огорожены плетнями из бамбуковых жердей, вероятно для защиты от потравы. Проезжаем мимо странных — то ли гробницы, то ли культовые памятники — сооружений: богатая роспись, резьба, зеркала... К тому времени, когда добираемся до деревни Маньцзинбао (рис. 32), туман рассеивается, и над головой сверкает белое, ослепляющее солнце.

Теперь мы имеем возможность поближе познакомиться с жизнью и бытом дай. Бродим по узким улочкам совершенно пустой деревни. Все мужчины в поле, и навстречу нам попадает лишь несколько занятых своими делами женщин. Дома дай представляют собой почти квадратные деревянные постройки, поднятые на сваях на 2—2,5 м над землей. Традиционно такая конструкция защищает от наводнений во время тропических ливней и всяких ползающих ядовитых гадов. Двускатная крыша над центральной частью дома переходит в четырехскатную, крытую плоской четырехугольной черепицей. Дома и примыкающие к ним дворики окружены легкими плетнями и живой 2—3-метровой изгородью из кактусов. Между сваями под полом жилища сложена различная хозяйственная утварь, роют землю поросята, бродят куры. Маленькие окошки без стекол занавешены изнутри тканью.

После непродолжительных переговоров получаем приглашение зайти в один из домов. По узкой, скрипящей каждой своей ступенькой лестнице поднимаемся в просторное, сумрачное помещение. Под потолком тускло светит лампочка ватт на 25, и, если бы не проникающий сквозь открытую дверцу на крышу и многочисленные щели в стенах дневной свет, трудно было бы что-нибудь различить в этом полумраке.

В углу помещения сложена из кирпича небольшая печурка, на которой не поместится больше одной кастрюли или сковородки. Рядом — треножник с закопченным чайником. Под ним белеет кучка золы. В другом углу приютилась швейная машинка. Деревянная перегородка отделяет от большой комнаты такую же темную спальню

с несколькими постелями. В доме чистота, порядок и простота в быте: никаких излишеств, хотя проживающую в нем семью бедной не назовешь. Стоящие под лестницей два велосипеда на шестерых членов семьи говорят сами за себя. Конечно, климат в Сишуан баньне не сахар: сорокаградусная жара летом, во время которой щели в доме являются не недостатком, а великим благом, сводит на нет прелести теплой и ласковой зимы, и почвы здесь не относятся к плодородным — в самих деревнях на суглинках совсем не растет трава. Однако снимать в этом благодатном крае можно по три урожая в год, а это перевешивает многие недостатки.

Продолжаем экскурсию по деревне. На небольшом пригорке — то ли площадь, то ли спортивная площадка, по обеим сторонам которой на кривых столбах высятся баскетбольные щиты. В дальнем ее углу — деревянный помост, на котором маячит несколько фигурок в оранжевых одеяниях. Это послушники расположенного тут же деревенского храма, высыпавшие посмотреть на иностранцев. Храм значительно проще, чем тот, с которым мы знакомимся утром, и туристов в него не водят.

Не спеша выходим за околицу, где на краю небольшой рощицы поблескивает круглыми зеркалами, словно двумя огромными глазами, сооружение причудливой формы. Это сейчас, немного покопавшись в книгах по архитектуре Юго-Восточной Азии, я могу сказать, что конструктивно оно напоминает древние бирманские храмы, конечно упрощенные и во много раз уменьшенные, и никакого отношения к могилам и захоронениям не имеет. А тогда и его архитектура, и яркая цветочная роспись, и обвивающая сооружение пестрая, в желто-зеленую крапинку, с желтой головой и выпученными глазами змея вызвали массу предположений, ни одно из которых не было даже близко к истине. Только подойдя вплотную к этой странной «гробнице», как мы ее окрестили, и заглянув в оставленный в ее западной стенке проем, мы поняли, что перед нами обыкновенный колодец (рис. 29). И тогда стало ясным назначение окружающих странное сооружение атрибутов культа и роль многочисленных, играющих на солнце яркими бликами зеркал.

Вода — одна из главных ценностей для крестьянина, и, уж конечно, нельзя позволять злым духам селиться, а потом и вредить людям в чистых и прохладных колодезных водах. А поскольку демоны боятся своего изображения — не хочется им созерцать собственное уродство, —

то и украшают колодцы, как и храмы, зеркалами. Так что, заглянув в колодец, вы можете увидеть свое отражение не в маленьком голубом окошке в глубине сруба, а на противоположной стене, в большом прямоугольном зеркале.

Вода имеет самое прямое отношение к одному из важнейших праздников дайцзу — встрече Нового года, празднику обливания водой.

По календарю дай, который отстает от европейского на 639 лет, Новый год празднуется в середине апреля. Нам не раз говорили, что приезжать в гости к дайцзу надо во время шумного, веселого фестиваля, проводимого в эти дни. В честь Нового года устраиваются лодочные состязания, ослепительные фейерверки и массовое обливание. Молодежь со смехом, шутками и добрыми пожеланиями охотится друг за другом с ведрами, чашками и кастрюлями, наполненными водой, и торжествующий крик проносится над деревней, когда жертвой «охотников» становится только что вышедший из дома и не успевший увернуться от обрушенного на него потока человек. Обычай обливания водой связан с поверьем, будто в первый день Нового года вода смывает все накопившиеся за прошедший год неудачи и болезни, горести и печали. И хотя все, от мала до велика, в этот день тщательно моются и облачаются в чистые одежды, холодного душа, в жаркий день просто приятно-го, им не избежать.

Существует целый ряд легенд о происхождении этого обычая. Самая популярная из них — о двенадцати отважных девушках, погубивших царя демонов.

Предание гласит, что давным-давно царствовал на земле владыка демонов, чинивший много зла и бедствий людям. Из сотен женщин, на которых пал его похотливый взор, он отобрал двенадцать самых красивых и сделал их своими наложницами. Женщины ненавидели своего мучителя и искали случая отомстить ему за свой позор и спасти мир от злодея. Они знали, что демон обладает искусством черной магии и способен защитить себя от огня и кинжала, но самая молодая и умная из наложниц в конце концов разузнала об уязвимом месте царя демонов, и однажды темной ночью, когда демон спал, женщины выдернули из его головы волос, обмотали его вокруг шеи демона и задушили его. Затем они отрубили ему голову, но тут же обнаружили, что, если опустить голову на землю, вспыхнет испепеляющий огонь, способный уничтожить все живое. Чтобы защитить людей от бедствий, женщины решили пожертвовать собой и по очереди изо дня в день держали

отрубленную голову на своих коленях, а передавая ее своей сменщице, смывали с себя кровь чистой водой.

Поэтому в день Нового года люди обливают друг друга водой в память о двенадцати храбрых женщинах, обливаются, чтобы смыть с себя неудачи и болезни года прошедшего и войти в новый с верой в счастье, здоровье, благополучие и хороший урожай.

Так что вода в жизни дайцзу играет очень важную роль, и раз уж с древности возводили величественные сооружения над статуями будд и другими священными реликвиями, почему бы не строить их уменьшенные копии над источником всего сущего — водой.

Когда мы покидаем деревню, солнце уже стоит высоко. Становится жарко. К полудню температура поднимается до 30°, и отправиться знакомиться с городом рискуют немногие. Возможно, не зря: кроме обрамляющих просторные улицы, раскинувших веером листья пальм в его центре нет ничего интересного. Повсюду высятся типовые четырех-пятиэтажные коробки, продолжается строительство новых таких же скучных и безликих памятников массовой архитектуры. Тихо. Только изредка проурчит одинокий автомобиль. На улицах хозяйничают велосипедисты и пешеходы. Приевшиеся глазу сине-серо-зеленые ансамбли «штаны—куртка» мужчин и женщин-китаянок нарушаются яркими красками монашеских одеяний и национальных костюмов: красные, синие, цветастые юбки до земли, белые, розовые, сиреневые национального покроя блузки, игривые соломенные шляпки дайских модниц зримо подчеркивают убогость и обреченность попыток некоторых, к счастью, уже бывших китайских руководителей обезличить весь народ страны, превратить его в одноцветную, гнущуюся под малейшим, дующим от стен Чжуннаньхая ветерком, массу.

Среди обыденности типовой застройки привлекает внимание оригинальное сооружение в глубине большого, уложенного цементными плитами двора. Современное здание из стекла и бетона увенчано по краям двумя изящными беседками с двухъярусными, загнутыми концами вверх желтыми крышами. Просторный холл, путаные коридоры, светлые комнаты. Неожиданно оказываемся в небольшом внутреннем дворике с водоемом, увитым цветами. И почти никого, только из одной комнаты доносится перестук теннисного мячика. Лестница выводит на открытую террасу на крыше здания, к привлекшим нас снизу беседкам. Здесь тоже зелень и цветы. Для Дома культуры — а это и есть Дворец культуры рабочих — здание очень прилич-

ное, и отдыхать в нем людям, должно быть, приятно. Только вот похрюкивающие у крыльца свиньи не совсем вписываются в его интерьер.

Еще одна сценка из жизни, ныне для китайских улиц довольно типичная. На протянутой между деревьями проволоке покачиваются плотные листы синей бумаги с наклеенными на них фотографиями. На первом, самом большом и красочном, — эмблема органов общественной безопасности и яркий лозунг: «Разгромим преступные элементы!» На остальных — фотографии разоблаченных преступников, их жертв, орудий преступлений, комментарии компетентных лиц. Такие фотогазеты стали сегодня одним из средств — трудно сказать, действенных ли — борьбы с возросшей в последние годы преступностью. Публичных судилищ, какие практиковались в период и после «культурной революции», ныне не устраивают, но тех, кто нарушает закон, по-прежнему выставляют на всеобщее осуждение. Возле таких выставок постоянно толпится народ, и трудно, наверное, выбрать более страшное наказание для человека, еще не до конца потерявшего совесть и честь, особенно если этот человек — китаец, для которого важнее всего в жизни «сохранить лицо».

Долго бродим в поисках приличной точки общепита, однако, кроме пельменей с овощной начинкой в одной из закусовых, показавшейся нам вызывающей доверие, пробовать больше ничего не рискуем. В конце концов останавливаем выбор на ресторане с сычуаньской кухней. Очень острое мясо и великолепная, словно домашнего приготовления квашеная капуста. Огонь во рту удаётся потушить лишь с помощью риса и большого количества выпитого чая.

Крайне насыщенная программа поездки не дает ни часа на отдых и расслабление. Во второй половине дня отправляемся на речном теплоходе вверх по течению Ланьцанцзяна — так называют в Китае реку, более известную у нас под именем Меконг. Его мутно-желтые воды неспешно катятся между пологих, покрытых лесом сопок. Окрестный пейзаж очень напоминает знакомые картины советского южного Приморья, разве что зелень вокруг посочнее и поярче. Из-за отсутствия дождей река сильно обмелела, обнажились скалистые берега, в половодье полностью закрытые водой. Навстречу проплывают связанные из бамбуковых стволов плоты, пассажиры которых во все глаза смотрят на усеявших палубу теплохода иностранцев. На обратном пути мы обгоним еще пару из этих медленно несомых течением хрупких конструкций.

Теплоход тычется носом в белую песчаную отмель, и мы высыпаем на чистый горячий песок. Вода в реке достаточно теплая для купания, около 18°, и остается только посетовать об оставленных в гостинице купальных принадлежностях. Пока самые отчаянные ныряют в мутную воду, я углубляюсь в лес, обступивший со всех сторон русло маленькой речки. Сейчас она не более чем крохотный временный от времени исчезающий между камнями ручеек, но огромные, обточенные водой валуны говорят о том, что в период тропических ливней она превращается в бурный, все сметающий на своем пути поток. Русло реки сдавлено плотной стеной тропического леса, уже довольно основательно истоптанного ногами бесцеремонных туристов. Следы костров, срубленные побеги бамбука, протоптанные в разных направлениях тропинки... И все же это экзотика и просто пара часов отдыха.

Вечернее мероприятие наши гиды рекламировали заранее, предвещая не только вкусный и необычный ужин, но и множество любопытных с этнографической точки зрения впечатлений. Предстоял ужин в доме дайцзу. Вся наша группа в полном составе отправляется в дом одной из семей, возложивших на себя нелегкое бремя накормить национальными кушаньями привередливых иностранцев. Пусть не бесплатно и с определенной выгодой для себя, но скольких это требует хлопот!

Перед выходом лаоши еще раз напоминают о необходимости вымыть руки и заглянуть в туалет, поскольку этикет предполагает отсутствие столовых приборов, а туалетов (конечно, они подразумевали как минимум удобства Фунданьского университета) в домах дай нет. Но вопреки пророчествам проблемы гигиены были решены на самом высоком уровне: гостеприимные хозяева приготовили и теплую воду, и мыло, и чистые полотенца, а вдобавок ко всему нанесли ощутимый удар по самолюбию сопровождавших нас китайцев, найдя возможность предложить каждому из многочисленных гостей палочки, хотя сами традиционно едят руками.

Чувствуется, что опыт подобных приемов у них уже имеется: в прошлом году эта семья устраивала ужин для группы из 70 человек. Мне кажется, что тот день они вспоминают как сплошной и страшный кошмар.

Старый район на окраине города, всего в десятке минут езды от гостиницы, ничем не отличается от деревень, которые мы посещали сегодня поутру. Такие же дома на сваях, пыльные улицы, по которым разгуливает скот, и типичные

сельские запахи. На веранде самого обычного, ничем не отличающегося от соседних строений дома дайцзу, куда мы поднимаемся в первую очередь, — грамота семье «пяти хорошо», какими награждаются самые дисциплинированные, трудолюбивые и чистоплотные семьи в Китае, фотографии хозяев дома и их родственников, красочные календари. В гостиной неожиданно современная обстановка: телевизор с экраном среднего размера, радиоприемник, блестящий зеркалами трехстворчатый платяной шкаф (любопытно, как его тащили по такой узкой лестнице?), шкаф для посуды, диван и прочая мебель. С этим современным комфортом соседствует затаившаяся в углу примитивнейшая печурка, дым из которой уходит в потолок. На ней жарят, парят, варят практически все. Поэтому неудивительно, что хозяйка дома готовилась к приему нашей оравы с раннего утра и еще была вынуждена прибегнуть к помощи соседей! На таком оборудовании много не наготовишь.

Гостиная уставлена низенькими столиками, вокруг которых такие же невысокие, словно из комплекта детской мебели, стулья. На столах — жареная говядина, свинина, куры, зелень, мясо в пальмовых листьях. Все пресное, несоленое, но в пиалы налиты разнообразные острые соусы. Здесь же клейкий рис, из которого у дайцзу принято делать руками катыши и есть их так же, как мы привыкли есть хлеб. Хозяйка дома, подав кушанья, исчезает, а ее муж разливает чай и присаживается с двумя товарищами за соседний столик.

Нельзя сказать, чтобы все было чрезвычайно вкусно. Конечно, эта кухня — на любителя, но в любом случае она весьма специфична.

Кто-то поехал назад автобусом, а мы небольшой группой возвращаемся пешком. В вечернем сумраке окружающий нас пейзаж по духу и краскам близок творениям Гогена: красноватые отблески заходящего солнца гаснут в толще пальмовых листьев, по деревенской пыли с двумя тяжелыми корзинами на коромысле грациозно плывет босая женщина... Вокруг знакомые запахи деревни... Наверное, во всех деревнях мира пахнет одинаково. Жара спадает, но в воздухе нет ни одного комара. На прощание день дарит изумительный по красоте закат и чистое звездное небо. Падаю в жесткую постель и моментально засыпаю, придавленный тяжелым грузом накопившихся впечатлений.

В начале восьмого утра, еще в кромешной темноте меня будят осторожным стуком в дверь. Пять минут на

сборы, и устремляемся на поиски экзотического завтрака. Восточный край неба переливается разнообразными красками. В теплом, прозрачном воздухе властвует безмятежная, спокойная тишина.

На знакомом перекрестке уже раскинули свои товары торговцы зеленью, на земле разложены связки спелых бананов и... совсем невзрачные на вид желто-зеленые плоды папайи. Прикидываем свои возможности, естественно не денежные, а физические, и выбираем увесистую связку бананов и две папайи. Все это обходится всего в один юань. Чем не райский уголок!

Фрукты стали деликатесом к типично южному завтраку из пампушек из сладкого теста с вегетарианской начинкой и чуть подслащенного и горячего соевого молока. Хмельная наша восторженность, навеянная упоительным утром и подкрепленная чудным завтраком, была так велика, что один из экзотических плодов так и остался, забытый всеми, лежать на столе. Возвращаться с полпути уже никому не хотелось, но о лени своей не раз пришлось потом пожалеть: таких спелых и вкусных папай попробовать впоследствии уже не довелось.

Поездка на национальный рынок, разрекламированная накануне нашими экскурсоводами, особого удовлетворения не принесла. Единственно, что было в нем национального, так это пестрые наряды женщин дайцзу. А так — обычные промышленные товары, те же, что и повсюду, да продукты сельского хозяйства: мясо, рыба, зелень, соевый сыр. Правда, знатоки кулинарии могут обнаружить в рядах кое-что из столь ценимых ими китайских специй, но для этого надо иметь соответствующие знания.

Та же картина и в магазине национальных товаров. Поездка наша идет по маршруту, разработанному в расчете на среднестатистического туриста, так что ничего подлинно национального обнаружить не удастся. Пока женская половина группы роется в псевдодайской одежде и тканях, успеваю забежать в наконец-то открывший свои двери книжный магазин. Но отыскать что-либо стоящее в глухой провинции безнадежно. Для обзора выставлена литература самых последних лет издания из максимально популярных и рассчитанных на массового и непритязательного читателя серий.

Завершается наше знакомство с Цзинхуном поездкой в Юньнаньский институт тропических растений. Недавно построенное и увитое вьющимися цветами здание окружено небольшим питомником. В институте занимаются выращи-

ванием и селекцией не только широко распространенных в тропическом поясе Китая бананов, папайи, но и манго, кофе, какао, сандалового дерева. Есть и плантация каучуконосных деревьев, по соседству с которой находятся два скромных памятника: один — в честь посещения института в апреле 1964 г. премьером Государственного совета КНР Чжоу Эньлаем, другой — в память о его встрече с президентом Бирмы.

Еще одна небольшая прогулка по центру города, обед в сычуаньском ресторане, и — прощай, Сишуан баньна! Серпантин горных дорог влечет нас на север. Поворот, еще поворот — и гостеприимная долина, затянутая голубоватой дымкой, исчезает из виду. И когда мы уже совсем простились с очаровывающим миром тропиков, он подарил нам еще одну встречу.

Автобус внезапно затормозил за стоящей на обочине кавалькадой машин. Сгрудившиеся на обочине водители и пассажиры о чем-то спорили, указывая пальцами в глубь зеленеющей под ногами узкой межгорной долины. Кажется, нам все-таки повезло увидеть одного из 263 сохранившихся в Китае диких слонов! Но эмоции выражать было преждевременно. Далеко внизу, в русле сильно обмелевшей речки серело трудно различимое на таком расстоянии шевелящееся пятнышко, должно представлять из себя слона. Различить что-либо на таком расстоянии трудно, тем более что на обозрение тропический исполин выставил лишь маленький кусочек своего туловища. Зрители тешились надеждой на то, что слон соблаговолит показаться во весь рост, двинется в нашу сторону и даст рассмотреть себя поближе, но такие действия явно не входили в планы животного, и оно вскоре скрылось за деревьями. Теперь я с трудом различаю на поспешно сделанном снимке то, что должно быть символом Сишуан баньны.

В Сымао попадаем уже под вечер, но до того, как окончательно стемнело, я успеваю-таки проведать дорогу к центру и немного познакомиться с городом. Быстро, как это бывает в тропиках, опустилась темнота, но людей на центральных улицах не убавилось, а стало, как мне показалось, даже больше. Не спешащих куда-то по делам, за покупками, а просто гуляющих, вдыхающих тихий и теплый воздух, не испорченный дымами заводов и домашних печек. Ни одного человека в национальной одежде, хотя Сымао, как и Сишуан баньна, — район проживания малых народностей. Вероятно, большая приближенность его к цивилизации сделала свое дело, унифицировав всех и вся. Однако иностранцы,

как я понимаю, нечастые гости в городских кварталах. Отсутствие достопримечательностей и усталость от переездов служат надежным препятствием к их вторжению на улицы Сымао, поэтому горожане изучают меня с нескрываемым любопытством. Что уж говорить о приезжих, которых здесь, кажется, немало, поскольку город выполняет функцию транспортного узла и перевалочной базы всей юго-западной Юньнани.

На ярко освещенном кусочке тротуара стоит несколько квадратных столов, за которыми идут ожесточенные бильярдные бои, только сражаются не шарами, а выточенными из дерева плоскими кругляшами. Играют и взрослые и дети. Вокруг одного из столов зрителей больше всего. Один из игроков, крайне деловой, серьезный, уже знающий себе цену мальчишка лет десяти, уверенными движениями загоняет в лузы одну шашку за другой, за несколько минут обыгрывая своих, намного старше его по возрасту партнеров. Болельщики так увлечены поединком, что меня совершенно не замечают.

Спалось, несмотря на казарменные условия, неплохо. Наутро с Гарвином, составившим мне компанию, пробегаем по той части старого города, где не видно современных зданий. В нашем распоряжении меньше часа, поэтому прогулка получается скоротечной, успеть бы создать хоть поверхностное представление о месте, где довелось провести ночь.

От центральной улицы уходить далеко не надо. Первый же поворот уводит нас на окраину города, туда, где начинается полоса аккуратно нарезанных прямоугольниками полей и огородов; оттуда попадаем на узкие, метра четыре в ширину, улицы, иногда асфальтированные, но больше мощенные камнем или просто грунтовые. Еще более узкие переулки и тупики, куда нет времени заглядывать. Приземистые одно-двухэтажные хибары из кирпича и дерева. Местный колорит отражен несколькими оригинальными двухъярусными крышами и своеобразными каменными арками-воротами. Бедность, но не нищета. Рынок, лениво колышущийся на сбегающей с пригорка улочке, также не таит в себе ничего нового и необычного: лица, одежды, товары — все это повторяется на шанхайских или куньминских базарах. Все ощущения отрывочны, и у меня так и не складывается целостного впечатления от города.

В аэропорту снова томимся в ожидании вылета. Безделье скрашивает хорошая погода, и так не хочется прощаться с этим теплым и приветливым краем. Наконец прилетает

старый знакомый, АН-24. Контроль, построение — и вновь тень самолета скользит по вершинам морщинистых гор, ныряет в глубокие ущелья, перечеркивает бегущие между редкими деревушками дороги, накрывает блестящее в залитых водой полях солнце. Ближе к Дяньчи горы отступают, под крыльями самолета расстилается широкая равнина, и пейзаж утрачивает львиную долю своей привлекательности. А жемчужина Юньнани — озеро Дяньчи — просто разочаровывает. Сверху оно выглядит как большая грязная лужа.

После непривычной для зимы духоты 12° тепла в Куньмине приносят блаженное облегчение. Вторую половину дня трачу на поиски книжных магазинов, брожу по южной части города. Здесь тоже преобладают белый и зеленый цвета, мелькают некитайские лица, бурлят на узких улочках промтоварные и продуктовые рынки, теснятся выносные лотки сапожников, портных, слесарей и других столь необходимых любому городу мастеров «службы быта». Толпится народ, в основном дети, вокруг предприимчивого торговца сладостями, разыгрывающего в рулетку свои творения из жженого сахара. Несколько быстрых, виртуозных движений обыкновенным железным ковшиком — и на мраморной плите вырастают задиристые петушки, распушившие пышные хвосты фазаны, золотые рыбки и огненно-рыжие драконы. Куда тут нашим петушкам на палочках! Здесь присутствует не только коммерция, но и искусство и изрядная доля фантазии. В десяти шагах от «художника» продает такие же сладости его коллега, однако рулетки у него нет, и продукция его спросом не пользуется. Вот что значит «творческий подход»!

Прощаясь с Юньнанью, решаем еще раз отведать вьетнамской кухни и отправляемся к «мистеру Тану». Хозяин, хоть и не сразу, нас признает, но ограничивается обычной вежливостью. То ли настроение у него в тот день было не очень, то ли решил, что реклама уже сделана, но впервые пришедшие с нами Пола и ее неизменная спутница Цке, по-детски всему удивляющаяся, наивная и исключительно вежливая японка, получили в качестве сувенира лишь календарики. Палочки «мистер Тан» решил сэкономить. И обслуживание наше он переложил на свою дочь, и счет минимум в два раза превышал наши собственные подсчеты, проделанные на основе выписанных в меню цен. Когда привыкшие считать свои доллары американцы намекнули вьетнамцу об этом несоответствии, возмущению последнего не было предела. Не заботясь о правдивости

своих слов, он объяснил разницу существованием «больших» и «малых» порций, устаревшими ценами и прочими столь же сомнительными факторами, но два юаня как бы в насмешку скинул. Правильно: бизнес есть бизнес, и как же иначе доить богатых и расчетливых капиталистов? И меня в том числе.

На Дунфэнлу у входа в кафе мелом на черных досках, совсем таких, какие висят в школьных классах, длинный перечень сладостей, напитков, различных сортов мороженого. Меню, конечно, миф, и в наличии — лишь минимум, в том числе приторно-сладкий кофе и безвкусное мороженое. Но не этого ради упоминаю я об этом типичном для сегодняшнего Китая заведении типа «кафе-мороженое», а потому, что попался мне на глаза высокий, плотный, круглолицый, средних лет мужчина, который тихо проскользнул в зал, присел к одному, другому, третьему столику, взял лежавшие на нем палочки и... принялся доедать оставленный кем-то в чашке рис. Так он, нисколько не смущаясь нашим к нему вниманием, обследовал другую посуду и опустился на стул, явно дожидаясь нашего ухода.

А вечером пекинское телевидение демонстрирует американское варьете. Не первой молодости и свежести дамы мотают подолами платьев, демонстрируя нижнее белье. Интересно, как бы реагировал на это представление китаец из кафе?

В последний день в городе вечной весны просыпаюсь неожиданно рано. До рассвета еще далеко, лежу в постели, как бы прокручивая в мыслях все путешествие. Накатывает щемящее сердце сожаление о его скоротечности, о том, что увидеть удалось так мало, что нет возможности пожить в этом удивительном крае подольше, по-настоящему почувствовать, впитать в себя его скрытые прелести. Тешу себя надеждой на возвращение.

Думаю и о том, что увиденное нами в ходе поездки — главным образом фасадная, парадная сторона Китая. Вполне естественно, что, находясь в положении окруженных комфортом и сориентированных на экзотику рафинированных туристов, мы на иное рассчитывать просто не могли. Возникавшие были проблемы и становились таковыми только из-за нашего статуса балуемых вниманием иностранцев и решались без нашего участия, а настроенное на экзотику восприятие постоянно искало чего-то необычного, острого, пикантного и, конечно, находило его. Трудная, будничная, совсем не такая яркая, как заточенные статуи будд и сле-

пящие свежей киноварью храмовые и дворцовые ансамбли, повседневность оставалась где-то в стороне и лишь изредка, словно в противовес этой самой экзотике играла на контрастах, была по глазам беспорядком, бедностью, неустроенностью, словно проверяя на истинное отношение к Китаю.

Сегодня нас не сдерживают ни регламент, ни организованные экскурсии. Первая половина дня в нашем полном распоряжении. Наконец-то появляется возможность заглянуть в соседствующий с гостиницей парк Цуйху — Изумрудное озеро (рис. 7, 26).

Несмотря на утро — восемь часов и солнце только-только встало над горизонтом, — в парке уже многолюдно. Утренний смог сдобрен густой пылью, которую поднимают энергично орудующие метлами на асфальтированных аллеях десятки дворников. В тени раскидистых пальм на утрамбованной до каменного звона земле сосредоточенно занимается традиционной китайской гимнастикой (*тайцзицюань*) группа пожилых мужчин и женщин, все в одинаковых темно-синих или зеленых фуфайках и штанах. Одинокие, застывшие в критических позах или плавно меняющие положение тела синие фигурки рассредоточены по всему парку. Над аллеями летают белоперые воланы, со свистом разрезают тихий, слоистый от дыма и поднятой пыли воздух ракетки бадминтонистов. В развешанных на деревьях клетках занимают утренним туалетом, изредка посвистывая от избытка чувств, певчие птицы, владельцы которых погружены в сложный мир самоконтроля, слежения за дыханием и последовательностью движений тайцзицюань. Вся жизнь сосредоточена вокруг озера, в глянцевой дымчатой голубизне которого отражаются легкие, словно машущие широкими крыльями-крышами павильоны, голые ветви платанов, строгие линии окружающих парк пятиэтажек.

Сам парк Цуйху, в общем, выглядит очень современно, и только небольшой островок, застроенный беседками, галереями и павильонами, напоминает о его прошлом, насчитывающем более пяти столетий.

До конца XIV в. озеро находилось за пределами Куньмина и было окружено огородами и полями. В начале правления династии Мин один из местных сановников построил на его берегу Западный сад, предназначенный для отдыха и уединения от городской суеты. В конце XVII в. уже упоминавшийся выше У Саньгуй возвел на расположенном недалеко от озера холме Ухуашань свой дворец и расширил его границы до Цуйху. В XVIII—XIX вв.

парк достраивался: были насыпаны две дамбы, разделившие водную гладь на несколько частей, построены мосты, беседки, павильоны. Но до логического завершения дело было доведено лишь после образования КНР, когда территория вокруг озера Цуйху была превращена в парк для отдыха горожан. Сейчас в нем есть детский городок, танцевальная площадка и трек для любителей роликовых коньков, а в здании бывшей академии сухопутных войск размещены сельскохозяйственная выставка и провинциальная библиотека. Входной билет стоит всего 5 фэней. Эта чисто символическая плата при большом наплыве посетителей в какой-то степени позволяет поддерживать чистоту и порядок на территории парка.

За воротами минут двадцать наблюдаю за оживленной и азартной игрой смешанных пар бадминтонистов. Прямо на тротуаре расчерчена площадка, натянута веревка, по обе стороны которой демонстрируют завидную ловкость и подвижность мужчины и женщины в возрасте сорока-пятидесяти лет. Класс их игры довольно высок, и кое-кто из молодежи, решившись бросить вызов старшему поколению, очень скоро вынужден бесславно ретироваться с площадки.

Впервые вижу в Китае любителей бега. По обочине дороги легкой трусцой пробегает старик, немного погодя — молодой мужчина с девочкой лет шести. Конечно, ни о какой спортивной форме — ярких костюмах с лампасами или фирменных кроссовках — речи быть не может, бегут в том, в чем через полчаса пойдут на работу, да и посматривают на них люди с удивлением: бег не совсем соответствует традиционным китайским формам физического совершенствования. Однако сам факт бега трусцой в китайской глубинке симптоматичен, говорит о растущем влиянии извне.

Дальнейший мой путь лежит по прежде нехоженным улицам Куньмина — сначала на восток, а потом на юг, к Дунфэнлу. Улица Юаньтун («Примирение») названа так по имени храма, расположенного у подножия холма с одноименным названием. Это один из самых древних храмов города. Еще в конце I тысячелетия н. э. в этом месте возвели Путосы — храм Поторака. В начале XIV в. он был реконструирован и переименован в Юаньтунсы. Перестройка продолжалась вплоть до самого последнего времени. Из всех строений этого историко-культурного памятника самое известное — восьмиугольная беседка, как бы парящая посередине большого водоема. Каменные мосты соединяют ее с берегами.

Гора Примирения известна своими пещерами. В одной из них, как утверждает предание, в стародавние времена обитал кровожадный дракон, принесший людям много зла и страданий. И только безвестный монах с помощью заклинаний смог изгнать чудище из его логова. Но более всего Юаньтуншань привлекает к себе взоры всего населения Куньмина в конце февраля—начале марта, когда покрывается сплошным бело-розовым покрывалом и источает чудесные запахи далеко вокруг. В это время зацветают японская сакура и юньнаньская вишня, которыми засажены склоны горы.

Здесь же, на Юаньтуншань, расположен и провинциальный зоопарк.

И на кривой, узкой, старинной Юаньтунцзе, и на широкой, застроенной четырех-пятиэтажными мрачно-серыми балконистыми коробками Молодежной улице жизнь постепенно переходит от дремотной утренней размеренности к дневной суете. Заполняются товарами длинные ряды зеленых лотков, открываются двери магазинов, звучат первые, еще не очень уверенные голоса торговцев. Большого разнообразия в выборе товаров не обнаружишь, но диапазон их достаточно широк: вельветовые джинсы и матерчатые бусе — дешевые, на мягкой подошве тапочки для повседневной носки; старые журналы, книги, заверенные удостоверением министерства здравоохранения лекарства от болезней почек, печени, желудка и т.д., разложенные на тряпице прямо на асфальте; завернутая в целлофан гипсовая Венера и запакованные кустарным способом в тот же целлофан семечки и сухофрукты; яркие, скорее предназначенные для украшения, чем бесславного прозябания в потертых карманах, носовые платки; детские игрушки и многое, многое другое. Весь этот порой очень неожиданный набор промышленной и кустарной продукции разбавлен свежими фруктами, бутылками или пластиковыми баллончиками *цишуй* — приторного и не утоляющего жажды напитка, претендующего на родство с апельсиновым соком. Углубился в книгу скучающий без дела дантист. Красочный плакат у его прилавка обещает быстрое и безболезненное пломбирование и удаление зубов. Прохожие, подозрительно поглядывая, обходят уличного эскулапа стороной, но устроившиеся поблизости на маленьких скамеечках мальчишки с вожделением поджидают первую жертву своего кумира.

Часам к одиннадцати поднимается легкий ветерок, и смог понемногу рассеивается. В синем небе пробегают легкие облака.

В назначенное время встречаюсь с Гарвином, Полой, Сюзан и Райан, изучавшими город по другим маршрутам. В нашей программе — заключительный, желательно быстрый обед и закупка «подножного корма» на длинный, трехдневный путь до Шанхая. Не искушая судьбу, пытаемся пообедать в столовой, где получили относительно неплохой ужин в первый день пребывания в Куньмине. На этот раз зал переполнен, и свободные места отыскать удастся с большим трудом. Несколько столов оккупированы шумными компаниями, демонстрирующими изрядный аппетит и наличие массы свободного времени. Двухчасовой обеденный перерыв используется ими по прямому назначению.

Несмотря на то что официантка заметила наше появление сразу же, она явно не спешит нас обслужить. Около 30 минут безуспешно пытаемся привлечь ее внимание — случай совершенно нетипичный для обычно очень внимательных к иностранцам китайцев. Вынужденное безделье, однако, дает возможность внимательнее понаблюдать за тем, что творится вокруг, за развеселившейся от обильного пивного возлияния компанией, и за тихими, быстро проглатывающими свой скромный обед и моментально исчезающими рабочими, и за появившимися в зале двумя стариками, давно небритыми, в грязной, засаленной одежде. Впрочем, по одежке в Китае ныне, как говорится, не встречают, но вот их потупленные, униженные и жалкие глаза выдают их с головой. Один из них осторожно, бочком присаживается за опустевший стол и доедает остатки пищи из еще не убранной посуды, другой обходит шумно поглощающих снесь китайцев и, похоже, просит подавание, но наталкивается на окрик, недовольное ворчание, красноречивый жест и уходит ни с чем. Через некоторое время так же тихо явилась в зале разве что длиной волос отличающаяся от первых нищих пожилая женщина, но и ее попытки получить что-то на пропитание были безуспешны.

Еще через два часа последний раз усаживаемся в уже ставший нам чуть ли не родным автобус и спустя 20 минут бросаем прощальный взгляд на людную привокзальную площадь Куньмина. Ряды наши заметно поредели: в Шанхай возвращаются немногие. Каникулы продолжаются, и кто решил в оставшиеся дни посетить еще одну юньнаньскую жемчужину — Дали, кто направляется в Сычуань, чтобы оттуда спуститься к Шанхаю по Янцзы, кто едет на север, в Сиань, Пекин и холодную Маньчжурию. Оставшиеся размещаются в трех купе.

Три дня до Шанхая стали почти что отдыхом после крайне напряженной программы поездки. Даже обычная бесцеремонность шумящих, гремящих, с раннего утра, а если большая станция — и глубокой ночью, расхаживающих по вагону и беседующих во весь голос пассажиров, клубящийся под потолком сигаретный дым и периодическое отсутствие холодной воды воспринимаются как нормальные и несущественные издержки долгого пути.

Гуйчжоу встречает нас облачным, пасмурным небом и тусклым, грязно-белым туманом, в котором тонут даже близлежащие горы. Проводники по несколько раз в день подметают и протирают пол, каждый раз выгребая огромные горы мусора и тут же отправляя его за окно.

Плодородная Хунань затянута пеленой дождя, и в вагон пробивается промозглая, холодная сырость. За окнами проплывают голые, раскисшие поля, разбухшие грязные реки, редкие холмы, землистого цвета печальные деревни. Как далеко мы уже от голубой куньминской весны и жаркого неба Сишуан баньны!

Шанхай приветствовал путешественников колючим осенним дождем. Предрассветные улицы рабочего города уже жили своей суетливой жизнью. Спешили на работу закутанные в прозрачные накидки велосипедисты, толпились на автобусных остановках, прикрываясь зонтами от хлещущих наискось струй, темные фигурки, сверкали ярко освещенными проемами дверей маленькие закусочные. В общезжитии нас ожидали тепло, горячий душ и письма из дома. Предстояло утрясти впечатления и готовиться к новой поездке.

САМАЯ БЕДНАЯ ПРОВИНЦИЯ В ПОДНЕБЕСНОЙ

И снова в дорогу

Побывать в местах, где не раз полыхало пламя восстаний мяо, хуэй, ицзу, я мечтал давно. Но, собираясь в Китай, не рассчитывал, что эта мечта может стать реальностью. А потом забрезжила надежда, и, составляя программу стажировки, я внес в нее зыбкую идею о таком путешествии. К счастью, стажерам высшей квалификации, а именно такой статус я носил в Фудани, положены командировки с научными целями. Администрация университета не имела возражений, и началась подготовка, довольно длительная и кропотливая. Были вечера над картами, справочниками, расписаниями движения поездов, автобусов, теплоходов. Рождались планы, очень детальные, почти идеальные, в них с точностью до минут стыковались переезды и пересадки, встречи и беседы. Обсуждались финансовые вопросы и кандидатуры сопровождающих лиц, летели письма в юньнаньские, гуйчжоуские и сычуаньские вузы и иностранные отделы народных правительств. Поездка приобретала все более четко выраженные очертания и казалась уже реальностью. К началу апреля все организационные вопросы были практически решены. Официальная часть путешествия была расписана чуть ли не по часам и в своем заключительном варианте включала движение по маршруту: Шанхай — Тунжэнь — Гуйян — Аньшунь — Куньмин — Дали — Куньмин — Эмэй — Чэнду. Дальше... Что будет дальше, я еще не знал и не решался загадывать наперед. Дальнейший расклад зависел от наличия сил, времени и финансовых средств, состояние которых после месячного скитания по Юго-Западу прогнозировать было трудно.

Вечер 16 апреля должен был стать отправной точкой моей одиссеи. За четыре дня до отъезда последовал первый сюрприз: билеты были куплены на утренний поезд. Красиво скроенный график затрещал по всем швам. Рушились сроки, передвигались координаты... Что было делать? И я решил,

что лучше всего махнуть на это рукой — пусть все идет как идет.

Сборы не заняли много времени. Компактная картотека книг и статей, отыскать которые в провинциальных библиотеках я имел самые серьезные намерения, представляла весь мой научно-поисковый багаж. Два фотоаппарата и полтора десятка фотопленок виделись надежным средством сохранить в памяти увиденное. На дно небольшой дорожной сумки отправилась пара истоптанных на шанхайских мостовых, истертых педалями велосипеда кроссовок, втиснулись банка растворимого кофе и две жестянки пекинских сосисок, проделавших уже со мной путь из Гуанчжоу. Для человека, отправляющегося в дальнюю дорогу, нелишне иметь с собой хотя бы один гарантированный ужин. Осталось прикрыть все это некоторым количеством сменного белья, растолкать прочие мелкие, но всегда почему-то с трудом уместяющиеся в багаж аксессуары, уместить в боковые «карманы» все самое необходимое, и прежде всего жизненно важные принадлежности — толстостенный, прикрытый ярко-красной пластмассовой крышкой дорожный стакан и *куайцзы* (палочки для еды). Сесть в поезд без собственного столового сервиза из этих двух предметов (первый из них китайцы зачастую заменяют огромной эмалированной кружкой, в которой попутно хранится полотенце и которая с одинаковым успехом используется как для всех блюд, так и для умывания) может лишь человек, впервые отважившийся на путешествие по Китаю. Джинсы, прочные кожаные ботинки и теплый свитер составили основную часть моего гардероба на весь месяц пути.

Итак, 16 апреля. Ровно в восемь утра у подъезда проиграла блестящая своей новизной «Тоёта». Синее небо, чистое, яркое солнце, черная полировка машины, белые перчатки шофера... «Чертовски роскошное начало, — промелькнула крамольная мысль. — Неужели так будет дальше?» Начало обнадеживает, внушает радостный оптимизм, создает радужное и безмятежное настроение. Видимо, такие же чувства обуревают поджидающего меня на вокзале Ли Мао. В его приветливой улыбке словно отражаются хорошее расположение духа, восторг от прекрасной погоды, предвкушение интересной и богатой событиями поездки.

Приступая к рассказу о втором путешествии по Юго-Западному Китаю, я не могу не начать его с человека, сыгравшего в нем исключительно большую роль. Ли Мао (рис. 47) не был только администратором, по долгу службы сопровождавшим меня в этой сугубо деловой командировке

и со всей присущей ему энергией и ответственностью решавшим нелегкие проблемы организации билетов, жилья, питания, встреч и консультаций. Он был переводчиком, секретарем, референтом, собеседником, советчиком, освобождал меня от массы черновой, подготовительной работы, метался в треугольнике противоречий, пытаюсь примирить интересы фуданьской администрации с моими, порой неожиданными и рискованными предложениями и действиями принимающих организаций, которые редко, нужно сказать, обходились без сюрпризов. Ему было очень нелегко, но он всегда оставался на высоте, искренне страдая от неудач, срывов, неожиданно возникающих на нашем пути бюрократических барьеров, и делал все, что в его силах, чтобы путешествие было плодотворным, программа пунктуально выполнена, а цели достигнуты. Я искренне благодарен ему за ту неоценимую помощь, которую получал все три недели нашего совместного путешествия.

А пока он стоял, подтянутый, в облачении бывалого туриста, с внушительным рюкзаком за спиной, и за поблескивающими стеклами очков светились улыбкой глаза еще молодого, но уже многое повидавшего и знающего жизнь человека

Третий вагон, второе место, средняя и верхняя полки «обычного скорого» Шанхай — Чунцин. Соседи — пожилые китайцы. Спокойные, неназойливые и, самое главное, почти некурящие: это ныне в Китае большая редкость. На обосновавшегося в их купе иностранца реагируют вяло. То ли по натуре не слишком любопытны, то ли им рекомендовано не задавать лишних вопросов, но я от избытка внимания не страдаю. Даже немного непривычно.

Весь день едем по пров. Чжэцзян. До самого горизонта зеленеют изрезанные межами поля, желтыми волнами колышется под ветром цветущий рапс. Поезд делает множество остановок, которые, однако, не кажутся еще утомительными. На каждой станции шумная толпа пассажиров выплескивается на перрон, устремляется к киоскам и лоткам, дышит, бурлит, волнуется, обрастает пакетами фруктов, печенья, яиц, треугольниками знаменитых цзянсийских *цзунцзы* — упакованных в тростниковые листья пирамидок сладкого риса с салом и различными приправами — и, наконец, удовлетворенная, растекается по вагонам, тут же шумно, с вдохновением оприходуя аппетитную снедь.

Мы обедаем в полупустом вагоне-ресторане, за чистыми белыми скатертями. Меню обговорено заранее, здесь постарался Ли Мао. Основной поток обедающих, в массе своей

удовлетворяющихся одним-двумя незатейливыми и недорогими блюдами, уже схлынул. За соседними столиками, заставленными дымящимися тарелками, восседают в основном важные, облаченные в синие форменки китайцы, всем своим видом демонстрирующие принадлежность к клану *ганьбу* — чиновников. Поданная нам говядина своей остротой не оставляет никаких сомнений в том, что бригада поезда сформирована в Сычуани. Только тамошняя кухня считает лук и перец главными исходными материалами для кулинарного творчества.

Утро следующего дня не столь восхитительно, как накануне. Небо затянуто тучами, и ландшафт уже не ласкает взора приятными зеленовато-желтыми тонами, а притягивает к себе суровой прозой нелегкого крестьянского труда. Мы уже в Хунани — одной из зерновых житниц Китая. Повсеместно идет пахота. Понуро бредут по вязкой, раскисшей земле, волоча за собой примитивную соху, волю. Равномерно взлетают над головами крестьян, чьи фигурки отчетливо синеют на грязно-коричневом фоне распухших от дождя полей, тяжелые мотыги. Ночью к составу прицепили паровоз, и теперь он обволакивает вагоны и цепляющиеся за насыпь редкие деревья густыми клубами дыма.

Некоторое время почти параллельно нам движется по дороге группа велосипедистов под развевающимся красным стягом. За дальностью расстояния невозможно разглядеть подробнее этот, мне кажется, интересный сюжет современной жизни страны.

За зацепившимся за берег неширокой реки Цзышуй городком Синьхуа начинается полоса гор. Вздвигающиеся перед нами хребты заставляют дорогу круто забрать на север, а затем не менее резко повернуть на юго-запад. Все чаще состав, словно длинная гусеница, вползает в темные провалы туннелей и вырывается оттуда окутанный клубами дыма, посвистывая и отфыркиваясь.

Гористый район на стыке Хунани и Гуйчжоу издавна славился сложными природными условиями, суровыми нравами, гордыми, непокорными племенами «инородцев», веками отстаивавших свою независимость. Небольшие деревушки — порой всего из пяти-шести глинобитных или в лучшем случае деревянных хижин — уютятся на крутых склонах. Рядом с ними пестреют с превеликим трудом возделанные клочки неплодородной, скудной на урожай земли. Редкие долины не вносят особого разнообразия в неприветливый пейзаж, который в вечерних сумерках кажется еще менее гостеприимным, чем при дневном свете.

Без нескольких минут девять поезд плавно тормозит у вокзального перрона. Город Юйпин — первая железнодорожная станция восточной Гуйчжоу. В густой темноте субтропической ночи, которую безрезультатно тщатся пробить своим мутным светом фонари, теряется здание вокзала. Меня, что уж там скрывать, всю дорогу мучили вопросы: кто и как встретит, где придется жить, питаться, с кем работать? Ни на один из них Ли Мао не мог дать ответа, поскольку знал не больше моего, но бодро уверял меня, а может, и себя самого в надежности организации. И теперь, когда мы, мучимые неизвестностью, влекомые толпой пассажиров к теряющемуся во мраке выходу, шли по темному перрону, он не потерял ни капли оптимизма. И правильно делал: у выхода нас поджидал — не так уж трудно различить иностранца в массе китайцев — высокий, плотно сбитый, подтянутый молодой человек, отрекомендовавшийся для меня довольно невнятно, но для Ли Мао вполне вразумительно. От него уже узнаю, что товарищ Ван будет нашим гидом и организатором (а я про себя добавляю — и ангелом-хранителем) в Тунжэни.

В черной, как вакса, темноте усаживаемся в джип китайского производства, срываемся с места и устремляемся в неизвестность. Свет фар прорезает густой мрак, и лишь по глухому, надрывному урчанию мотора можно догадаться, что дорога взбирается в горы. Спуск, подъем, крутой поворот, еще один, и снова карабкаемся к темному, беззвездному небу. Разбуженное воображение рисует глубокие пропасти, по краю которых мчится машина, но скоро оно успокаивается, и я пытаюсь следить за разговором, который ведут мои спутники Ван и Ли.

Интересно наблюдать, как раскручивается маховик общения двух незнакомых китайцев. Вопрос — ответ, вопрос — ответ... Вместо вежливого: «Как здоровье ваших уважаемых родителей?» — следует не менее церемонное: «Как идут дела в Фуданьском университете?» Это неудивительно: ведь приехали мы не сами по себе, не просто люди откуда-то, не досужие туристы, а вполне осязаемая и реальная величина, за спиной которой стоит *даньвэй* — «организационная единица». Каждый китаец — принадлежность какой-либо *даньвэй*. Сам по себе он — ничто, но чем выше статус организации, в которую он входит, тем выше его реноме, тем надежнее тылы, тем решительнее поведение и выше требования. Нередко мне приходилось слышать, когда вместо простого и естественного для двух незнакомых людей вопроса: «Ни цзяо шэмма минцзы?» — «Как Вас

зовут?» — в первую очередь звучало ошарашивающее: «Ни ши шэмма даньвэйды?» — «Вы из какой организации?»

Любопытный и в чем-то комический эпизод, имеющий отношение к роли и месту даньвэй в китайском обществе, статусу иностранцев и китайскому сервису, мне пришлось наблюдать в ресторане небольшой гостиницы у подножия горы Эмэй. В ресторане питались иностранцы и высокопоставленные ганьбу, и, когда за одним из столиков расположился совершенно заурядно, в хлопчатобумажные грязно-зеленые штаны и такую же куртку одетый человек, возле него моментально выросла сурового вида официантка с убийственным вопросом:

— Ни ши шэмма даньвэйды?

Ответом был недоумевающий взгляд незнакомца.

— Ни ши шэмма даньвэйды? — В голосе официантки зазвенела сталь. Молчание... Наконец, увидев наливающиеся яростью глаза застывшей в боевой позиции миловидной девушки, человек, видимо, решил не искушать далее судьбу и, собрав все имеющиеся у него знания китайского языка, по складам произнес:

— Во ши жибэнь жэнь... Я японец.

Секундное замешательство, улыбка-маска на лице официантки — и сервис на высшем уровне. Иностранец — это тоже даньвэй.

Моя же организация — Фуданьский университет, и очень скоро я замечаю, что Ли Мао представляет меня нашим новым знакомым не как советского преподавателя или иностранного ученого, а как «Фуданьского университета иностранного стажера» с акцентом на первой части этого пышного титула. И каждый раз, не всегда успешно, приходилось тратить энное количество времени, чтобы доказывать свою квалификацию настроившимся на общение с обычным студентом преподавателям вузов и сотрудникам исследовательских центров.

Но вернемся к продолжающейся беседе Ли Мао и Вана. Графаретное: «Откуда Вы родом?», «Где Вы учились?»... Так, кажется, нащупали общую тему. Возможно, есть общие знакомые... Но вот перешли к разговору обо мне. Негромко, сбавляя голос. Пикантная ситуация: двое сопровождающих и «драгоценный гость», дела которого они обязаны устроить наилучшим образом. «Драгоценный гость» — обычный, вежливый стереотип, прилагаемый к уважаемым визитерам, в том числе иностранцам, и в этой ипостаси я чувствую себя не совсем уютно. Пора бы включиться в разговор, но не решаюсь, боюсь испортить первое впечатление неловкой

фразой. И товарищ Ван, кажется, тоже не знает, как обращаться с такой важной персоной...

Стену возникшей неловкости ломает шофер: «А как сегодня в Советском Союзе относятся к Сталину?» Вот так начало! Водитель, как и многие китайцы, убежден, что главная причина ухудшения отношений между СССР и Китаем в начале 60-х годов — чересчур негативное отношение Советского правительства к большому другу Китая и лично председателя Мао И.В. Сталину. Вот наглядный пример длительной дезинформации народа, имеющей, к сожалению, много печальных последствий.

Пытаюсь быть лаконичным и максимально объективным. Водителя это, похоже, удовлетворяет, и далее беседа течет хоть и не очень гладко, но чуть свободнее.

Два часа по утонувшей во мраке тряской, извилистой дороге пролетели быстро. Машина вкатывается на окраину города. Осторожно пробираемся по узким, темным, без единого фонаря улицам, высвечивая фарами обступающие их деревья с бесформенными, словно черные кучевые облака, кронами, теснящиеся к обочине деревянные строения, в которых угадываются жилые дома, и чинно восседающих у дверей пожилых людей. От ослепительного света жмурятся сияющий белизной рубашки парень, группа весело щебечущих девушек, немолодой рабочий, ведущий рядом с собой бесполезный в таких потемках велосипед. Такое ощущение, словно глубоким вечером въезжаешь в глухую российскую деревню, тревожа своим вторжением тихую и размеренную сельскую жизнь.

А вот, кажется, и центр. Освещенная улица, неширокий мост, и, наконец, минуя распахнутые ворота, попадаем во двор гостиницы. Через несколько минут словно из-под земли вырастает улыбающийся всем лицом, источающий радушие директор. После изысканных приветствий и дежурных вопросов получаю первую информацию: гостиница называется «Цзиньцзян» («Парчовая река»), построена в 50-е годы специально для работавших в Гуйчжоу советских специалистов, сейчас — лучшая гостиница в городе, в ней останавливаются ганьбу. Я — второй иностранец в Тунжэни за последние два десятилетия, и директор очень волнуется, что условия в его отеле не совсем подходящи для дорогого гостя... Мне остается с такой же вежливостью поблагодарить за радушие и сослаться на привычку к спартанскому образу жизни.

После этого получаем в свое распоряжение по большой, без лишней роскоши, но уютной комнате. Широкая деревянная кровать, ужасно жесткая, как я имел возможность

потом убедиться, массивный бюрократический стол, глубокие кресла с ослепительно белыми — страшно притронуться — салфетками на спинках и подлокотниках — вот и вся меблировка. В стену вделан неработающий кондиционер, на столе — прикрытый салфеткой маленький телевизор и миниатюрное апельсиновое дерево. Учусь ничему не удивляться и поэтому воспринимаю дерево-карлик как должное и только на следующий день, присмотревшись к нему поближе, обнаруживаю, что оно — искусственное. Да... В таланте его создателя сомневаться не приходится.

Горячей воды в персональной ванной, конечно, нет и не предвидится, но, казалось бы, уже рухнувшие надежды смыть с себя пыль и тяготы двухдневного пути поддерживает директор. По его указанию в номер приносят четыре термоса с кипятком, которого вполне хватает даже на мытье набившейся пылью сотен километров головы. Несмотря на поздний час, в столовой нас поджидает легкий ужин: горячее молоко и печенье. В общем, получаем максимум того, что могут предложить гостеприимные хозяева.

Тунжэнь — ворота в Гуйчжоу

Дважды просыпаюсь в ходе довольно шумной операции, которую проделывает горничная: заменяет термосы с подостывшей за ночь водой на новые, с кипятком. На завтрак — гуйчжоуский деликатес: жареные яйца в сладком супе с древесными грибами. Стол накрыт только на нас двоих в уютном банкетном зале, где всего-то и помещаются два больших круглых стола на восемь персон каждый. На стене — картины с гуйчжоускими пейзажами и вызывающая мою зависть подробнейшая карта провинции.

Дальше события развиваются в стремительном темпе. Официальная, если можно так выразиться, часть пребывания в Тунжэни открывается встречей с... Интересно, с кем? Я таких мероприятий в Тунжэни не планировал, и поэтому заявление появившегося рано утром Вана, что в 9 часов в «представительской» я буду иметь возможность задать интересующие меня вопросы и получить квалифицированную консультацию по истории Тунжэни, было по крайней мере приятным сюрпризом.

Небольшая, в полуофициальном стиле обставленная комната на втором этаже гостиницы. Народу собирается неожиданно много. Короткую церемонию представления проводит секретарь парткома административного района Тунжэнь

товарищ Ху. Слышу: «Начальник отдела культуры народного правительства... Заместитель начальника отдела культуры... Сотрудник отдела культуры... Секретарь административного управления...» и т.д. Всего шесть администраторов, и возглавляет их секретарь партийного комитета. Что и говорить, на такой высокий уровень приема я, конечно, и не рассчитывал. Но если рассуждать здраво, иностранец, интересующийся историей такого глухого района, как Тунжэнь, не может не вызвать интерес у его руководителей.

Теперь, наверное, самое время сделать небольшое отступление и рассказать, что же привело меня в Тунжэнь, административный район, раскинувшийся на значительной территории северо-восточной Гуйчжоу, на границе с пров. Хунань.

Тунжэнь — один из четырех административных районов пров. Гуйчжоу. В административном отношении он разделен на 7 уездов, один особый район и два автономных уезда: народности мяо Сунтао и народности дун Юйпин. Численность населения района — около 3 млн., основное занятие — сельское хозяйство. Промышленность, кроме добычи ртути, практически не развита.

На протяжении веков северо-восточная Гуйчжоу была одним из центров проживания мяо, более мирных и «цивилизованных» (как их характеризовали ханьцы), чем их соплеменники на юго-востоке или северо-западе провинции, но отнюдь не склонявших кротко и безропотно свои головы под гнетом сменявших одна другую династий, под ярмом собственных и китайских феодалов, под натиском хлынувших на юго-запад китайских переселенцев. Тунжэнь стала ареной многочисленных выступлений аборигенов, среди которых наибольший размах, а соответственно и известность приобрели восстания 1795—1806 гг. в пограничных районах на стыке Хунани и Гуйчжоу, а потом целая серия выступлений мяо и китайского крестьянства в 50—60-е годы XIX в. Увидеть места сражений, а если повезет — и их следы, познакомиться с особенностями жизни и быта здешнего населения, попытаться прочувствовать саму среду, природу, воздух, в которых складывались условия для зарождения и развития мятежного, бунтарского духа, — такой была цель моего приезда в Тунжэнь. Мне кажется, эта цель была достигнута, а тон был задан развивавшимся поначалу вяло, чересчур официально и сухо, но потом, когда были нащупаны точки соприкосновения, горячо и заинтересованно диалогом на втором этаже гостиницы «Цзиньцзян».

Беседуем почти 2 часа. Сначала слегка натянуто: вежливые, ничего не значащие фразы, сглаженные интонации. Глухо постукивают фарфоровые крышки расписанных осенним пейзажем чайных кружек. Ли Мао на правах младшего с изысканной вежливостью, не уступая никому это право, подливает кипяток. Чай помогает наладить контакт и, кажется, согревает атмосферу. Постепенно разговорился Лун Юэчжоу, заместитель начальника отдела культуры. К волнующим меня вопросам он имеет самое непосредственное отношение: во-первых, сам по национальности мяо, и это его предки поддерживали неугасающее пламя народной борьбы в Тунжэни; во-вторых, занимается собиранием и публикацией легенд и сказаний мяо о героях и эпизодах повстанческих движений. К сожалению, у Луна сильнейший акцент, по сравнению с которым привычные мне шанхайские диалектизмы воспринимаются как чистейший *путунхуа* — пекинский диалект. Его бурный и сбивчивый рассказ о восстании Шилюдэна я воспринимаю с превеликим трудом, скорее эмоционально, ориентируясь на отдельные понятные слова и названия, чем следуя сюжету. И Ли Мао нелегко: роль переводчика ему явно не удастся. Он просто не поспевает за быстрой речью увлекшегося рассказчика и к тому же сам не в состоянии справиться с его гуйчжоускими, на мяоской закваске, оборотами речи.

Остальные в основном помалкивают, согласно кивают головами, и лишь Цзэн Ицзян, второй из заместителей начальника отдела культуры, периодически вступает в разговор.

Не могу сказать, что встреча обогатила меня познаниями о предмете. Но это ли главное? Конечно, общение с Лун Юэчжоу и другими дало мне представление о том, как понимают интересующие меня проблемы не только сами китайцы, но и мяо, дало пищу для размышлений, намек на реальную возможность новых поворотов в постановке и решении отдельных вопросов, но все это можно достигнуть, работая с книгами и статьями. А вот дух встречи, искреннее желание помочь... Трудно сказать, чего здесь было больше: традиционной учтивости к приехавшему издалека гостю или обычной для Китая организованности, но в любом случае два дня в Тунжэни я бы смело включил в любой отчет о развитии научных связей между СССР и Китаем и записал в актив восстановления дружеских связей между нашими народами. И я уже испытывал самые искренние симпатии к еще вчера бесконечно далеким мне людям.

Оставшиеся до обеда полтора часа мы использовали для прогулки по небольшому парку, разбитому на высоком

Рис. 1. Гуйлинь. В окружении причудливых скал

Рис. 2. Излучина Лицзяна

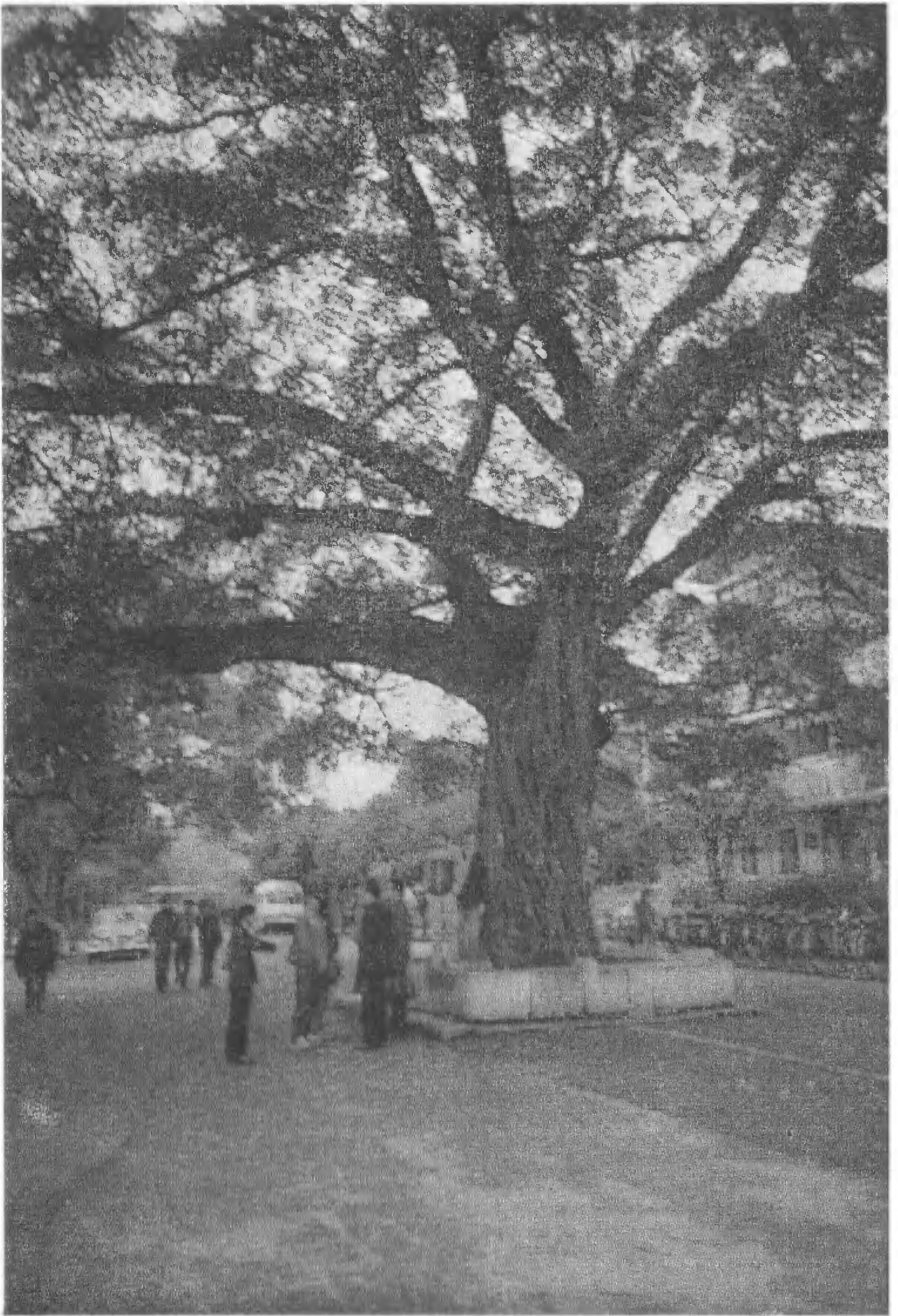

Рис. 3. У этого баньяна отдыхал Хуан Тишцзянь

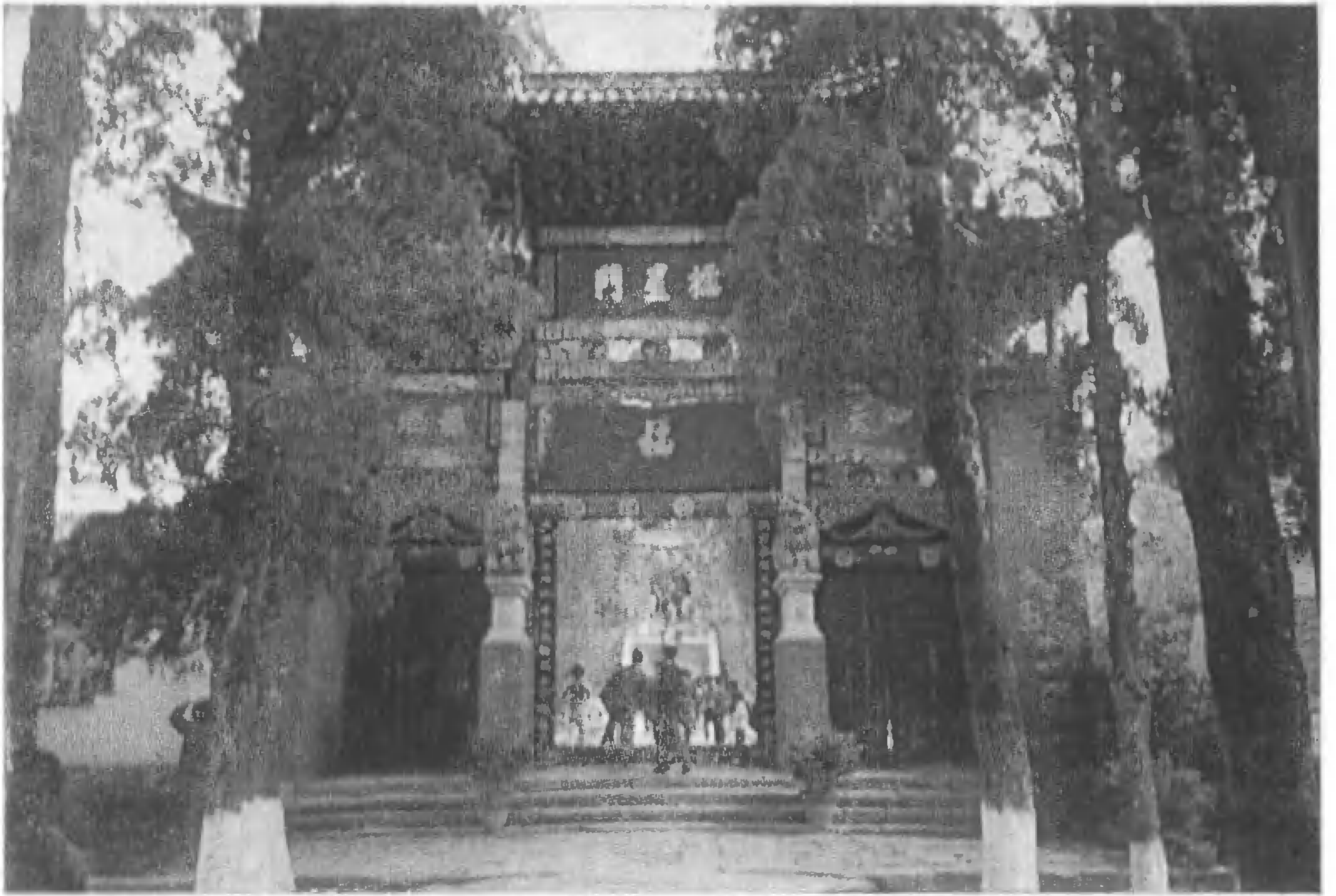

Рис. 4. У врат «Золотого дворца»

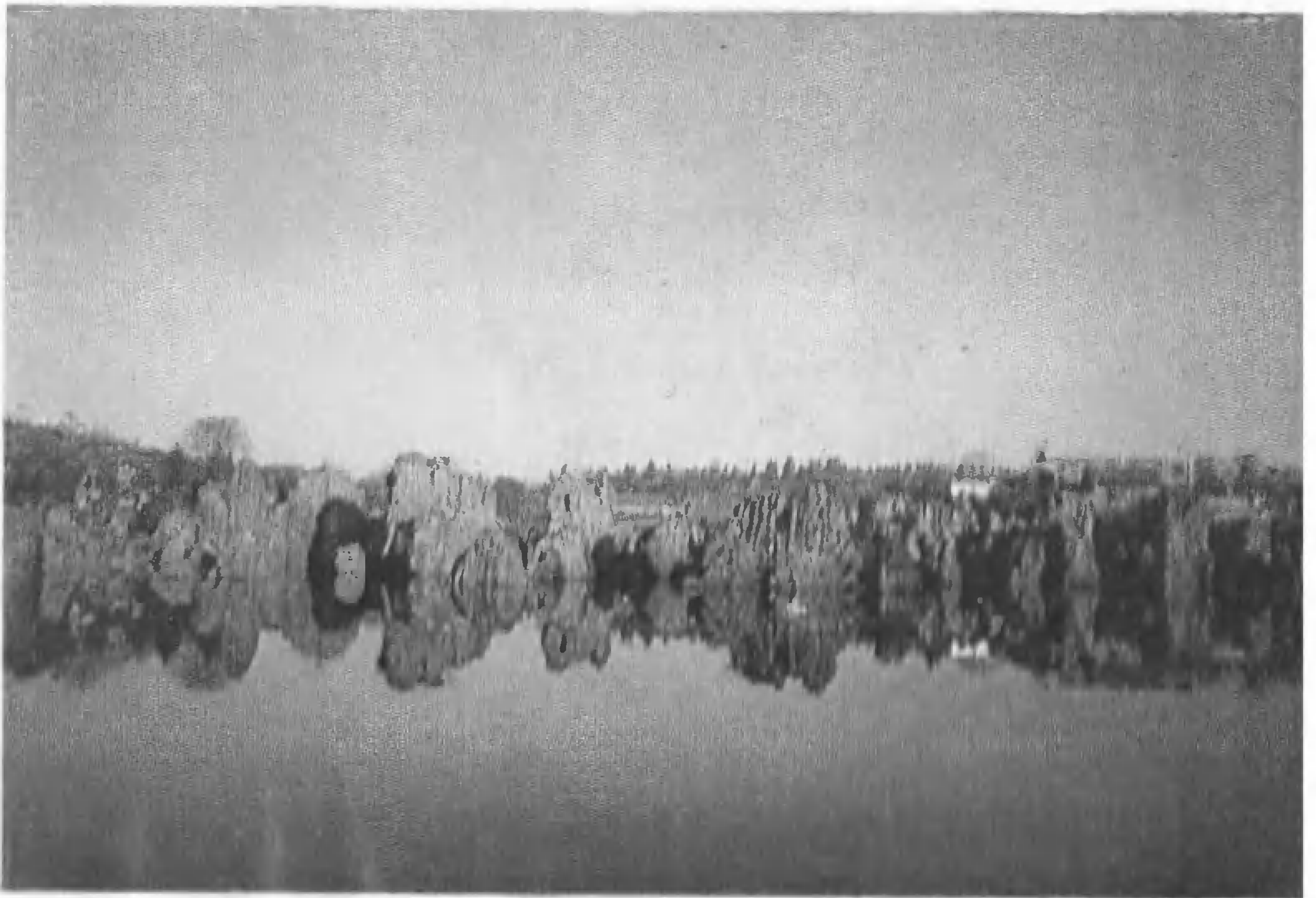

Рис. 5. Озеро «Шилнь»

Рис. 6. Храм цветущего павильона

Рис. 7. Парк Цуйху

Рис. 8. Краски центральной Гуйчжоу

Рис. 9. Восточная Гуйчжоу

Рис. 10. У подножия Хуангошу

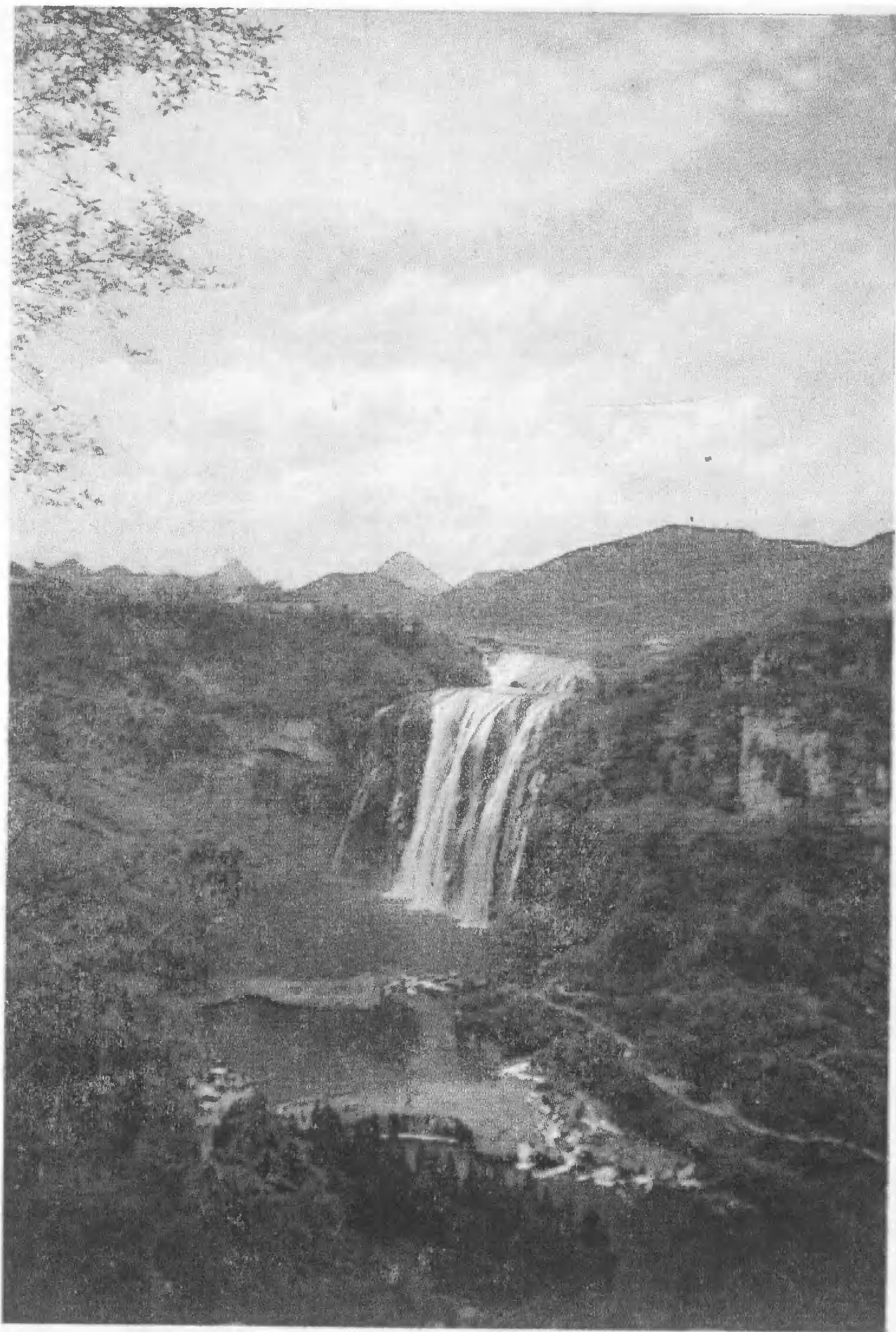

Рис. 11. Серебряные струи Байшуй

Рис. 12. «Праздник третьей луны»: участники и зрители

Рис. 13. Зажигательный танец вацзу

Рис. 14. Танцуют сани

Рис. 15. Стрельба из лука

Рис. 16. Террасированные поля Гуйчжоу

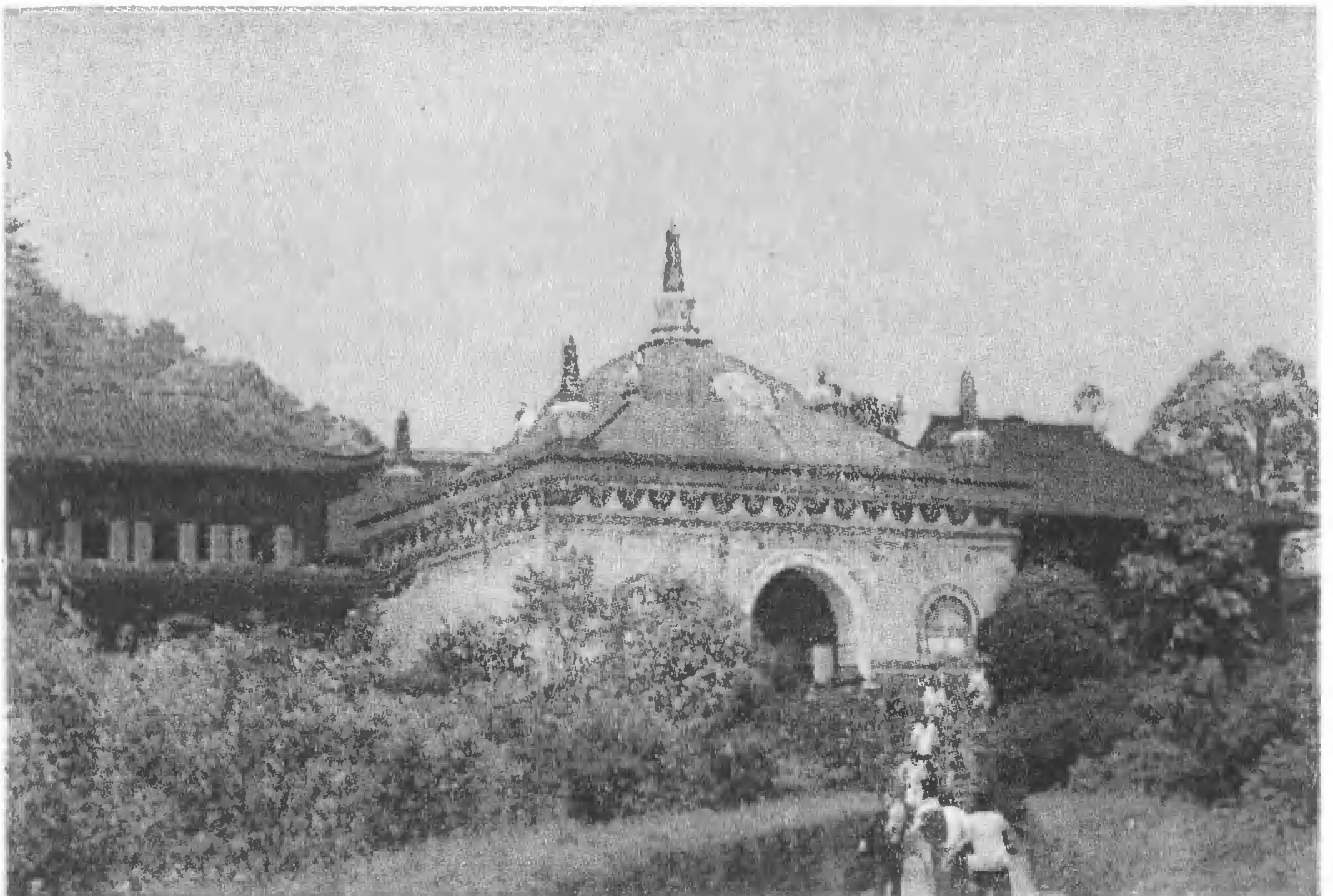

Рис. 17. Храм Ваньяньсы

Рис. 18. Башня восьми триграмм

Рис. 19. В деревне Чжэнда: «помощник старосты» Лю в центре внимания

Рис. 20. В главном зале Хуатинсы

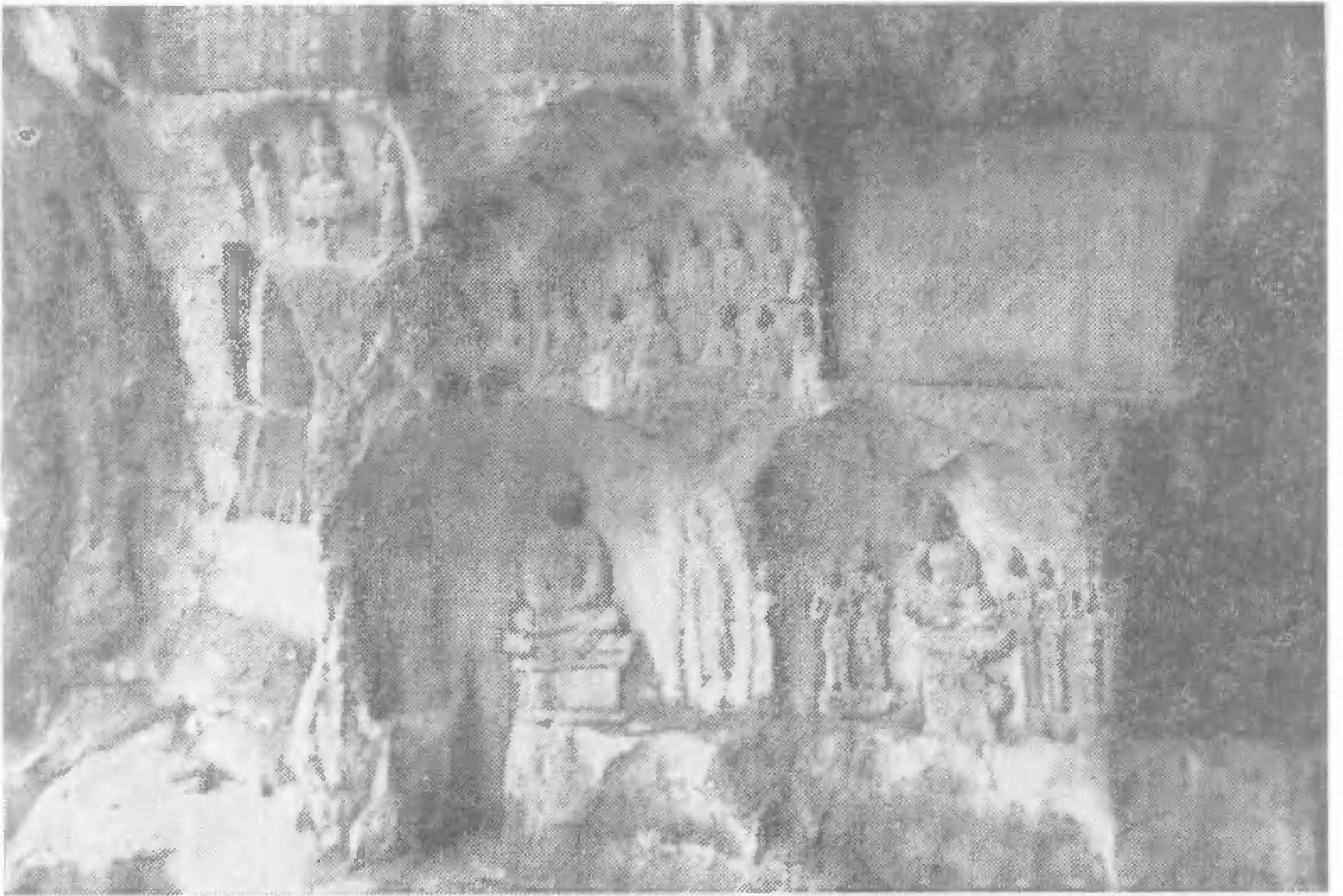

Рис. 21. В гроте скалы Децай

Рис. 22. Тяга к чтению — одна из характернейших черт китайской молодежи

Рис. 23. Янди. Катера в осаде

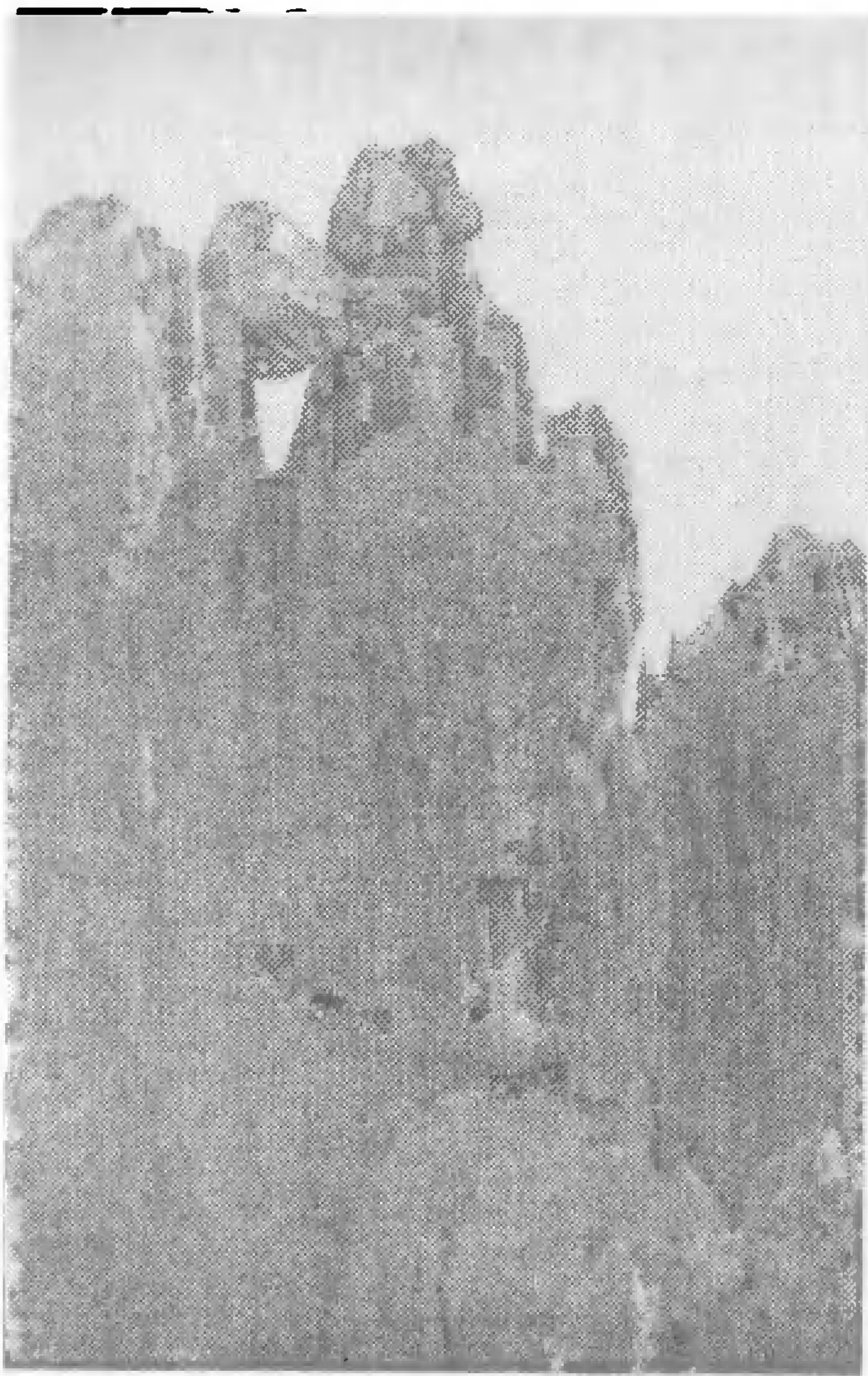
Рис. 24. Башня большого обзора

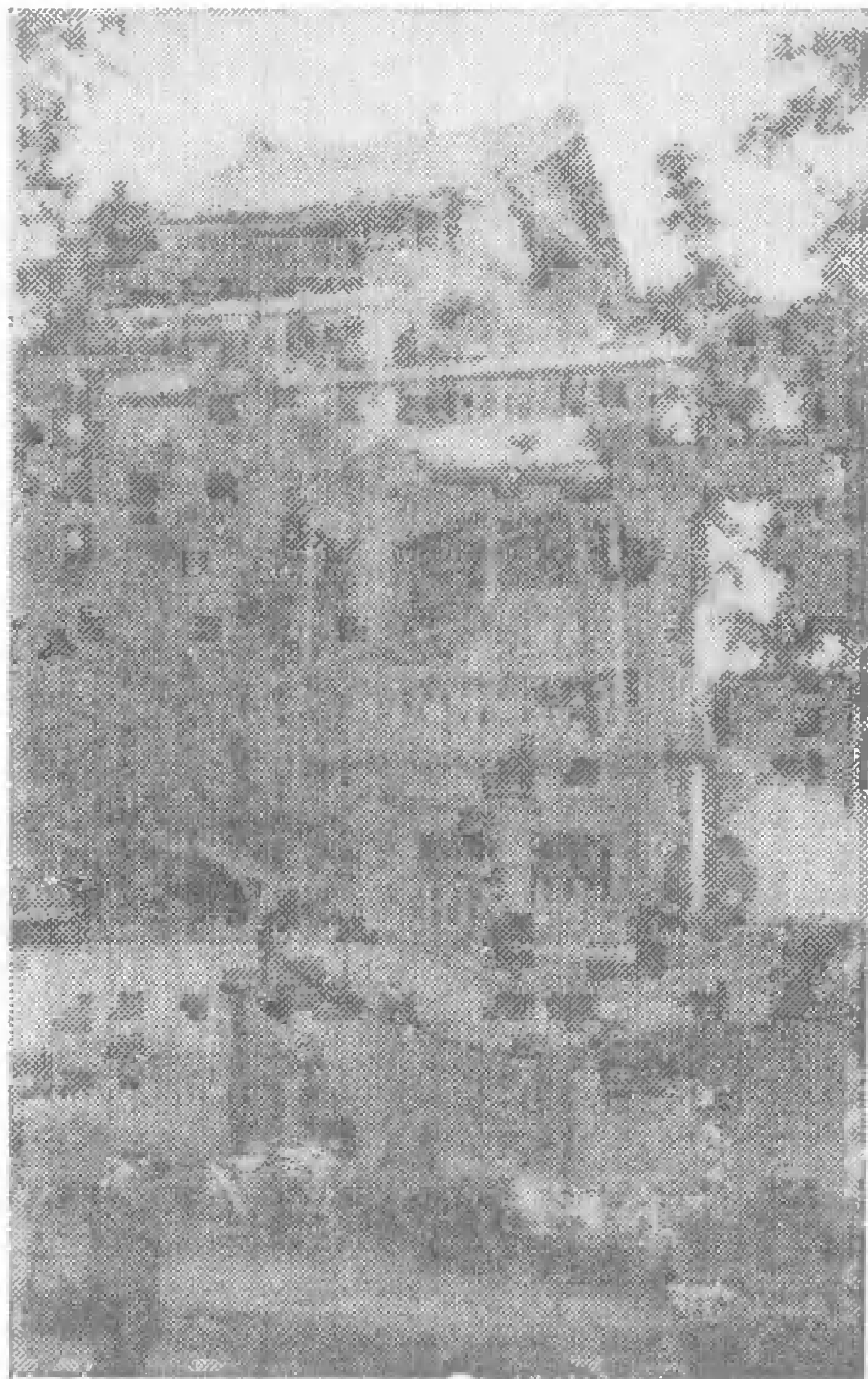
Рис. 25. Прогулочные лодки на Дяньчэ

Рис. 26. Парк Цуйху

**Рис. 27. В делях
«каменного леса»**

**Рис. 28. Шедвр кузьминской
архитектуры.
Синтез эпох и стилей**

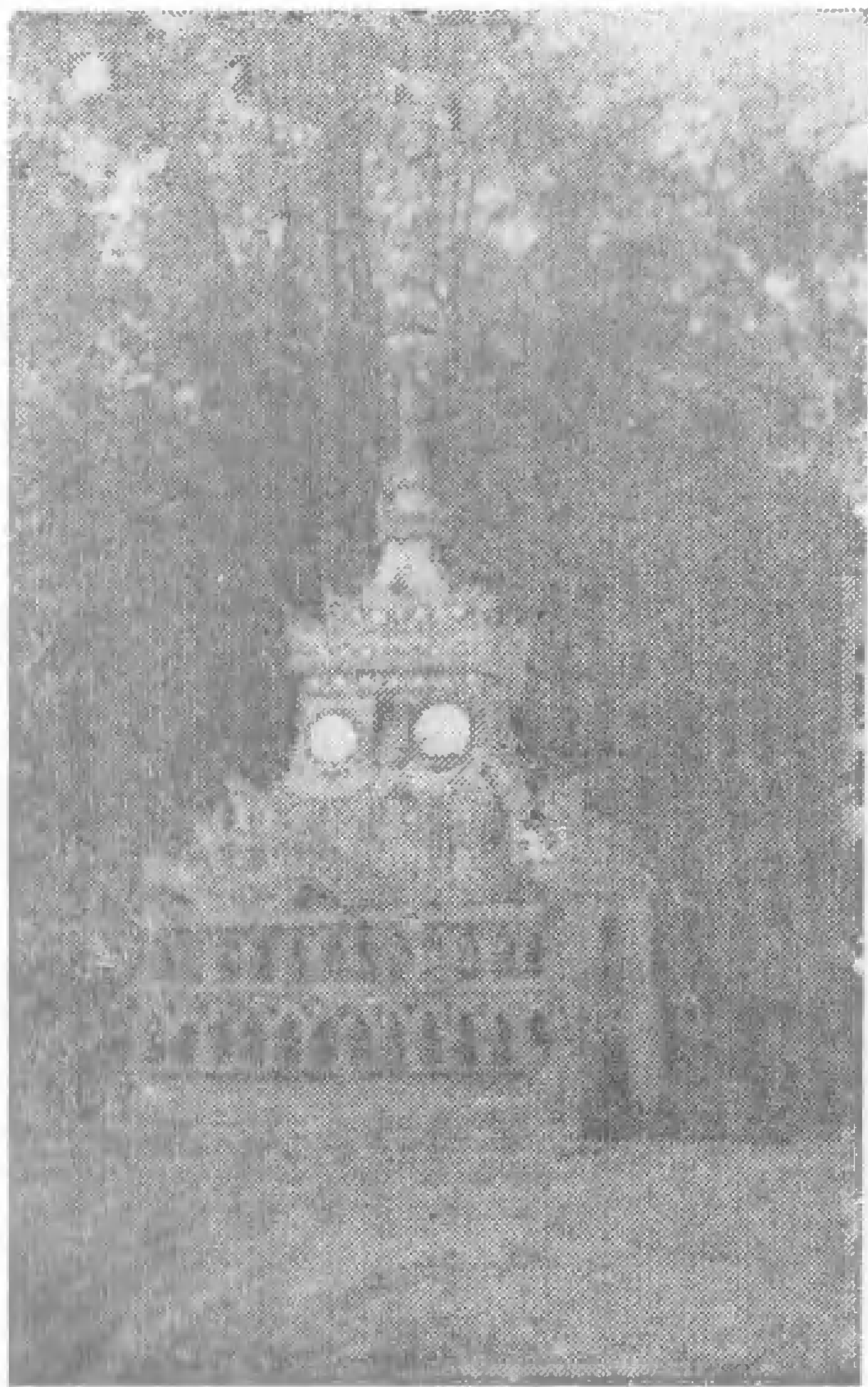

Рис. 29. Обыкновенный колодец

Рис. 30. Таинства кулинарии

берегу Цзиньцзяна. Строительство парка еще не завершено, дорожки и беседки пусты, и горожан в него пока не пускают, но красочное объявление у входа уже предлагает услуги штатного фотографа: качественные цветные снимки на фоне неширокой, спокойной, укутанной голубовато-серой дымкой Парчовой реки. На другом ее берегу грудятся красновато-черные здания. Там располагается центр города.

После полудня начинается самое увлекательное. В нашем распоряжении оказывается целый микроавтобус: еще не старая, но уже порядком разбитая на местных дорогах «Гоэта». Заполняется он почти полностью. К моим утренним собеседникам, за исключением секретаря Ху, у которого, вполне естественно, есть более важные дела, добавляются еще два сотрудника отдела культуры, и наша большая и шумная компания отправляется на север, в автономный уезд народности мяо Сунтао. Именно Сунтао, ныне являющийся частью административного района Тунжэнь, был известен непокорными аборигенами далеко за пределами Гуйчжоу.

Теперь обстановка более непринужденная, официальные условности отброшены, и мои попутчики оказываются живыми и интересными собеседниками. Поговорить нам есть о чем. Неожиданно выясняется, что трое из них изучали в свое время русский язык и помнят отдельные слова, а У Цзыцян — моложавый, энергичный начальник отдела культуры — оказывается профессиональным художником, в далекие 50-е годы изучавшим русскую живопись XIX в. И с губ его без видимого напряжения слетают имена учивших его советских преподавателей.

Пыльная грунтовая дорога ползет в гору. Бесконечные поля, редкие деревни, голые вершины холмов. Три четверти часа — и первая остановка. Пантанъао, место, в котором нет ничего примечательного. Пологий холм, на вершине которого в окружении деревьев приютилось небольшое селение; сбегаящие по его склонам ступеньки полей переходят в залитую блекло-голубой водой равнину. Сколько подобных пейзажей можно встретить в Гуйчжоу! Но в преданиях мяо Пантанъао означает многое: 19 апреля 1796 г. здесь произошло успешное для повстанцев сражение с войсками генерал-губернатора Юньнани и Гуйчжоу Фу Канъаня. Официальные документы стыдливо обходят этот печальный для властей эпизод стороной, но память народа надежнее кисти летописца.

Вскоре после Пантанъао сворачиваем на узкую, разбитую, столь же богатую рытвинами и ухабами, сколь история Сунтао богата коллизиями и неожиданными поворотами,

грунтовку и через некоторое время медленно въезжаем на оживленную деревенскую улицу. Оживление вызвано, конечно, не нашим появлением. Оно — отголосок уже затухающего сельского рынка. Деревня с заурядной внешностью и претенциозным названием Чжэнда, что переводится как «честный», «правдивый», «справедливый», одновременно является и центром одноименной волости — не только административным, но и экономическим. К сожалению, на рынок, который проводится в Чжэнда раз в пять дней, мы уже опоздали. Какие дела могут совершаться на селе после полудня? Несколько лотков с предметами домашнего обихода — это все, что осталось от шумевшего с раннего утра базара, собирающего жителей окрестных деревень.

Высоких гостей встречает все местное руководство во главе с секретарем парткома и председателем народного правительства волости. Перво-наперво — без этого в Китае бесполезно начинать любые дела — чай. Скрипучая деревянная лестница ведет на второй этаж волостного правительства. Тусклый коридор, голые стены, донельзя казенные двери. Пахнуло чем-то знакомым: уж не по типовому ли проекту наших совхозных контор возведено это здание? Хотя обстановка в нем, конечно, много скромнее. В просторной комнате, куда нас приводят, — несколько составленных в большой четырехугольник, вытершихся от времени деревянных столов, простые скамьи по бокам, на давно не знавших побелки стенах висят правила работы, выцветшие лозунги, выполненные в стиле *няньхуа* — акварельного лубка — яркие портреты маршалов КНР. В воздухе витает запах затхлости и сырости. Дешевый зеленый чай пахнет полынью. Бедность и простота, к которым давно привыкли и которые никто не пытается приукрасить, в полной мере компенсируются радушием и гостеприимством хозяев. С трудом выдерживаю натиск завязанных курильщиков, наперебой пытающихся угостить меня и друг друга сигаретой. Воздух моментально насыщается едким дымом. Привычная среда обитания и рабочая обстановка, но мне в ней приходится нелегко.

В ходе скорее ритуального, чем вызванного необходимостью чаепития неожиданно бурно разгорается обмен мнениями о прошлом Чжэнда, и в частности о восстаниях в этом районе. Смысл улавливаю с трудом, но сохраняю внимательный и понимающий вид. Следующий этап — знакомство с деревней — более интересен. В роли гида и рассказчика выступает «помощник старосты Лю», как его там называют (рис. 39).

Сухощавый, энергичный, мне кажется, он из той категории людей, которых принято называть непоседами и все-

знайками. Для своих 66 лет он весьма бодр и активен. Лю действительно был помощником старосты деревни. «До освобождения», — разъясняет мне Ли Мао. Это значит до 1949 г. Безусловно, рубеж в истории страны и сознании каждого китайца исключительно важный, и пройден он не так давно, но называть человека по должности, которой он лишился 35 лет назад, — такое возможно только в китайской деревне, где чиновничество культивировалось на протяжении многих веков и любая, даже самая маленькая административная «шишка» выростала здесь до необъятных размеров. Но как бы то ни было, Лю является как бы носителем и хранителем истории деревни, которая насчитывает уже несколько столетий, и именно к нему, как к старейшине и старожилу, обращаются в случаях спорных и неясных. Годы прошли, но авторитет остался.

Сейчас Чжэнда — средняя по всем меркам деревня с населением немногим более тысячи человек. Невзрачные — глина пополам с соломой и кое-где немного дерева — домишки в беспорядке спускаются к подножию холма, к желтеющим внизу прямоугольникам цветущего рапса и отражающим хмурое небо рисовым чекам. Внизу — несколько домов посolidнее, из дикого камня и серого кирпича, полуокруженные аккуратно выложенными каменными заборами. На многих камнях — белая крошка известкового налета.

Столетия назад вся деревня прижималась к макушке холма и была обнесена (где-то в конце XVII в.) прочной стеной. Эти-то укрепления и превратили Чжэнда в важный стратегический пункт всего района, на нее были возложены исключительно важные функции «сдерживания» и «ограничения» «инородцев», ибо дальше на север и северо-восток начинались владения беспокойных мяо. Поэтому «справедливая деревня» не раз оказывалась в центре ожесточенных сражений, пережила немало бурных и волнующих лет.

Сегодня стены уже не существует. Не так давно, всего 20—25 лет назад, она была разобрана, а камень пущен на строительство водохранилища и нужды сельчан. Вот откуда следы извести на оградах. Жаль, конечно, что утерян для истории один из немногих памятников старины в Тунжэни, и даже то, что он послужил решению задач важных и нужных — развитию сельского хозяйства района, — как-то не растворяет неприятного осадка.

Мы стоим на том месте, где располагались западные ворота крепости, и «помощник старосты» Лю с пафосом рассказывает о ее беспокойном прошлом (рис. 19). Слуша-

телей набирается более двух десятков. За нами следуют двое степенных старцев, несущих на лицах маску мудрого безразличия, несколько молоденьких девушек, видимо не скованных деревенскими предрассудками и не считающих зазорным принимать участие в столь редкостном для деревни развлечении, молодые парни, чьи изучающие взгляды преследуют меня на каждом шагу, и, конечно, дети. Я и сам больше смотрю по сторонам, наблюдаю за китайцами, надеясь на то, что Ли Мао не упустит ничего важного из быстрой и не очень внятной тирады нашего добровольного, исполненного ощущения собственной значимости чичероне. Не обращая внимания на собравшуюся толпу, проходит через нас усталый, забрызганный грязью крестьянин. На плече у него — тяжелая деревянная соха — немое свидетельство уровня механизации сельского хозяйства и тяжести повседневного крестьянского труда. Неуверенно приближается девочка лет тринадцати, за спиной у которой в плетеной хозяйственной корзине важно восседает доверенный ей родителями на воспитание карапуз. Все собравшиеся — мне трудно судить, впервые или уже в который раз — с большим вниманием слушают разговорившегося Лю.

Наконец его красноречие иссякает, мы оставляем Чжэнда и по широкой, петляющей среди полей и зарослей кустарника тропе неспеша переваливаем через косогор, за которым затаилась в ложбине у подножия следующего холма почти сливающаяся с местностью деревня мяо. Два десятка черных черепичных крыш, землистого цвета стены прикрыты пятнами темно-зеленой листвы. На дне ложбины поблескивают оконца залитых водой полей. Название деревни символично: Бяньцян — Пограничная стена. Приблизительно там, где мы стоим, когда-то проходила незримая граница между двумя мирами, двумя укладами жизни, двумя нередко враждебными друг другу территориями: ханьцев и мяо. Дальше на север и северо-восток, ближе к гористым и прежде покрытым густыми лесами границам Хунани и Сычуани лежали негостеприимные и опасные для китайцев земли «инородцев».

Но все это в прошлом. О лесах напоминают лишь небольшие рощицы молодых деревьев на макушках холмов. После 1958 г., когда Мао Цзэдуну потребовалось много топлива для авантюристической стальной лихорадки «большого скачка», их свели почти подчистую. Почти теми же средствами пытались преодолеть в 60-е годы и различия между мяо и китайцами, проще говоря, ассимилировать мяо.

В какой раз за века! Были скрытое сопротивление и открытые столкновения, обострились отношения, а цель не была, да и не могла быть достигнута. Покорить и китаизировать упрямых «инородцев» создатели теории «единого многонационального Китая» не смогли. Конечно, в жизни и быте двух народов ныне больше общего, чем непохожего, и внешне лишь по овалу лица да некоторым деталям женской одежды можно отличить мяо от ханьцев. Но остались обычаи, традиции, сохранились легенды и предания, существует самобытная и древняя культура мяо. Ее надо не игнорировать, а изучать и развивать.

С мяо мы сталкиваемся неожиданно. За очередным поворотом на обочине отдыхает небольшая группа крестьянок. На женщинах — расшитые цветными узорами на груди, плечах и по обшлагам рукавов синие куртки, широкие, также обшитые узорами штаны и высокие из синей клетчатой ткани головные уборы, по покрою напоминающие тюрбаны. К женщинам жмутся детишки, с любопытством поглядывающие на странного незнакомца. Женщины приветливо улыбаются и не прочь сфотографироваться.

Спускаемся в низину, к деревне (рис. 43). Выглядит она еще беднее, чем Чжэнда. Один только вид строений из самодельного земляного кирпича действует угнетающе. Прохожу десяток шагов по узкому каменистому переулку, петляющему среди этих невеселых халуп, и, подавленный, возвращаюсь назад. Внутри не хочется даже заглядывать.

У сбегающего по косоветру ручья, рассекающего деревню как бы на две части, продолжается своя, будничная жизнь. Женщина с двумя не по-детски серьезно настроенными детьми промывает в воде крупные листья салата, еще две не в пример им улыбчивые девчушки заняты стиркой (рис. 41). Не обращая на нас никакого внимания, будто иностранцы появляются в ее деревне каждый день, трет и выколачивает белье деревянным вальком молодая женщина. За спиной у нее привязан маленький ребенок. Постепенно собирается толпа, состоящая в основном из детей и подростков. Женщины держатся в отдалении, некоторые, увидев нацеленный объектив фотоаппарата, отворачиваются и прячутся за домами. Мужчин в эту страдную пору в деревне почти не видно.

Завести с жителями разговор не удастся. Виной ли тому мой китайский или иные причины, но контакта не получается. Приходится набраться терпения и ждать. Хозяева что-то затевают, а меня пока обволакивают вежливыми фразами, извиняются, что ждали нас только завтра и не

успели приготовиться... Может, оно и к лучшему, что не успели приготовиться?

Пока есть время, пытаюсь разобрать полустертую надпись на изъеденной временем каменной стеле. Более-менее отчетливо видна лишь дата — 1743 г. Наскоком текст не возьмешь, тут необходимы словари, время и скрупулезная работа. Но памятник, безусловно, интересен. Рядом — не покажут, не разглядишь — водяная мельница, примитивное сооружение в виде колодца, сложенное, видимо, в незапамятные времена. Нужда в ней давно отпала, а мельница осталась. Не знаю, что о ней думают жители деревни, а для историков и этнографов это ценный памятник материальной культуры мяо.

Наконец выясняется причина длительной задержки. Медленно и степенно из-за домов выплывают четыре девушки в национальных костюмах мяо (рис. 40). Одна — круглолицая хохотушка — никак не может сдержать рвущуюся на лицо улыбку, нарушая торжественность всей церемонии. Чистейшим серебром отливают массивные кольца, цепи, браслеты, извлеченные, видимо, со дна покрытых пылью бабушкиных сундуков. Одежды действительно колоритны, свежи, изящны и выразительно контрастируют с обезличенной сине-зеленой посредственностью, в которую обряжена ныне подавляющая часть не только сельского, но и городского населения. Не только у меня, но и у сопровождающего нас фотографа из отдела культуры Тунжэни загораются глаза при виде этого великолепия. Оставалось только выразить благодарность и признательность людям, которые, не считаясь со временем и своими многочисленными заботами, сделали все, чтобы максимально удовлетворить любопытство заезжего гостя.

Настало время возвращаться, и, мне кажется, теперь уже все население деревни Бяньцян высыпало за околицу. Пусть мы не нашли пока общего языка, но у нас есть точки соприкосновения. Меня по-настоящему волнует не только героическое прошлое, но и многотрудное настоящее и, надеюсь, более счастливое будущее упорного, трудолюбивого и гостеприимного народа.

Возвращаемся в Чжэнда по гребню горы вдоль бывшей крепостной стены. Там, где раньше высились южные ворота крепости, каким-то чудом сохранилось несколько отшлифованных и плотно пригнанных друг к другу блоков, за которыми небольшой, до полутора метров высотой, вал из камней пополам с землей. А венчавший эти ворота камень с надписью «Цзуньхуа мэнь» («Ворота последовательных

превращений») лежит ныне ступенькой лестницы деревенской лечебницы, столь же неуютного и запущенного здания, как и все остальные дома.

Начинает накрапывать дождь. «В Гуйчжоу, — гласит поговорка, — не бывает трех ясных дней, не найти трех ли (ли≈0,5 км. — *В.Л.*) ровной земли». Подвергать сомнениям народную мудрость чревато неприятными последствиями, и мы спешим укрыться под крышей волостного правительства. В просторной полутемной комнате уже все готово к ужину. На стол водружается большое цинковое ведро, почти доверху наполненное вареным рисом, появляются просто, по-деревенски, без излишеств приготовленные блюда с мясом, печенкой, курицей. Мне трудно представить, из каких запасов извлечены эти нечастые для китайских крестьян продукты, но, уже зная их исключительную щепетильность в вопросах приема гостей, я не рискую задавать вопросы об их происхождении. «Особая сунтаоская» развязывает языки, и наперебой звучат тосты за дружбу, сотрудничество, развитие отношений. Мои выражения благодарности за гостеприимство и радушие совершенно неожиданно вызывают поток теплых воспоминаний о советских специалистах, работавших в Тунжэни в 50-е годы. Расстаемся по-дружески. Очень жалею, что не захватил никаких сувениров, ибо чувствовал себя готовым раздарить их все без остатка здесь, в захолустной, бедной, но добросердечной и искренней деревне.

Дождь разгулялся не на шутку. Однако собравшиеся у нашей машины жители Чжэнда не расходятся. Появление в их деревушке иностранца — такое редкостное событие, что о нем будут говорить еще очень и очень долго. До самой машины провожают нас руководители волости, а потом, прячась под зонтами, долго смотрят вслед удаляющейся «Гоёте».

Возвращаемся в Тунжэнь уже в темноте, и тем неожиданнее было видеть у порога гостиницы поджидавшего нас секретаря Ху. Справившись о наших впечатлениях и нуждах, он тут же дал указание исправить розетку в моем номере, извинился, что из-за занятости не может уделить нам завтра своего внимания, пожелал спокойной ночи и распрощался.

После стольких положительных эмоций, обрушившихся на меня в этот удивительный день первого знакомства с настоящим Китаем, как тут было не пофилософствовать? Ли Мао оказывается внимательным слушателем и интересным, умным собеседником, когда я выплескиваю на него свои восторги вперемишку со взглядами на предмет китайской

истории, национальной психологии, настоящего и будущего страны. Кажется, с его помощью и даже вопреки его исключительной осторожности я смогу кое в чем разобраться.

Новое утро началось с крика петухов. Где они тут бродят, неужели во дворе гостиницы? Через тонкую пелену облаков пробивается солнце. День обещает быть ясным и жарким, не знаю только, во благо ли нам грядущая жара? В сопровождении Вана знакомимся с городом. Его опека кажется слегка назойливой, но что остается «дорогому гостю», кроме как упиваться своей «ценностью»?

Город Тунжэнь, как и следовало ожидать, маленький городок (если можно назвать маленьким населенный пункт с 60 тыс. жителей) с более-менее современно, т.е. безликими бетонными коробками, застроенной набережной Цзиньцзяна, тихой центральной улицей и разбегающимися от нее и городской площади узкими, кривыми переулками. В его окраске преобладают грязно-серый и сине-зеленый тона. Первый проступает с забрызганных грязью после ночного дождя бетонных и брусчатых мостовых, со стен окружающих нас старинных, а может, просто выглядящих старыми двухэтажных каменно-деревянных домов. Кое-где его разбавляют яркие пятна дверей и ставен цвета охры. Второй колышется шумной массой велосипедистов и прохожих, торговцев и покупателей, людей, занятых делом, и просто зевак.

Вливаемся в хаотически бурлящую толпу посетителей рынка, занимающего несколько изогнутых улочек, упрятанных под полупрозрачный полиэтиленовый тент. Конечно, он много беднее, чем шанхайские толкучки, и не столь экзотичен, как пестрый, многоцветный базар в Цзинхуне, но и в нем есть свое очарование уютной провинциальности и домашности. Рынок Тунжэни — своеобразное средоточие жизни небольшого провинциального городка, который, кстати, и статуса такого не имеет, а именуется *чжэнем* — поселком городского типа. В ходу здесь то, что необходимо простому человеку, труженику. Впервые держу в руках сандалии из автомобильной покрышки: подошва и несколько тесемок, для того чтобы закрепить на ноге этот негнувшийся кусок резины. Такими сандалиями миллионы крестьян топчут жидкую грязь рисовых полей с ранней весны до поздней осени.

Торгуют корзинами и гвоздями, старыми журналами и самодельной бижутерией, перцем, птицей, мясом. Пожилой китаец с напряженным лицом, словно шалевый воротник,

несет на плечах половину свежеразделанной свиной туши. Цзинь свинины — около 500 г — продается сегодня за один юань четыре мао (мао = 10 фэней). Это наполовину дешевле, чем в Шанхае, но на сорок процентов дороже, чем в Чжэнда. Разница в ценах довольно значительна.

Но самый популярный сегодня на рынке человек — продавец крысиного яда. Правильно рассудив, что реклама — двигатель торговли, он отдается ей с подлинным энтузиазмом. Большой транспарант за его спиной сообщает, что лучший из всех ядов производится в его родной провинции Аньхой. Наглядно, в цвете и динамике, изображаются бедствия, приносимые урожаю и предметам домашнего обихода прожорливыми грызунами. У ног торговца бьет в барабан заводной барабанщик, а кучка дохлых, уже вкусивших его продукта крыс демонстрирует эффективность предлагаемого средства. Звонкий, радостный голос торговца разносится по улице; его одухотворенное, со скрытой лукавинкой лицо выражает восторг и упоение. Так и хочется назвать его художником, поэтом своего дела! Вокруг толпится народ, и я с трудом выбираю момент, чтобы сделать хотя бы один снимок.

Но явь тунжэньского рынка значительно разнообразнее, она демонстрирует и новые веяния, тенденции, настроения, проникающие сегодня в страну, пусть не в той степени, как в Гуанчжоу, Шанхай или Пекин, но все же достаточно зримо. На прилавках — цветастые платья и пользующиеся большой популярностью у молодежи вездесущие джинсы. Разносятся по округе современная западная музыка, на перезаписи которой зарабатывает на жизнь счастливый обладатель японского «Шарпа». Стрекогут вынесенные прямо на тротуар швейные машинки. И здесь частный сектор все активнее пробивает себе дорогу.

Перед обедом Ван приносит приятное известие: нам дано добро на поездку к местной достопримечательности — горе Гуаньинь и пещере Девяти драконов.

С трудом дождавшись назначенного времени, усаживаемся в знакомую «Тоёту». Почти час уходит на то, чтобы преодолеть 17-километровый участок пути. Узкая, хорошо укатанная дорога бежит по зеленеющей долине, петляет среди тяжеловесных, покрытых редкой растительностью волнистых гор, пристраивается к голубому Цзиньцзяну, повторяет изгибы его берегов и, наконец, скатывается к воде и упирается в паромную переправу. Знойный пыльный ветер пропитан специфическим запахом фекалий. Настало время весенней подкормки, а используемые в деревне главным

образом натуральные удобрения издают не самый лучший аромат. Одни крестьяне, монотонно размахивая черпаками на длинных ручках, расплескивают пахучую черную жидкость по поверхности воды, заливающей рисопосадки, другие — в пути к своим неблизким участкам. Их босые, с закатанными по колено штанинами, облепленные высохшей и покоробившейся на солнце грязью ноги изящно пружинят в такт гнущимся под тяжестью деревянных бадей бамбуковым коромыслам.

Снова и снова чувствую себя праздношатающимся человеком, инородным телом в мире извечно тяжкого крестьянского труда, который никак не облегчила ревущая ракетами и мерцающая дисплеями ЭВМ цивилизация. Если бы мне предложили дать лаконичную характеристику этому суровому краю, я назвал бы его символом человеческого трудолюбия.

Невысокие холмы и склоны скалистых гор на десятки метров вверх изрезаны террасами полей, которые, словно ступеньки бесконечной и бескрайней лестницы, воплощают в себе многовековой изнурительный труд, пот, кровь, мечты, надежды, отчаяние десятков и сотен поколений неграмотных, полунитых, жестоко эксплуатируемых крестьян (рис. 16, 38).

Еще несколько минут небыстрой езды, и мы почти упираемся в маленькую деревушку на берегу Цзиньцзяна, у подножия горы Гуаньинь. Ни высотой, ни величиной она не впечатляет и не отличается от окружающих холмов. Разве что ее верхняя скалистая часть вызывающе дыбится на фоне синего неба, словно бастионы неприступной средневековой крепости.

К вершине ведет пологая, но утомительно длинная дорога. Под раскалившимся солнцем она кажется бесконечной. С каждым очередным изгибом пути открывается все более изумительный вид на лежащую у подножия долину и теряющиеся в белесой дымке, изрезанные морщинами горы. Чтобы подняться на высоту 500 м, потребовался почти час. Немного отдохнув в беседке у огромного, дышащего пронизывающим холодом зева пещеры, продолжаем подъем. Теперь нас ведет узкая, окруженная бамбуковыми зарослями тропа. И скоро становится ясно, почему гора, носящая имя столь миролюбивой и доброжелательной к людям богини, долгое время пользовалась у них дурной славой.

Источники утверждают, что первое буддийское святилище — Храм лотоса — было построено на ней еще в период Мин, и с тех пор гора стала местом паломничества буддистов.

Но в народе она больше известна как прибежище *туфэев* — «местных разбойников», — которых в период разгула милитаризма и военных конфликтов 20—40-х годов этого столетия расплодилось в Китае великое множество.

«Не хочу ли я подняться на самую вершину?» — этот, как потом оказалось, вопрос «на засыпку» Ван задал еще на полпути к пещере. Тогда я не понял значения хитроватой улыбки, расплывшейся на его лице в ответ на мое: «Обязательно! Идти, так до конца». Теперь, под нависшей над нами скалой, в которой, казалось, не было никакого прохода, бодрости в моем «да» поубавилось, но отступить было поздно. Оставалось выяснить причины скрытой в вопросе нашего гида иронии, он ведь не впервые поднимался на Гуаньинь.

Да, дорога к вершине — не для людей со слабыми нервами. Узкая тропинка бежит по карнизу над глубоким обрывом, карабкается вверх по крутым, градусов семидесяти, высеченным в скале ступеням, вонзается в каменные ворота, которые не обойти — разве что облететь можно, — и, наконец, исчезает в огромной, нависающей над головой глыбе. Далее — проход через Южные небесные ворота и не менее трудный, но уже без особых сюрпризов путь на вершину. У одного из прикрытых зарослями бамбука провалов Ван развлекает нас полуфантастической историей об изобретательности банды заблокированных на горе туфэев, умудрившихся перебросить плетеный мост на склон соседней горы и спастись от уже торжествовавших победу солдат. Совсем как гладиаторы Спартака.

Последнее усилие — и вот она, вершина! Какие-то 600 метров над водной гладью Цзиньцзяна, а какой вид, какой простор! Стоило ехать за тысячи километров, под жарким южным солнцем отмерять шагами долгий подъем, на обрывистой тропе с замирающим сердцем прижиматься спиной к холодающему камню и прикидывать в уме траекторию своего падения, чтобы отсюда, с высоты птичьего полета, взглянуть на голубеющий в окаймлении зеленых берегов Цзиньцзян, на опоясанную изобарами террасированных полей неказистую серую деревушку у подножия и тающие в сизом мареве этого замечательного дня горные кряжи.

Пока мы отдыхаем в скудной тени бамбука, на вершине появляется группа покрасневшихся, запыхавшихся, но веселых и беззаботных школьников, будто нет ничего привычнее восхождения на популярную как в восточной Гуйчжоу, так и в соседней Хунани гору. Школьники, кажется, из Хунани. Сразу приходят на ум гуйлиньские вершины и

их малолетние покорители, их беспечные игры на неогражденной, обрывистой площадке. А как они потом, подпрыгивая и подзадоривая друг друга, не ведая чувства опасности, неслись вниз, обгоняя нас на крутых поворотах! Даже стало завидно и немножко неловко за свою осторожность, но потом с мудростью взрослого человека напоминаю себе, что в их возрасте и сам излазил немало крутых и обрывистых скал на побережье Уссурийского залива...

Спуск к пещере происходит более быстро и спокойно. У входа в нее нас поджидает гид. В руках у него — огромный четырехбатареечный фонарик. Широкий вход чернеет непроглядным мраком, в котором ободряюще мерцают светлячки электрических лампочек.

Пещера Девяти драконов — самая большая из обследованных пещер Китая. По преданию, много столетий назад один из вечно любознательных монахов потратил семь дней на то, чтобы пройти по ее главным коридорам, но так и не добрался до конца подземелья. К сегодняшнему дню спелеологами обследованы семь залов, три из которых — «Приемная», «Коридор» и «Дворец драконов» — с 1982 г. открыты для туристов. Их общая площадь составляет 24 тыс. кв. м, протяженность — около 800 метров; наибольшая высота во «Дворце драконов» — около 80 м, ширина — свыше 100 м.

У пещеры еще не столь беспощадно, как у давно освоенных и расцвеченных для туристов памятников, окультуренный вид. Нет красочной подсветки каменных богов, «флоры и фауны» подземного мира, и сами их представители по сравнению, скажем, с «обитателями» гуйлиньской Тростниковой флейты не столь многочисленны. Фонарь нашего проводника помогает рассмотреть встречающего гостей каменного слоненка, божество долголетия с журавлем — символом долгой жизни — в руках, сидящую на ветке сороку, парящего в облаках скакуна Небесного владыки, огромного льва с разинутой пастью. Очень похожа на оригинал нависшая над небольшим водоемом гигантская желтоватая медуза, сформировавшаяся из солевых потеков. Семь огромных каменных столбов толщиной в два-четыре обхвата теряются во мраке высоко над головой. Один из столбов обвит девятью «драконами», чешуя и когти которых в мерцающем полумраке пещеры кажутся живыми. От этих «драконов» и происходит название пещеры.

В залах пустынно и тихо; два десятка туристов растворились в непроглядной мгле, и только звонкий, долетающий

откуда-то издали, резонирующий о стены и своды голос гда подтверждает, что мы в ней не одиноки. Пещера Девяти драконов лежит вдалеке от наезженных туристских маршрутов, в зоне, пока закрытой для иностранцев и неудобной для обычных любителей путешествий, и, видимо, не скоро еще станет местом их массового паломничества.

Спуск к подножию кажется много короче, чем подъем, тем более что солнце уже умерило свой пыл и клонится к закату. Вся экскурсия к горе Гуаньинь заняла три часа, а сколько впечатлений! И навсегда оставшееся в памяти восхищение чудесными пейзажами восточной Гуйчжоу (рис. 9).

После ужина, несмотря на гудящие до звона в коленях ноги, отправляюсь на прогулку по набережной Цзиньцзяна. На этот раз в одиночестве. Намаявшемуся за день Ли Мао предстояло еще решить с местными властями финансовые проблемы, а товарищ Ван, видимо, решив, что за день на меня навалилось достаточно впечатлений, отправился домой. Правда, бродить в одиночку по незнакомому городу, где буквально каждый с первого взгляда признает в тебе иностранца, неизвестно с какими целями забравшегося в это захолустье, — занятие не очень увлекательное. Но сейчас не время прислушиваться к чувствам и эмоциям. У меня еще нет ощущения этого города, не сложилось о нем окончательного представления. А это важнее всех положительных и отрицательных зарядов и эмоций.

Река действительно прекрасна и неподражаема. Это трудно описать, и в это трудно поверить, но в густой зеленой воде отражаются и голубое небо, и белые облака, подкрашенные розоватыми отсветами заходящего солнца. Жалею, что не захватил фотоаппарат, но разве может фотопленка уловить богатейшую палитру тонов и оттенков, которой, казалось, дышит Цзиньцзян! Тепло, тихо; чудесный, совсем деревенский воздух источает покой и умиротворение.

По набережной размеренно и чинно гуляют люди: кто, как и я, в одиночку, но больше по двое, трое или небольшими группами. Симпатичная чета пожилых китайцев, пары молодых супругов с принаряженными детьми, степенные важные ганьбу, позволившие себе расстегнуть верхние пуговицы синих форменок, улыбчивые девушки и щеголеватого вида парни — всех их словно сдерживает неведомая сила, принуждая идти медленно и плавно, останавливаться у парапета и подолгу смотреть на медленно текущую зеленую воду. Лишь я — диковинное явление в устоявшейся вечерней идиллии спокойного и тихого провинциального городка — одним своим появлением вношу сумятицу в давно установившийся порядок его размеренной

жизни. Оборачиваются, провожают взглядами. Дети — они везде одинаковы, будь то напичканный иностранцами Шанхай или много лет не видевший людей с другим цветом кожи Тунжэнь, — показывают пальцами, толкают родителей в бок и шепчут: «Вайгожэнь, вайгожэнь... Мама, смотри, иностранец...» Но никто, как это нередко бывает в Шанхае, не останавливается и, раскрыв от удивления рот, не пялит глаза на заморское чудо. Мне приятны эта провинциальная учтивость и выдержанная гордость.

Хорошее настроение не могли испортить ни преподнесенный Ли Мао сюрприз — счет на 200 юаней за пользование автотранспортом, по сравнению с которым все прочие расходы кажутся пустячными, ни шум, создаваемый в коридоре подвыпившими делегатами проходящей в городе конференции наркологов и встречи каких-то администраторов. Поэтому запись, которую я сочиняю для гостиничной книги отзывов, облаченной в сохранившуюся с 50-х годов обложку, преисполнена подлинной благодарности за гостеприимство. Сознательно пишу отзыв по-русски, а Ли Мао делает перевод.

Рано утром, в самом начале восьмого, покидаем Тунжэнь. Провожает нас секретарь Ху. Крепкое, дружеское рукопожатие, прощальный обмен любезностями — и все та же «Гоэта» мчит нас на юг, к железной дороге. Горы, холмы, зеленеющие распадки и долины, в которых клубится синий туман. Вершины гор отбрасывают длинные, тяжелые тени. Солнце упруго висит над горизонтом, обещая яркий и жаркий день. На полях, кое-где цепляющихся даже за вершины холмов, чернеют фигурки крестьян.

За полтора часа до отхода поезда мы уже на вокзале, и я в своей неумемной жажде нового немного бесцеремонно принуждаю своих спутников совершить короткую прогулку по Юйпину — административному центру автономного уезда народности дун. Городок, несмотря на его, казалось бы, выгодное и удобное расположение, небольшой, привычно серый и в основном трехэтажный. Ухоженный, европеизированный центр соседствует с нагромождением старых построек, меж которыми зеленеют аккуратно нарезанные прямоугольники огородов. Городок чисто китайский: ни по архитектуре, ни по одеждам жителей не определишь его как центр национального уезда.

Поезд задерживается, как уверяют соответствующие службы, на два часа, но никто не рискует дать гарантии, что он не появится раньше указанного срока. Поэтому мы вынуждены коротать время на станции, прячась от разъярившегося к

полудню солнца в тени вокзала. Хорошо еще, что предусмотрительный Ли Мао запасся сухим пайком и термосом с чаем.

Поезд появляется лишь в 12.30. Сидячие вагоны забиты до отказа, но Ли Мао удается договориться с начальником поездной бригады — тут мой статус иностранца идет на пользу, — и единственное свободное место в купейном вагоне становится нашим. Одно на двоих, но в чистоте и покое. Нагрывшийся вскоре с проверкой полицейский, хмурый и преисполненный важности своей миссии молодой человек, убеждается, что иностранец появился в этих запретных краях на законном основании, дежурно улыбается и оставляет нас в покое.

Почти все время провожу у окна. Под ультрамаринным небом и ярким весенним солнцем любой пейзаж покажется чудесным и удивительным. А тут непрерывной чередой проплывают горы, красоту которых не портят даже желтые или чуть зеленеющие заплатки пашни. Яркой, сочной зеленью заявляют о себе узкие межгорные долины; переливаются всеми оттенками синего, зеленого, коричневого цветов гладкие воды рек и ручейков (рис. 8). Поезд идет медленно, почти тащится сквозь непрерывную череду длинных туннелей, а между ними, словно канатоходец над пропастью, висит над раскинувшимися глубоко внизу под опорами мостов прямоугольниками полей, серпантинном дорог, черными крышами деревень. На перегоне от Чжэньюани — очаровательного городка, прижатого со всех сторон скалами к реке Ушуй, — до Кайли засекаю наугад двадцатиминутный отрезок пути. Восемь минут из двадцати проводим в каменных коридорах туннелей.

В Гуйян прибываем уже в темноте, с трехчасовым опозданием. Симпатичная сотрудница иностранного отдела городского правительства товарищ Се отвозит нас в гостиницу «Цзиньбань» («Золотая доска»), посетовав по дороге, что лучшие гостиницы находятся далеко от центра, с местами в них плохо, и наш комфорт поэтому не будет полным. Но меня, а тем более Ли Мао такое известие только радует. Наученные горьким опытом, мы уже приняли решение о максимально возможной экономии средств: мой провожатый должен беречь университетские деньги.

Дорогое солнце для дорогого гостя

Три дня в провинциальном центре Гуйчжоу не отличались разнообразием: встречи, библиотеки, работа с литературой. Но первый из них выпал на воскресенье, день нерабочий, и половину его я с чистой совестью посвящаю знакомству с городом.

Гуйян в переводе с китайского означает «дорогое солнце». Город оправдывает свое название. Ночью шел сильный дождь, к утру он перестал, но на улицах по-прежнему пасмурно и сыро.

После долгих объяснений с надменным и неприветливым обслуживающим персоналом гостиничной столовой сама мысль о том, чтобы пользоваться их услугами, могла испортить аппетит. Частный сектор находит в нашем лице хоть и временных, но заинтересованных клиентов. Пиала слегка подслащенного соевого молока и *ютяо* — золотистое, аппетитное тридцатисантиметровое творение из жаренного в масле теста — кажутся мне самым вкусным завтраком, о котором только можно мечтать. И все это — в самой гуще жизни, на оживленной площади, за маленьким столиком, едва помещающимся под примитивным клеенчатым навесом. В спину мне дышит жаром — а чуть повернет ветер и дымом — маленькая печурка, по сторонам — лица и спины озабоченных, спешащих покончить с завтраком и бежать по своим делам людей. Замечаю, что на меня почти никто не обращает внимания. А может, только делают вид? Но чувствую себя свободно и непринужденно. Люди заняты своим делом, им недосуг, и я с удовольствием ограничиваюсь скромной ролью наблюдателя и рядового посетителя этого одного из многих частных предприятий общепита.

Чтобы быстрее освоиться в незнакомом городе, самое надежное средство — карта. Обычно в крупных городах Китая найти ее не составляет проблем. А вот в Гуйяне нам долго не везет, и мы вынуждены блуждать вслепую. Но наконец карта в наших руках. Определяемся, выбираем маршрут и отправляемся в сторону провинциальной библиотеки через... прачечную. Не знаю почему, но взбрела мне в голову мысль — может, бесконечная стирка в стенах Фудани была тому причиной — отдать в стирку свои изрядно потемневшие за первые дни путешествия рубашки. Что-что, а репутация китайских прачек, как и портных, известна всему миру. Но, увы, надежды и иллюзии рассеялись очень скоро. Гостиница, не рассчитанная на привередливых иностранцев,

таких услуг не предлагала, и мы сделали ставку на город. Бедный Ли Мао, раз за разом консультируясь у прохожих, увлекал меня все дальше к центру, а нужного заведения все не обнаруживалось. Я уже стал терять терпение и был готов махнуть рукой на свою незадачливую затею, но могли мой провожатый допустить появление такого пятна на репутации китайского сервиса! Он уговаривает меня пройти квартал, еще один — и его настойчивость была вознаграждена. Над угловым зданием броская и увесистая вывеска: «Стирка и чистка одежды».

Но радоваться было рано. Если с совершенно неприкрытым удивлением пожилой приемщицы, вызванным появлением в ее заведении иностранца, еще можно было смириться, то каждая очередная фраза нашего диалога делала лицо Ли Мао все более унылым.

— Хотите постирать белье? — взгляд недоуменный, но рука тянется к квитанционной книжке. — Пожалуйста.

— Когда будет готово? — вопрос, безусловно, предусмотрительный.

— Через двадцать дней.

Тут мы с Ли Мао испытываем небольшое потрясение, но по инерции продолжаем наступать:

— Но я через два дня уезжаю и не могу ждать так долго, к тому же стирки — сущий пустяк: всего две рубашки!

— Мэй баньфа, ничего не поделаешь, — следует стандартный ответ. — У нас ведь только приемный пункт, а стирают на фабрике.

Вот так модернизация и механизация банно-прачечного хозяйства пагубно отразилась на состоянии моих рубашек. Искать старушку, которая «где-то здесь, неподалеку, берет в стирку», уже не хотелось. Лучше уж до конца блюсти добрые традиции Фудани в вопросах самообслуживания.

Так, заглядывая в переулки и боковые улочки, мы пересекли всю центральную часть Гуйяна с юга на север, прошли по широкой, современной, заполненной гуляющей публикой Чжунхуалу, свернули на такую же широкую, обсаженную молодыми, но уже буйно разросшимися деревьями Пекинскую и вышли к провинциальной библиотеке. Здесь нас поджидала вторая неудача: в воскресенье библиотека работает с часу дня.

Не знаю, какие чары пустил в ход мой добрый гений Ли Мао, но оставшиеся до открытия читальных залов полтора часа мы провели в большом и совершенно пустом ресторане. Длинные, уже сервированные столы, расклеенные по стенам красные надписи с пожеланиями «двойного счастья»

говорили о предстоящем здесь свадебном торжестве. Мы же довольствовались скромным угловым столиком, приличным и недорогим обедом из пяти блюд и обменом мнений о Гуйяне.

Город не может не нравиться, прежде всего потому, что, расположенный на равнине (правда, на высоте 1071 м над уровнем моря), он со всех сторон опоясан горами. Их строгие остроконечные вершины напомнили мне вулканы Камчатки. В остальном Гуйян похож на многие другие китайские города: приземист, компактен, многолюден (1,3 млн. жителей), хотя выглядит повеселее и даже слегка щеголевато. Нет в нем той унылой серости, которая захлестнула китайскую архитектуру. Не только в современном строительстве, но и в старой застройке преобладают не уныло-серые, а белый, желтый и даже оранжевый тона. Лишь смолисточерные черепичные крыши выглядят так же, как везде.

Не чувствуется и национального колорита столицы «страны мяо», как когда-то называли Гуйчжоу, а ведь в ней проживает немало мяо, буи, дун, хуэй и других малых народностей. Разве что импозантного вида сухонькие седобородые старики кажутся представителями иного, далекого и непонятного мира.

На улицах — непрерывный поток нарядно и пестро одетых людей. Джинсы, платья, цветастые кофты, юбки здесь, кажется, уже перестали быть экзотикой, хотя, как и везде, преобладают сине-зеленые тона. А вот вызывающе небрежные молодые парни в расстегнутых до пупа рубашках, выставяющие напоказ болтающиеся на немытых шеях медные крестики, — это что-то новое. Встречаются такие авангардисты в Гуанчжоу и Шанхае, но в глубинке...

Магазины и лавки пестрят привозными товарами: пекинские, шанхайские и гуанчжоуские фабрики снабжают ширпотребом всю страну и являются законодателями мод. Особенно много товаров с юго-восточного побережья, из Гуандуна. Ли Мао уверяет, что все товары в Гуйяне, особенно продовольственные, дороже, чем в Шанхае. Ему виднее, я к ценникам особенно не приглядывался, но что разница в ценах по городам и провинциям Китая действительно заметна — это факт. Миллионы пассажиров, заполняющих поезда на вокзалах крупнейших промышленных центров страны, особенно Гуанчжоу и Шанхая, сгибаются под огромными чемоданами и безразмерными полосатыми сумками, набитыми мануфактурой. Кто для себя и родственников, а многие и на продажу — и расцветают по городам и деревушкам частные лавочки и промтоварные рынки.

Во второй половине дня попадаем наконец в библиотеку. Приятное дело — искать и находить что-то ценное.

Усталые, возвращаемся в гостиницу пешком, выбрав на этот раз окружную дорогу. На Пекинской улице неподалеку от парка Цяньлин приходится чуть ли не продирааться через плотные ряды голубятников. Голубиный рынок в Китае — тоже неожиданность. Но когда через день ранним утром замечаю голубятника, гоняющего с крыши своих турманов, правда с оглядкой, без разбойничьего свиста, а лишь осторожным похлопыванием в ладоши, уже не удивляюсь. Говорят, в 50-е годы это занятие было очень популярно, особенно среди молодежи, но потом настали другие времена, людям стало не до «праздных развлечений», и голуби почти исчезли. И вот снова над Гуйяном кружат белокрылые птицы. Голубь — символ мира; может быть, и для Китая он символизирует долгожданный мир и покой?

Наутро вновь озадачиваю Ли Мао: прошу отыскать утюг. Выстиранные с вечера рубашки за ночь прекрасно высохли — несмотря на пасмурную погоду, воздух удивительно сух, — и я хотел бы предстать перед глазами гостей в лучшем виде. Получасовые поиски завершаются успехом: где-то далеко внизу обнаружена гостиничная гладильня, и можно было бы туда спуститься — Ли Мао договорился и об этом, видимо сославшись на причуды назойливого иностранца, — но время утеряно. Вот-вот должен появиться преподаватель Института национальностей Гуйчжоу Чжан Юнго.

Институт расположен за городом, и, чтобы не терять столь драгоценного для нас времени на переезды, встречаемся в гостинице. Пожилой, сухощавый, в наглухо застегнутом синем френче, учитель Чжан, как я его стал называть, отдавая дань его возрасту и заслугам, оказался исключительно эрудированным, знающим, глубоко и критически мыслящим историком и этнографом, искренне любящим свой предмет. Его статьи, серьезные и фундаментальные, по своему подходу и анализу материала сильно отличались от многого, что писалось и пишется в Китае об истории малых народностей Юго-Запада. Эти статьи зародили мысль о личных контактах, и вот они состоялись.

Проговорили мы около трех часов. Правда, в основном говорил Чжан Юнго, иногда очень быстро, взволнованно, особенно если речь шла о больших проблемах китайской историографии, и я не всегда понимал его сбивчивую, приправленную гуйчжоуским акцентом речь. Но общий язык мы нашли — надеюсь, к обоюдной выгоде и взаимному

интересу, — и отношения, которые мы продолжаем поддерживать сегодня, это подтверждают.

Закрепили мы наше знакомство обедом в ресторане «Шанхай». Тяга к обслуживанию на высшем уровне трогательно соседствовала в нем с аскетической непритязательностью. На столах чистые, но в дырах клеенки, на цементном полу — грубые деревянные табуретки, за перегородкой кудахчут куры. Кульминацией обеда стал торжественный въезд на середину зала истошно тарахтящего и плюющего сизым дымом грузового мотоцикла, за которым, небрежно покручивая педали и посматривая свысока на абсолютно равнодушных к этому зрелищу посетителей, проследовал велосипедист. Но кухня при этом не стала менее вкусной, да и цены оказались вполне сносными, так что Ли Мао, взваливший на себя тяжкое бремя банкира, экспедитора и переводчика, мог быть доволен. Расстаемся с Чжан Юнго по-дружески и, надеюсь, не навсегда.

Над городом громоздятся тяжелые, свинцовые облака, грозящие разразиться дождем. Прячусь от непогоды под крышей библиотеки. Старая, беззубая хранительница отдела древних рукописей посматривает на меня недоверчиво, но обрушенный на нее Ли Мао поток красноречия, и, как мне кажется, особенно выделяемая им наша даньвэй — Фуданьский университет, возымели свое действие, и доступ к каталогам, а потом и к фондам был открыт. Нахожу нужные историко-географические описания, за чтение каждого из которых приходится выложить по юаню. Таковы правила. Мне-то это вполне по карману, но каково студентам, занимающимся древней историей? Юань для студента — дневное пропитание! Но правила есть правила, и им надобно подчиняться, какими бы странными они ни казались.

Что-что, а в китайских библиотеках не переработаете: ровно в пять тридцать отдел закрывается, и нам приходится уходить. Недалеко от библиотеки, на северо-западной окраине Гуйяна раскинулся на холмах парк Цяньлин. Название, если я его правильно понял, несколько мрачноватое — «Души умерших Гуйчжоу», но сам парк для Китая не совсем обычен. Площадь его — свыше 300 га. Огромные вековые деревья — такого скопления лесных исполинов видеть мне в Китае еще не доводилось — покрывают склоны холмов. В лесу, как утверждают справочники, произрастает более 1500 видов деревьев и кустарников, свыше тысячи видов лекарственных растений, водится более 50 видов птиц и несколько десятков видов обезьян. О достоверности этих сведений судить не берусь, поскольку нам из всей

обитающей в парке живности попался навстречу лишь один беспардонно облаявший нас самодовольный пес.

Крутая, извилистая — она так и называется: «Цзюцюй-цзин» («Извилистая тропа») — дорожка ведет на вершину пика Сянван — Царя слонов. У ее начала на неприметном сером камне не очень скромная надпись: «Самая прекрасная гора в Поднебесной». На пути — причудливые камни, яркие, видимо недавно подновленные беседки; в двух местах на скале начертаны огромные, в рост человека, иероглифы «фо» — Будда.

На ровной площадке перед последним подъемом на вершину краснеют свежыкрашенные стены Хунфусы — буддийского Храма бескрайнего счастья. У него давняя история. Впервые на этом месте храм построил монах Чи Сун в 1672 г. Потом сооружение неоднократно реконструировалось, в последний раз, судя по его сияющему виду, совсем недавно. Но побывать в нем нам не суждено: идет седьмой час вечера, на город постепенно опускаются сумерки, и ворота уже закрыты для посетителей. Вряд ли здесь можно было увидеть что-то экстраординарное, но все равно немного жаль.

За храмом на небольшом возвышении строгий ряд каменных ступ — надгробий на могилах настоятелей храма. Пройдя мимо этих могил, выходим на скользкую тропу, ведущую к вершине. Отсюда, от расположенной на самой макушке горы беседки, словно плывущей на 230-метровой высоте над городом, Гуйян как на ладони. Сумрачно. Окольцованный чередой подернутых полупрозрачным занавесом гор, город тонет в сероватой дымке. На переднем плане сквозь хаотичное нагромождение старых кварталов блеклыми пятнами проступают прямоугольники пятиэтажек, но дальше все сливается в сплошную темную массу. И все же смотрится город очень современно.

Спускаемся вниз по широкой асфальтированной дороге, бегущей от подножия горы и упирающейся прямо в ворота Хунфусы. Между деревьями просвечивает водная гладь озера Цяньлин, крупного водоема, обустроенного дамбами и неизменными беседками. Другая достопримечательность парка — пещера Единорога (Циньлиндун) закрыта на ремонт. В парке относительно многолюдно. Прогуливаются, сидят на скамейках, разговаривают, просто отдыхают.

Для меня парк Цяньлин стал еще одним доводом в пользу того, что Гуйчжоу, которая издавна считается самой бедной провинцией в Поднебесной, т.е. в Китае, в то же время и самая прекрасная из его территорий. Лес, неизвестно как сохранившийся в жестокие годы «большого скачка», настоящий

простор и размах — такого в задавленных многочисленным населением центральных и южных провинциях не встретишь.

А во вторник, 23 апреля, наконец-то выглянуло дорогое гуйяньское солнце. На 9 утра у нас была назначена встреча в Педагогическом университете Гуйчжоу. Университет расположен в северо-восточной части города, и мы еще с вечера так спланировали маршрут, чтобы пройти туда незнакомыми улицами, обязательно заглянув в одну из главных достопримечательностей Гуйяня — Цзясюлоу (Самую совершенную башню).

Мимо парка «Хэбинь», возле которого завтракаем аппетитными ютяо и соевым молоком, по Южной окружной дороге выходим к Наньминхэ, неширокой, мелководной, обнажившей грязно-желтые отмели, медленно несущей грязноватые воды, но по-солидному одетой в камень реке Южного света. На обоих ее берегах, тесно прижавшись друг к другу, грудятся двух-трехэтажные дома — воплощение свободной архитектуры и не обремененной жесткими градостроительными нормами планировки. Далее путь лежит мимо Народной площади, над которой возвышается тянувший вдаль руку Мао Цзэдун, по узкой и тесной улице Полета стрелы к мосту Наньмин и стоящей посреди реки незамысловатой по конструкции, но притягивающей взор гармоничностью, строгостью и изяществом линий Цзясюлоу. В матовом, чуть дрожащем воздухе раннего утра контуры башни теряют четкие очертания, что придает ей немного загадочный и таинственный вид.

В стародавние времена посреди тогда еще бурной и широкой реки на южной окраине Гуйяня высился камень, формой своей похожий на гигантскую морскую черепаху. Люди его так и называли — «черепаха-камень». В 1597 г. генерал-губернатор Цзян Дунчжи построил на этом месте дамбу, чтобы соединить берега, а на дамбе — башню для занятия геомантией. Тогда и называли ее «Самой совершенной». В XVII в. башня дважды сгорала в пожарах и дважды восстанавливалась (последний раз в 1689 г.). Уже тогда ее словно летящая ввысь строгая черепичная кровля, резные балки и стропила вызывали восторг и восхищение современников. Во второй половине XVIII, конце XIX и начале XX в. башня достраивалась и реконструировалась, но свой первоначальный вид сохранила почти полностью. Мост, который соединяет ее с северным берегом реки, называется Мостом радуги; на насыпной дамбе на южном берегу стоит храм, носящий то же название, что и храм на горе Сянван, — Хунфусы. Правда, судьба у них несхожа: если во

втором после реставрации продолжаются богослужения и толпятся туристы и паломники, то полноправными хозяевами храма на берегу Наньминхэ стали дети. Над его входом надпись: «Начальная школа Цзясюлоу».

Перед башней возвышаются два круглых трехметровых столба, испещренных надписями. Они имеют самое непосредственное отношение к истории борьбы некитайских народностей Гуйчжоу против поработителей. Один из столбов установлен в 1732 г. в честь «заслуг» генерал-губернатора Юньнани и Гуйчжоу О Эртая, жестоко подавившего сопротивление мяо в Гуйчжоу, другой — в 1797 г. в честь аналогичных деяний душиателя восстания буи Лэ Бао. Внутри башни много стихотворных надписей, среди которых наиболее известна «длинная парная надпись» из 174 иероглифов, составленная гуйчжоуским наместником Лю Юньляном во второй половине XIX в. По своей структуре и содержанию (с одной стороны — описание неповторимых пейзажей Гуйчжоу, с другой — история провинции и ее отношений с собственно Китаем) она перекликается с известнейшей надписью в Дагуаньлоу. Две архитектурные жемчужины Юго-Западного Китая, два памятника эстетической культуры. Непрерывность китайской традиции и взаимопроникновение соседствующих в регионе самобытных культур — чем не материал для исследователя?

Однако в столь ранний час башня закрыта, и мы отправляемся на поиски ближайшей автобусной остановки. Прохожих становится все больше, много молодежи, часто встречаются парни в строгих, хорошо сидящих европейских костюмах, подобранных в тон рубашке галстукам, а также девушки, пусть не всегда с утонченным вкусом, но модно одетые и — для меня это весьма неожиданно — с модельными прическами. Приходит в голову парадоксальная мысль о том, что модные прически можно считать фирменным знаком города. Еще в воскресенье мне бросилось в глаза обилие парикмахерских. Но то в воскресенье, а модные прически ранним утром в будни... Нет, у Гуйяна определенно есть свое лицо и свой характер, производные от беспокойной, бурной, но героической судьбы населяющих его народов.

Ровно в девять оказываемся у ворот Педагогического университета, где нас уже поджидают Се и преподаватель русского языка Чжан. Правда, последний до поры до времени скромно умалчивает о своих знаниях, и мы продолжаем говорить по-китайски.

Педагогический университет Гуйчжоу невелик — пять факультетов и 3 тыс. студентов. Прежде он именовался

Педагогическим институтом, но недавно получил более высокий статус университета — и ныне быстро развивается. Ведется строительство новых корпусов, планируется открытие новых факультетов и исследовательских центров, в том числе по изучению истории династии Цин, прием иностранных стажеров и привлечение преподавателей из-за рубежа. Но при этом бережно сохраняются давние традиции: время начала и окончания занятий отбивает старый звонкий колокол.

Многие преподаватели живут на территории университета в новых пятиэтажных корпусах. Здесь же — детский сад, школа. Гуйчжоускими властями созданы хорошие условия для эффективного и плодотворного труда преподавателей и ученых, что открывает благоприятные перспективы для превращения вуза в один из центров науки, культуры и образования на Юго-Западе.

Серое, без вывесок здание. Только очутившись на втором этаже в просторной, уставленной мягкими диванами и невысокими, тяжеловесными журнальными столиками комнате, догадываюсь, что мы попали в гостевую. На выкрашенных в мягкие голубые тона стенах развешаны картины и каллиграфические надписи. На столиках приготовлены пестрые кружки для чая.

Моложавый, излучающий неумемную энергию Хэ Чжанфэн долго трясет мою руку, обрушивая на меня поток вежливых, церемониальных приветствий, вручает мне подготовленную заранее пачку книг и журналов и сразу берется за дело. Пропагандистский опыт проф. Хэ — десять лет работы в отделе пропаганды провинциального парткома не прошли для него бесследно — проявляется в напоре, страстности, увлеченности, с которыми он делится со мной знаниями и концепциями о восстаниях в Гуйчжоу в середине XIX в. Остается лишь изредка, отдельными вопросами направлять поток его красноречия в нужное мне русло. Ли Мао на этот раз оставил нас наедине, видимо понадеявшись на мои резко возросшие за неделю лингвистические познания, и напрасно. Хэ Чжанфэн говорит с сильнейшим сычуаньским акцентом. Может, он не столь коварен, как акцент мяо, но так же отличен от пекинского диалекта, как от гуйчжоуского. Что делать, уповаю на свое знание ситуации, происходящую на глазах адаптацию к новому диалекту и веру, что в Сычуани будет полегче. Но общий язык мы, конечно, нашли, да и могло ли быть иначе (рис. 42)?

Официальная часть не слишком затянулась. Выходим на воздух, фотографируемся, гуляем по зеленой, похожей больше на ботанический сад, чем на университет, территории. Чжан и

присоединившийся к нам Ма — довольно свободно, и это при длительном отсутствии практики, говорящий по-русски преподаватель — приводят нас на Иностранский факультет. Приводят потому, что здесь преподается русский, правда пока только в качестве второго языка. «Но не за горами то время, — убеждает Чжан, — когда он будет изучаться как основной. Возможно, даже в этом году. По крайней мере мы на это надеемся». А о том, что к изучению русского языка в Педагогическом университете Гуйчжоу подходят со всей серьезностью, говорит вроде обычный, да с секретом телевизор, который мне демонстрируют с чувством настоящей гордости. Этот телевизор через специальную антенну, чашка которой смотрит в небо тут же, за окном, принимает программы московского телевидения. Всего 7 тыс. юаней — и программу «Время» смотрят в далекой Гуйчжоу, изучают по ней русский язык и получают свежайшую информацию о Советском Союзе. Тут уж нельзя не почувствовать досаду за уровень технического оснащения наших аудиторий: все технические средства обучения, сколь громогласно мы о них ни твердим, начинаются и кончаются простейшим магнитофоном. О видеомагнитофонах, телевизорах в классах только мечтаем, о просмотре китайских телепередач даже не помышляем. Пекинское телевидение — это уже из области фантастики.

Прекрасным был обед в университетской столовой, но главное — живой и свободный разговор. Снова и снова хочется говорить об этом: как здорово, что старшее поколение китайцев помнит и ценит 50-е годы! И вот из современности мостик перебрасывается в прошлое, к воспоминаниям о советских учителях и специалистах, работавших в Китае. Хэ Чжанфэн оказывается неплохим знатоком русской литературы. Уверения о необходимости новых встреч, переписки, развитию научного обмена были искренними. Нас провожают до самых ворот, и прощание было удивительно теплым.

Жарко, и как хорошо, что Окружная северная улица усажена тенистыми деревьями. Дети кричат: «Вайгожэнь», прохожие провожают взглядами. Голова гудит от четырехчасового напряжения. А в библиотеке ждут незавершенная работа и отложенные для ксерокопирования статьи. Хорошо, что всю техническую сторону взял на себя Ли Мао. Быстро все организует и уходит за билетами на автобус.

Знакомыми кварталами возвращаюсь в гостиницу. Ужин, упорядочение отснятого за день материала, разговоры с Ли Мао. Разговоры обо всем: китайской кухне, методике

преподавания языка, космосе, Восточном факультете, детях, планах на будущее. Мой китайский прогрессирует на глазах, а ведь сегодня завершилась лишь первая неделя путешествия. Вот что значит непрерывное и неформальное общение. Интересно только, с каким акцентом я говорю сегодня и с каким заговорю через три недели?

В краю пещер и водопадов

Сложное ли дело — отправить по почте накопившиеся за неделю книги? С выяснения этого вопроса начинается последний день в Гуйяне, вновь пасмурный и хмурый, изредка прыскающий с неба мелкими каплями дождя. Городской почтамт отыскать нетрудно, а все остальное в ваших руках: найдите плотную бумагу (лучше, если приобретете ее где-нибудь в центре и желательно заранее), искусно работая ножницами и клеем, оберните книги, прилепите марки, которые благосклонно выдаст вам приемщица, уплатите ей деньги — и посылка готова. Главное — смекалка и инициатива. Благодаря Ли Мао мы проделали сей технологический процесс за полчаса и, облегченно вздохнув, двинулись в обратный путь.

По дороге заглядываем в парк Хэбинь (Берег реки), возле которого расположена столь полюбившаяся мне точка общепита, прогуливаемся по аллеям, спускаемся к набережной Наньминхэ. Парк еще пустынен, и лишь группа шумливых школьников, ведомая учителем, что-то бурно обсуждает у парапета, да на газонах расположились возле брошенных на траву велосипедов углубленные в чтение студенты.

В 11.30 мы уже на автостанции, обычном пригородном автовокзале. Здесь шумно и многолюдно. В условиях сложного гуйчжоуского рельефа главным средством сообщения остается автомобильный транспорт. К перрону непрерывно подруливают автобусы, отправляющиеся в самые отдаленные уголки провинции, за сотни километров от провинциального центра. Максимально упрощенный вариант «Гуйчжоу», очень похожий на ЛИАЗ городского исполнения, в мгновение ока заполняют пожилые, с обветренными, морщинистыми лицами крестьяне, по-деревенски одетые круглолицые девушки, облаченные в джинсы элегантные молодые люди... Да мало ли кто и куда едет в этом мире всеобщих перемещений, в который превратился сейчас Китай! На закрепленный на крыше багажник водружаются огромные мешки, баулы, ящики, корзины, велосипеды; все это увязывается, тщательно укутывается брезентом — и в путь.

Мое место оказывается первым, наискось от водителя, рядом с дребезжащим, скоро разогревшимся и источающим жар кожухом мотора. В пути этот не первой молодости двигатель несколько раз начинает простуженно фыркать, чихать, после чего глохнет, и наш водитель, привычно и беззлобно поругивая грязный бензин и несовершенную конструкцию бензонасоса, откидывает кожух, вынимает фильтр и сдувает с него пышные лохмотья прямо на пол. Уберечь свою сумку мне не удастся, и к концу поездки она устойчиво пропахла бензином.

Несмотря на эти остановки, автобус бежит довольно быстро. Проплывают по сторонам голые вершины покатых, похожих на игрушечные пирамиды холмов. С шумом и грохотом проносимся по улицам запыленных деревень. Дома из дикого камня или глины, изредка из дерева. Крыши уложены крупными пластами слюды. На створках некрашенных дверей наклеены блеклые, выгоревшие и полинявшие под дождями и солнцем, но не потерявшие своей воинственности изображения духов дверей, охраняющих жилища селян от всякой нечистой силы. За порогом — насколько удастся разглядеть из автобуса — темнота, в которой угадывается земляной пол и почти полное отсутствие мебели. На улицах хозяйничают чумазые ребяташки. И на этом унылом фоне то там, то здесь вспыхивают фигуры женщин в ярко-зеленых, но чаще ультрамариновых, ослепительно голубых, по-праздничному нарядных и веселых халатах. Нетрудно угадать в них национальные одежды, но какой из многочисленных народностей Гуйчжоу они принадлежат?

В 14.50 мы в Аньшунь. Высаживаемся у почтамта, на грязной, ухабистой улице, ведущей к вокзалу. Как выяснил Ли Мао, это самый центр города. Пока он связывается по телефону с местными властями, я разглядываю громыхающие мимо повозки, груженые досками, панелями и прочим строительным материалом и запряженные низкорослыми лошадками. Молодцеватые возницы правят стоя, умудряясь сохранять равновесие на подпрыгивающем под ногами дощатом настиле. Наконец появляется улыбающийся Ли Мао с радостной вестью: гостиница недалеко, от машины он отказался, и мы, не обремененные багажом, сможем прогуляться до нее пешком. Наученный горьким опытом Тунжэни и Гуйяна, Ли Мао встал на путь максимальной экономии средств и не рискнул еще раз положиться на разорительное для нас гостеприимство хозяев. Он прав: еще неизвестно, какие сюрпризы ожидают нас завтра.

Финансовые проблемы доставляют моему провожатому подлинное мучение. С одной стороны, обязанный следовать утвержденному плану, искренне стремящийся удовлетворить мои запросы, он вынужден делить со мной пополам все путевые расходы; с другой — скован необходимостью беречь университетские деньги и свои собственные. Питание ему оплачивается из расчета потребностей рядового китайца, а наши обеды намного превосходят возможности университетской казны. Я не могу не учитывать его интересы и возможности, так что порой приходится жертвовать некоторыми удобствами (без особого, впрочем, об этом сожаления) ради сохранения тех дружеских отношений, которые сложились у нас с первого дня пути.

Получасовая прогулка по лабиринту кривых, огражденных бетонными заборами, заставленных серыми домишками, лишенных зеленого убранства улочек Аньшуня, да еще под вынырнувшим из-за туч ярким и знойным солнцем с каждым шагом доставляла мне все меньше удовольствия, и город уже начал казаться скучным и совсем заурядным, но по мере приближения к конечной цели нашего пути представления мои об Аньшуня стали резко меняться.

Гостиница «Хуншань» («Радужная гора») — единственная в Аньшуня, где дозволено останавливаться на ночлег пока еще редким в этих краях иностранцам, — стоит на возвышенности. Она не отличается ни величиной, ни изысканностью, да и что можно ожидать от небольшого провинциального городка, в который только в будущем предполагается массовый наплыв туристов. Но широкие ворота гостиницы, увенчанные видовой площадкой, выходят на изумительное по красоте озеро. Цепочка типично западно-гуанчжоуских холмов, на расстоянии похожих на угольные терриконы, муравейники или творения увлекшегося песочными играми великовозрастного шалуна, отделяет темно-синие, чуть покрытые рябью воды от мчащихся по красочно-голубому небосклону облаков. На западном берегу просматриваются контуры беседок и павильонов, на южном, полого спускающемся к воде ступеньками широкой лестницы, расположились десятки людей. Несколько храбрецов плещется в желтоватой воде, но подавляющая часть просто наслаждается покоем: сидят, переговариваются, смотрят в воду. Загорающих не видно: в Китае сознательно обжигать себя солнцем как-то не принято.

Совершенно новый, «с иголочки», трехэтажный корпус для иностранцев практически пуст. Производимая Ли Мао утряска финансовых вопросов (кажется, он уже поднабрался

необходимого опыта и ведет себя как опытнейший администратор) сопровождается сложными перемещениями с первого этажа на третий и обратно. В конце концов оседаем в трехместном номере с мягчайшими кроватями, ванной и телефоном. Мучительно думаю, кому бы позвонить...

Ужинаем в большой столовой, двери которой распахиваются по истошно и долго сотрясающему воздух звонку. За большими круглыми столами масса народа: то ли туристы, то ли участники очередного совещания, которые, как мне показалось, в Китае любят проводить в местах поуютней и поживописней. А вот и группа «соотечественников», как их называют в КНР, — туристов с Тайваня или из Гонконга. Разница невелика, а определить их нетрудно по одежде. В Китае так почти не одеваются.

До того, как стемнело, спускаюсь к подножию холма в район, показавшийся мне сверху старым городом. Изгибающиеся под немыслимыми углами, заставленные нескончаемой чередой грязно-серых, потемневших от копоти и времени двухэтажных домиков улицы спутали мне все карты. Теряю ориентиры: нужного переулка, сворачивающего направо, все нет и нет, и я впервые чувствую, что пройти так, как мне хотелось бы, не смогу, что есть шанс заблудиться, а в незнакомом городе в преддверии темноты эта перспектива не кажется заманчивой. Поневоле ускоряю шаг, и прохожие, и так озирающиеся на неизвестно зачем забредшего сюда иностранца, провожают меня долгими удивленными взглядами. Для меня в удивление — большое число низкорослых лошадок, позвякивающих висящими на шеях бубенчиками, да синие и зеленые халаты женщин.

В конце концов делаю большой крюк и уже в полумраке выхожу к гостинице с противоположной стороны. До того как горячая вода в кране превратилась в чуть теплую, успеваю принять блаженную после недельных передрыг ванну и окунуться в бездонные недра чистой постели.

Следующий день был трудным, но исключительно интересным. Пасмурно, небо затянуто низкими, тяжелыми тучами, которые принято называть свинцовыми. Природа приобрела мрачный, угрожающий вид.

После завтрака втискиваемся в красненький «Полонез», неизвестно какими судьбами очутившийся в этой глуши. Нас пожелал сопровождать начальник иностранного отдела народного правительства Аньшунь тов. Сюй, энергичный, контактный, все время сохраняющий на лице дружелюбную улыбку человек лет 45—50, северянин, оказавшийся в конце

50-х годов в Гуйчжоу и навсегда связавший свою судьбу с этим удивительным краем.

Сегодняшняя цель — знакомство с природой, естественными условиями юго-западной Гуйчжоу, района весьма специфичного и своеобразного даже для этой провинции, своеобразного по рельефу, климату, этническому составу населения. Аборигенами здешних мест являются мяо. В Аньшунь их проживает несколько групп, отличающихся бытом, обычаями, одеждой не только от мяо восточной Гуйчжоу, но и друг от друга. Буи появились в этом районе, как утверждает традиция, около шести веков назад из пров. Цзянси, но сегодня они составляют значительную часть населения административного района Аньшунь. Большая часть мяо и буи проживает в автономном уезде мяо и буи Чжэньнин, но отдельные селения разбросаны по всей Аньшунь.

«Иностранцы» юго-западной Гуйчжоу на протяжении веков страдали от гнета китайских и собственных феодалов, притеснений китайских солдат и чиновников, от беззастенчиво вторгавшихся в их владения китайских переселенцев, страдали ничуть не меньше, чем их тунжэньские соплеменники. И боролись столь же активно. Восставшие в 1797 г. мяо и буи области Наньлун (ныне уезд Синьи) доставили немало хлопот цинским сановникам, хотя тогда пламя восстаний еще не добралось до Аньшунь. А вот в 1855—1873 гг. события происходили здесь довольно бурные. Десятки восстаний, сотни боев, дерзкие операции отрядов тайпинских генералов — посланцев далекого Государства небесного благоденствия — оставили и на земле Аньшунь, и в памяти ее жителей немало следов.

Узкая лента асфальтированного шоссе петляет по изумрудной долине, усыпанной бесконечной чередой каменистых, лишь кое-где покрытых редкой растительностью, унылых и безрадостных круч. В этом сочетании тучных равнин и бесплодных холмов явственно чудится какая-то противоестественная дисгармония. Неужто и было так испокон веков? Делюсь своими соображениями с товарищем Сюем и получаю исчерпывающее, но горькое объяснение. До 1958 г. все эти ныне голые вершины, за исключением разве что отдельных скал, были покрыты густыми лесами. «Малая металлургия» «большого скачка» съела их почти подчистую. Даже вокруг деревень буи, где власти, опасаясь вспышек национальной розни — а в те годы отношения между народностями страны были подобны натянутой струне, — запрещали сплошные рубки, леса все равно выводились

под корень. Какими лесопосадками восполнить эту бездумную затею? Безмерные амбиции в сочетании с экономической безграмотностью и экологической некомпетентностью крайне опасны. И расплачиваться за все придется потомкам.

На ходу проскакиваем Чжэньнин — центр автономного уезда мяо и буи. Небольшой уездный городок, окруженный зеленью полей и огородов. Признаюсь, ожидал большего, думал о следах старины, свидетельствах бурного прошлого... Сто с небольшим лет назад вокруг Чжэньнина полыхали ожесточенные бои. Только с июня по октябрь 1866 г. мяо и буи трижды захватывали город и трижды оставляли его. Трудно сказать, что осталось от того, прежнего города, но сегодня, как меня уверяют, следов тех событий не найти. А жаль.

Нынешний Чжэньнин — сплошь каменный и одноэтажный, осовремененный асфальтированными улицами и несколькими двух-трехэтажными, по виду административными зданиями, стены которых украшают размытые дождями и растрепанные ветром обрывки лозунгов и объявлений. Над входом в одно из таких зданий — лепные иероглифы очень популярного ныне содержания: «Служить народу». В общем, Чжэньнин не производит впечатления. Но и в нем, и в похожих одна на другую деревушках попадаетея на глаза немало женщин в уже не раз упоминавшихся мной ярких одеяниях. Теперь-то можно выяснить их происхождение у сопровождающих нас компетентных лиц, и тов. Сюй с определенной гордостью поясняет, что женщины эти не буи, не мяо или представительницы какой-либо другой малой народности Гуйчжоу, в чем я был уверен на все сто процентов, а китаянки. Аньшунь — единственная в Китае область, где по сей день в ходу давно забытые в других районах национальные одежды ханьцев. Их покрой и стиль унаследованы от костюма XV—XVI вв., когда в Гуйчжоу двинулся массовый поток переселенцев из Центрального Китая, навсегда осевших на землях презираемых ими «варваров».

Километров через пять за Чжэньнином сворачиваем на проселочную дорогу, ведущую в Пяньданьшань. Еще немного — и перед нами открывается неширокая долина, полуохваченная длинным, вздымающимся к небу хребтом. Это и есть Пяньданьшань — район проживания народности буи.

Пяньданьшань в переводе с китайского означает «Горакоромысло». Сюй с удовольствием и некоторой картинностью — тут уж я начинаю догадываться, что попал на обкатываемый ныне туристский маршрут, — рассказывает,

что происхождением своим название обязано невысокому, около 30 м высотой, и относительно узкому, всего 20 м в ширину, холму, протянувшемуся посреди долины почти на километр. Нитка каменного хребта словно бы делит его пополам, а на двух оконечностях холма высятся небольшие, покрытые лесом сопки. У подножия каждой из сопок приютилась деревня буй. В этой природной композиции чей-то наблюдательный глаз уловил сходство с обыденной крестьянской утварью — коромыслом.

С давних времен Гора-коромысло была ареной празднеств буй. Самое торжественное из них устраивалось с первого по пятнадцатый день первого месяца по сельскохозяйственному календарю. Юноши из ближних и дальних селений состязались в умении владеть оружием и скачках, девушки — в пении и танцах, а потом разгоралось веселье при свете звезд и многочисленных костров.

В долину мы не углубляемся. Как бы мне ни хотелось посмотреть здешнюю глубинку, но программа моего пребывания в Аньшунь уже разработана и утверждена, и проще приехать сюда во второй раз, чем добиться ее изменения. Так что я не привередничаю, тем более что перед моими глазами раскрывается удивительная картина. Над буйной порослью трав, над сочной зеленью полей плывет невысокий, метров тридцати от подножия до макушки, холм, почти до самой своей вершины облепленный аккуратными, беленькими, словно игрушечными домиками. Холм зовется «каменным», и селение тоже «каменное» — Шитоучжай (Каменная деревня). Трудно понять, что от чего произошло, поскольку повсюду царствует камень (рис. 44), но то, что мы приехали в подлинную, для посторонних посетителей еще не причесанную, хотя уже и испробовавшую горький привкус цивилизации деревню, — это несомненно.

Машина останавливается у кромки холма, на краю, если у круглой сопки может быть край, *чжая*. Вдоль дороги переливается и искрится под лучами солнца мелкая, неширокая и очень прозрачная Байшуй. Свое название — Чистая вода — река с достоинством оправдывает. Сюй отправляется на поиски начальства, а мы становимся объектом изучения со стороны быстро стекающегося населения. В основном это вездесущие мальчишки, вместе со звонком высыпающие из виднеющейся неподалеку школы. От прочих домов школа отличается своими размерами — в ней как-никак два этажа — и развевающимся над крышей красным флагом. Мальчишек десятка три-четыре. Они быстро оккупируют сложенные на берегу штабеля отесанного камня (рис. 46),

груды приготовленных к обработке грубых обломков, оживленно переговариваются, толкаются, показывают пальцами, изучают меня и машину, и машина кажется им предметом куда более интересным, чем моя скромная персона.

С возвращением Сюя представление оканчивается. Его сопровождает невысокий крепыш с загрубелыми руками и застывшей на бронзовом лице полуофициальной улыбкой, за которой, однако, проглядывает и чувство собственного достоинства, и готовность оказать посильную помощь. У Цигуй является старостой деревни. Он и показывает нам каменный мир, в котором родились и выросли он сам, его предки и предки его предков.

Каменный чжай больше похож на крепость, чем на мирную земледельческую деревню. Собственно, термин «чжай» прилагался прежде к селениям Юго-Западного Китая, чаще всего «инородческим», обнесенным стеной и становившимся в силу этого укрепленными пунктами. Рельеф, строительный материал, чреватые многими неожиданностями условия жизни буи, как и других аборигенов Юго-Запада, диктовали выбор планировки и архитектуры. Повсюду господствует камень, слегка обработанный или просто аккуратно уложенный в стены, заборы, узкие, насыщенные поворотами и тупиками переходы. Каждый из домов сам по себе крепость, оштетинившаяся маленькими бойницами незастекленных окон. Крутой склон, по которому карабкается деревня, позволяет строить жилища двухэтажными. Первый, полуподвальный, зарывающийся задней стенкой в гору этаж отводится под хозяйственные нужды: скот, сено, инвентарь. Второй — жилой. Перед некоторыми домами — крохотные дворики, окруженные высокими каменными изгородями. Но у большинства двери выходят прямо на улицу. Сложенные из крупных каменных блоков ступеньки, число которых зависит от крутизны склона, ведут к массивным сводчатым входам. Лишь кое-где над крышами раскинулись зеленые кроны деревьев, а так чжай открыт и солнцу и ветру.

Дом, на который специально указывает У Цигуй, несколько отличается от других построек. Он, как и соседние жилища, сложен из обтесанных каменных блоков, но верхняя часть фасада сделана из дерева. В окружающем нас торжестве мощного, тяжеловесного стиля легкая и тонкая стенка кажется бутафорской декорацией. Это впечатление усиливается наклеенными слева и справа от входа полосками розовой, уже выцветшей под солнцем бумаги со «счастливыми» надписями и аляповатыми картинками духов-охранителей на створках дверей.

«Здесь жил У Хуаньлинь, организатор и руководитель восстания 1860 г. А сейчас живут его потомки», — сообщает У Цигуй. Вот и живая история.

Жителей навстречу попадаетея немного, и все заняты делом. В основном это женщины с вязанками хвороста, наполненными навозом деревянными бадьями да измазавшиеся в царящей повсюду грязи дети. Тут же на высоком пороге, маясь от безделья, вальяжно развалился парень в малиновой футболке. Из-за дверей выглядывают две милovidные девушки, моментально исчезающие при виде нацеленного объектива.

Плутая по каменным лабиринтам, вновь выходим на окраину чжая, к подножию холма, к границе деревенских угодий. В десятке шагов от нас, с трудом вытягивая ноги из топкой грязи огороженного межами клочка земли, понукает инфантильного буйвола мальчишка лет двенадцати. И дальше на полях повсюду буйволы и люди (рис. 45).

У Цигуй приглашает в дом, в свое новое жилище, построенное несколько лет назад взамен старого, брошенного на самой вершине холма. «Люди потихоньку спускаются к земле, — объясняет он. — А дома... дома строим такие же, что и столетия назад. Из того же материала, поскольку другого нет, и той же конструкции».

Глаза не сразу привыкают к царящему в его доме полумраку, но постепенно осваиваюсь и начинаю оглядываться. Нештукатуренные каменные стены, оклеенные газетами вместо обоев деревянные перегородки, утрамбованный земляной пол. В углу гостиной — мне кажется, комната служит именно этим целям — стоят заляпанные грязью мотыги. С позволения хозяина заглядываю в соседнюю комнату, по обстановке похожую на кухню. Маленький очаг, небольшая горка посуды и полное отсутствие мебели. Ни электричества, ни радио, не говоря уже о телевизоре.

От чая и сигарет, которые без особой точности, роняя добрую половину на пол, разбрасывает гостям хозяин, удается отказаться. Приличия и этикет, как мне кажется, были при этом соблюдены, что дает мне основания немного расспросить старосту об истории и нынешнем состоянии деревни.

Чжай Шитоу возник более 600 лет назад. Построили его буи, переселившиеся в Чжэньнин из пров. Цзянси. Сейчас население чжая составляет свыше тысячи человек, причем все они носят одну фамилию — У. Семейная патронимия в деревне продолжает соблюдаться довольно строго. Буи из других мест, даже из расположенной на противоположном

берегу Байшуй всего в полтора километрах от Шитоу деревни Пяньпо (все ее жители носят фамилию Вэй), не могут поселиться в Каменном чжае. В то же время обитатели последнего, уезжая на учебу или работу в другие места, на старости лет обязательно возвращаются на родину.

Во время нашего разговора в комнату заходит еще несколько мужчин, родственников и друзей хозяина. Они прямо с поля: их руки, лица, одежда забрызганы мелкими каплями свежей грязи. Просовывает в дверной проем любопытную морду собака, из смежной комнаты, стесняясь непривычного многолюдия, робко, бочком проскальзывает к выходу курица. Потом беседа прерывается плачем за перегородкой. Откуда-то сверху, с деревянных полатей У Цигуй бережно снимает трехлетнего карапуза, ставит его на пол, и тот невозмутимо, так, как и был, босиком шлепает на улицу.

Не без гордости ведет нас У Цигуй в свою спальню, но не ради широкой кровати, занимающей больше половины комнаты, а чтобы показать разложенные на ней специально для гостя *лала* — национальные костюмы буи. До сих пор все детали одежды — от ткани до узоров, окаймляющих обшлага и отвороты, — делаются вручную, древними, испытанными способами. Девочек начинают обучать искусству ткачества, прядения, шитья с восьми—десяти лет, и к своему совершеннолетию они уже должны уметь приготовить свой свадебный наряд.

Ну, а пока мы изучали жилище, сопровождавший нас Сюй использовал появившееся у него время для устройства своих дел, успев закупить у старосты деревни партию продукции местных промыслов: раскрашенных национальными узорами фартуков и носовых платков. Вырученные за них сто юаней станут неплохим подспорьем для жителей деревни. У туристов эта «экзотика» идет нарасхват. Без сомнения, в том, что в последние годы в Каменном чжае стали жить заметно лучше — так уверял меня У Цигуй, и я не имею оснований ему не верить, — заслуга не только новой сельскохозяйственной политики, но и развития иностранного туризма. Хотя, конечно, как далеко еще этой деревне и ее жителям до уровня жизни современной цивилизации!

Оставляем гостеприимный дом и узкими переходами, лестницами, петляя между шершавыми стенами, поднимаемся к заросшей травой и кустарником вершине. Домов здесь осталось совсем немного. Ниже по склону крытые большими плитками слоистого камня крыши сливаются в одну белую ребристую площадку.

Вниз спускаемся по боковой, почти нехоженной, крутой и обрывистой тропе, огибающей деревню по как бы скатывающейся к подножию холма околице, и вновь оказываемся у реки, у моста, возле которого с шумом и визгом барахтается в воде ватага школьников. На берегу в полнейшем беспорядке разбросаны одежда и холщовые школьные сумки.

Провожает нас значительно меньше людей, чем созерцало наше прибытие полтора часа назад. Иностранцы здесь бывают, хоть и редко. Современную жизнь буи им демонстрируют именно на примере Шитоу.

Проторенным путем возвращаемся на шоссе, и, словно встрепенувшийся при виде хорошей дороги конь, наш «Полонез» ускоряет свой бег. Под колесами мягко шуршит асфальт. По сторонам — кажется, этот пейзаж запечатлелся в моей памяти на долгие годы — поля и горы, горы и поля, два неизменных, всюду присутствующих элемента природы Юго-Западного Китая.

О приближении к следующему объекту нашей поездки можно догадаться по собравшейся на обочине кавалькаде машин и автобусов. Все явственнее слышится идущий откуда-то снизу глухой гул. Причина шума и цель паломничества многочисленных туристов обнаруживают себя неожиданно. Краем глаза улавливаю промелькнувшую среди на мгновение расступившегося кустарника белую полосу падающей воды. Крутой поворот, спуск — и мы у ворот аккуратного одноэтажного коттеджа, примостившегося почти на самом обрыве, на краю глубокого каньона, в который сыплет с противоположного берега свою бесконечную серебряную нить Байшуй. Перед нами водопад Хуангошу, самый большой в Китае и один из крупнейших в мире (рис. 10, 11).

Пока мои спутники приводят себя в порядок, пока готовится обед, я обследую территорию гостиницы в поисках наиболее удобной точки для съемки водопада. Хочется сделать единственный и неповторимый снимок... Но сколько их уже сделано... В лабиринте дорожек, закрываемые кустарником и цветочными клумбами, затаилось несколько маленьких домиков, предназначенных для желающих провести ночь над водопадом.

Погода разгулялась. Небо еще не совсем прояснилось, но солнце кинжальными лучами рассекает накалившуюся плену белых облаков. Становится жарко, и только легкий и свежий ветерок робко тревожит насыщенный влагой душный воздух.

Сверху водопад поражает не величию или высотой, не мощностью падающих с почти 70-метровой высоты струй, а гармонией контрастных, но в то же время прекрасно сочетаемых, словно специально подобранных цветов и деталей. Безжизненные горбатые сопки на заднем плане только подчеркивают фантастическую игру коричневого, голубого и зеленого оттенков, обрамляющих переплетающиеся между собой белые нити.

Хуангошу — одна из известнейших достопримечательностей Китая. Ширина его — 84 м, высота — 67 м, а если к этому присовокупить пятиметровый порог перед основным уступом и 17,7 м глубины водоема у его подножия, то «рост» великана увеличивается до 90 м. Зимой и весной, когда воды в Байшуй немного, она падает с вершины тремя—пятью струями, а в сезон дождей они сливаются в единый мощный и громогласный поток, голос которого слышен за добрые 5 км, а водяная пыль от него разлетается на десятки метров. Вот как описывал свои впечатления от водопада проезжавший мимо в 1687 г. китайский сановник:

«В дороге уже издали мы услышали шум, словно раскаты грома. Внезапно я увидел отвесную скалу, с которой в глубокий водоем падала вода. Брызги и пена, как облака и туман, расстилаются на несколько *ли*. Монахи говорят, что в водоеме на глубине 80 *чжанов* (около 270 м. — *В.Л.*) обитает двурогий носорог, и, если встать в русле реки над обрывом, его можно разглядеть сквозь толщу вод. Когда мы достигли монашеской хижины, в тот самый момент из-под земли забил фонтан. На радующей взор стене я написал: „В легком тумане бурлящей реки солнечных бликов игра, это место является самым прекрасным в Гуйчжоу”».

После обеда спускаемся в ущелье. Путь лежит через усаженный цветущими розами сквер, за вход в который (а иначе к водопаду не попасть) надо платить, и дальше по резко идущей вниз, словно ввинчивающейся в обрыв лестнице. На всех выгодных с точки зрения искусства фотографии точках дежурят фотографы, толпятся с камерами туристы. До дна каньона не добираемся. Надпись, предлагающая прогулку под водопадом, уводит нас с Ли Мао влево по узкой, вьющейся над обрывом тропинке к железной решетчатой калитке. Здесь также надо платить: 5 мао за билет — цена немалая, и далеко не каждый китаец может позволить себе удовольствие прогуляться за эту сумму по чреву ревущего исполина.

Стометровая, проточенная водой и подправленная человеческой рукой пещера прорезает скалу под водопадом на высоте около 40 м над поверхностью водоема. Мокрые, скользкие

ступени, по стенам сочится вода, с потолка летят крупные капли. Мрачное, зловещее подземелье, какие так любят авторы приключенческих фильмов. Трижды извилистый ход выводит на узкие площадки, окутанные завесой разлетающихся во все стороны брызг. Отсюда, из-под низвергающихся сверху пенистых струй, просматривается укутанная зеленью противоположная сторона ущелья: гостиница «Хуангошу», цветущий розарий, снующие вверх и вниз по лестницам и тропинкам маленькие фигурки.

Наконец с чувством облегчения выбираемся из неприютной сырости подземелья и спускаемся на дно ущелья. Несколько храбрецов плещутся в непосредственной близости от вонзающихся в воду струй. Жарко, температура в не продуваемой ветрами котловине поднимается градусов до 28. Разуваемся и по огромным, обточенным водой каменным плитам переходим вброд присмирившую реку, фотографируемся на фоне водопада. Вода кажется ласковой и достаточно теплой, что заставляет пожалеть об оставленных в гостинице купальных принадлежностях. Но как было предвидеть возможность купания у подножия крупнейшего в Китае водопада?

Уходить не хочется, но нас поджидают наверху, и приходится напрямь все свои размякшие в истоме мышцы, чтобы быстро преодолеть 70 м лестничных маршей. Прохладный ветерок, обдувающий наши разгоряченные тела наверху, быстро возвращает бодрость и энергию. Снова усаживаемся в раскаленную солнцем машину и продолжаем путь.

Прощаясь с Хуангошу, нелишне упомянуть, что этот подопад хотя и главная, но не единственная достопримечательность уезда Чжэньнин. Здесь, на высоте от 600 до 1 тыс. м над уровнем моря, на площади до 450 кв. км сконцентрирован настоящий музей природы, создававшийся на протяжении миллионов лет. Тектонические сдвиги, обильные субтропические дожди, вызывавшие многократную смену русла рек, появление множества бурных, недолго живущих, но деятельных ручьев и речушек самым причудливым образом изрезали и поверхность земли, и ее недра. Водопады, пороги, перекаты, водоемы, гроты, пещеры и, конечно, причудливые скалы и утесы являются неизменными спутниками протекающей через уезд Байшуйхэ.

Среди 18 образованных ею водопадов самый высокий — Гаотань (Высокий порог), его высота достигает 120 м. Самый широкий — Дупо (Отвесный склон): при высоте всего 23 м он протянулся на 105 м в ширину. Есть здесь и

Водопад-спираль (Лосытань), уступами падающий вниз и закручивающийся, словно винтовая лестница; есть водопад, вырывающийся прямо из скалы, из пещеры.

Девять из десяти вершин, находящихся в районе Хуангошу, пронизаны гротами и пещерами. Наиболее известна из них пещера Хоню (Огненный бык) с водоемом Пипа. *Пипа* — национальный китайский щипковый инструмент с очень своеобразным звучанием. Шум подземных ручьев, звон падающих на пол капель рождают своеобразные по тональности мелодии, очень напоминающие исполнение на пипа.

Пещера Гуаньинь известна своим огромным каменным грибом. Его высота — 2,8 м, диаметр — 4,8 м. Но самая привлекательная из пещер — Шуйлянь (Водяная завеса). Падающая вода словно тюлевая занавеска прикрывает вход. По стенам пещеры стекают ручейки, а проникающий сквозь водяную завесу малиновый свет закатного солнца создает неповторимую феерическую картину.

Но обычному туристу доступен пока лишь Хуангошу. Пока. Но при том внимании, которое уделяют сегодня в Китае туризму, через несколько лет, мне кажется, задействован будет весь комплекс этих замечательных природных образований.

Машина наша снова проскакивает Чжэньнин и вскоре сворачивает на восток, перебираясь на узкое гладкое шоссе. Сегодня, работая над книгой, я пытаюсь проследить наш путь по карте автомобильных дорог Гуйчжоу, но без особого результата. Нет на ней тоненьких ниточек, связывающих автомобильные артерии провинции с Шитоу, не найти на ней и этого шоссе, уверенно кружившего среди суровых и надменных гранитных круч. Редкие деревца, жидкий кустарник цепляются за веющие мертвенным холодом серые склоны. Солнце спряталось, и небо снова словно осело под тяжелыми тучами. Картина угнетающая. Но и здесь, если хорошо приглядеться, можно различить крохотные, втиснувшиеся в расщелины клочки обработанной земли.

Дорога выныривает в неширокую долину, огибает ее и, делая немислимые зигзаги и выверты, которые шофер наш преодолевает, почти не сбрасывая скорости и лишь громогласно оповещая рискующий попасть навстречу транспорт сигналами клаксона, устремляется вверх. За перевалом открывается удивительное зрелище: раскинувшееся под нами нагорье, напоминающее неровную, неправильной формы и конфигурации воронку, от самой низшей точки почти до макушек окаймляющих его гор изрезано уступами сотен, а может, и тысяч полей.

Выезжаем на тряскую, каменистую дорогу, строительство которой в самом разгаре. Прокладывается прямая трасса от Хуангошу до Пещеры дракона. Очень скоро две достопримечательности Аньшуня будут связаны воедино широкой и удобной дорогой. Укладывается толстая каменная подушка, засыпается щебнем, трамбуется — и все это вручную, без каких-либо машин и механизмов. Тачки, кирки, лопаты — вот и вся механизация.

У деревни буи Лунтань, что означает «Омут дракона», такое же, как у Хуангошу, столпотворение автобусов и машин, масса народа. Еще метров сто от стоянки проделываем пешком по пологой, еще не выровненной строителями дороге. Входными билетами к горе Облачной, в которой скрыта пещера, служат явно в местных краях, в уездной фотолаборатории отпечатанные фотографии пещеры и ее окрестностей.

Наверху сыро, пронизывающий ветер заставляет поежиться. В выемке, со всех сторон окруженной скалами, раскинулось небольшое озеро с мутно-зеленой, подернутой рябью водой. Две глубоко сидящие, набитые пассажирами желтые лодки медленно втягиваются под нависающие над противоположной кромкой своды. Даже издали видны начертанные на скале красные иероглифы «Лунгун» — Дворец дракона. Так именуется одна из самых любопытных пещер Китая.

В четыре часа, когда мы появляемся у озера, билеты проданы вплоть до шести часов. Энергичный Сюй прибегает к испытанному и исключительно действенному в Китае способу «хоумэнь» — с «черного хода», — и через несколько минут мы уже протискиваемся к лодке через плотно сгрудившуюся на pierсе, но даже не пытающуюся роптать толпу.

Гребец, он же одновременно и гид, буи из деревни Лунтань, потчует туристов бесхитростными и изрядно ему поднадоевшим рассказом об истории пещеры и ее освоении. «Жители деревни — туристам голосом вещает он, — многие века действительно считали, что в пещере обитает дракон, и боялись даже к ней приближаться. Подземное озеро образовалось недавно, после того как ниже по течению реки была построена электростанция. Тогда и проникли в пещеру люди. Для осмотра открыт лишь один из четырех ярусов протяженностью около 1 км, тогда как общая длина коридоров и переходов, по которым струится подземная река, достигает 4 км».

Лодка идет очень медленно. Опускающиеся к воде своды заставляют пригибать головы, в других местах стены сдвигаются настолько, что нам приходится останавливаться и

пропускать встречные лодки. Но вот потолок стремительно уходит ввысь и теряется во мраке, который не в силах прорубить даже мощные фонари проводников; стены раздвигаются и угадываются лишь по отсветам разноцветных лампочек, подсвечивающих традиционные каменные изваяния: цветы, деревья, животных... В самом большом, пятом по счету зале высота сводов достигает 80 м. Глубина реки колеблется от 7 до 17 м.

За очередным поворотом в лицо бьет дневной свет. Выходом является высокое, треугольное, с иззубренными краями отверстие. Пристаем к большому камню, ровная площадка на макушке которого огорожена неожиданным в этой обстановке витиеватым заборчиком. Сбоку о камень бьется и пенится рвущаяся в подземелье река. По ступенькам выбираемся наружу, туда, где над головой нависает огромная, вся в трещинах, буграх и наростах стена. Тропинка ведет к небольшому карнизу, за которым скрывается вход в еще одну, уже обычную пещеру. Ну нет, на сегодня впечатлений больше чем достаточно, да и пещер в Китае я повидал уже немало, чтобы заранее знать, что ожидает за входом.

Возвращаемся по склону Облачной горы через перевал, сквозь «дебри» торчащих повсюду серых гранитных обломков. Такие же странные, причудливые камни, только увеличенные в десяток раз, окружали нас в юньнаньском Шилине. Местный «каменный лес» — тоже достопримечательность. Тропинка проложена так, что с нее открывается прекрасный вид на окрестности, а высаженные по обеим сторонам молодые деревца обещают в скором будущем превратить ее в тенистую аллею.

Далеко внизу, в зажатой со всех сторон склонами узкой ложбине, бросая дерзкий вызов окружающей природе, сиротливо лежит несколько участков обработанной земли. По одному из них, залитому светящейся, словно оконце, водой, медленно бредут, расплескивая круги, впряженный в соху буйвол и человек. Другие уже покрыты свежей зеленью рассады риса. На противоположном склоне между выпирающими отовсюду скалами втиснулись только что перепаханые, кажущиеся микроскопическими, с ладонь величиной, клочки полей (рис. 48).

В Аньшунь въезжаем с юго-восточной стороны, сделав за день большой полукруг. С этой стороны город видится современным и светлым: новый, большой автовокзал, новая больница, новые жилые дома. И над всем этим на одинокой скале гордо вознесся храм Конфуция, отсчитывающий седьмую сотню лет своей истории.

К вечеру становится прохладно, поднимается ветер. Погода в Гуйчжоу не знает постоянства.

После ужина не могу не откликнуться на просьбу Сюя встретиться с сотрудниками Академии общественных наук Гуйчжоу, случайно соседствующими с нами в гостинице. Видя мою усталость, они не очень настойчивы в своих попытках получить от меня информацию об изучении их провинции в СССР. Но рассказывать мне особенно нечего: всех китаеведов, интересующихся Юго-Западным Китаем, можно пересчитать по пальцам.

Наутро сгустившаяся за окном хмарь, проникающий через приоткрытую форточку скользкий, сырой ветер не внушают оптимизма. Прошедший ночью дождь оставил на заваленном строительным мусором заднем дворе, куда выходят наши апартаменты, большие лужи... На комнатном термометре плюс четырнадцать. Последнее утро в Гуйчжоу, и суровая природа провинции как бы в назидание и на память демонстрирует свой неласковый нрав.

Традиционный китайский завтрак — каша чжоу с жгуче-соленой юньнаньской капустой, баоцзы и пампушки — дополнен сладкими кексами. Сегодня мне это даже нравится.

Но времени на расслабление нет. Первая половина дня отведена общению с представителями местных исторических кругов. Их трое: деятельный, начальственного вида директор исследовательского центра по проблемам образования административного района Аньшунь Цзян Юнкан, преподаватель педагогического училища, пожилой, сухопарый Сюн Цида и преподаватель педагогического института Аньшуни, тихий, молчаливый, почти незаметный во время беседы Чэнь Цяньшэн, который, однако, оказывается еще и поэтом, членом Союза писателей КНР. Не без гордости за своего коллегу и земляка Сюн Цида поведал, что гонорары за свои произведения Чэнь Цяньшэн переводит на счет детского фонда.

Собеседники мои хорошо подготовились к встрече с «иностранным студентом», в коей ипостаси меня, видимо, подали местные власти, и начало нашей встречи превратилось в двухчасовую лекцию о событиях в Аньшуни в XVIII—XIX вв. Старательно процеживаю обрушенный на меня поток информации, вычленяя из него интересные, нестандартные факты, любопытные, только местному жителю известные подробности. И еще раз убеждаюсь, что стремился сюда не зря, что нужен, обязательно нужен взгляд на события изнутри, с того места, где они происходили. Можно из года в год, из десятилетия в десятилетие

корпеть над мудрыми книгами, перелистать тысячи страниц, выработать концепцию... и вдруг, когда кажется, что все уже тебе известно, что все понимаешь, сталкиваешься со свежей мыслью, идеей, вроде мелким, малозначащим, случайно выскользнувшим на поверхность фактом — и концепция трещит по всем швам, искусно, по камушку уложения теория теряет стройность или рассыпается в прах. А все потому, что история не пишется абстрактно. Ее надо пощупать руками, измерить на той земле, в той атмосфере, в которой она творилась, увидеть глазами людей, которые ее создавали. И я хочу увидеть ее глазами потомков буи, мяо, ханьцев, знающих или, как говорят, кожей чувствующих местную специфику, выросших среди этих суровых гор, с рождения вдыхающих мятежный воздух юго-западной Гуйчжоу.

А потом несколько неожиданных вопросов, переворачивающих представление моих собеседников об «иностранном студенте», короткое замешательство — и мы уже общаемся как равные.

Оставшиеся до поезда несколько часов употребляем на ознакомление с памятниками прошлого. Быстро пакуемся и усаживаемся в белую «Тоёту». Заполонили японские автомашины китайские автодороги. Все участники утренней беседы, за исключением сославшегося на неотложные дела Сюя, присоединяются к нам. Тепло прощаемся с главным организатором аньшуньских приключений. Надеюсь, я не доставил ему чересчур много хлопот.

Тридцать километров пути сначала по асфальту, потом по ухабистой грунтовке — и мы у подножия приземистого, каменистого, покрытого невысоким кустарником холма. На склоне у дороги скромные могильные холмики, клочки отвоеванной у камня земли. Вершина холма окольцована тремя рядами серых, почти сливающихся с пасмурным небом стен. Гора Сяоли и крепость с аналогичным названием. Сяоли можно перевести как «Провозглашение ли». Термином «ли» обозначается явление, в китайской культурной традиции крайне многоликое. Его понимают и переводят как обряды, церемонии, этикет, правила поведения и вообще как культурность. Какое отношение имеет эта глубочайшая, по сути, основополагающая категория конфуцианской этики к столь прозаической горе, увенчанной грозным фортификационным сооружением?

И подъем вроде не крут, но, пока взберешься до стен крепости, становится жарко. Еще жарче было тем, кто пытался под градом пуль и стрел взять эту твердыню приступом! На воротах полустершиеся иероглифы «Соблюдение правил

поведения и этикета изначально понимается как искренняя верность долгу, способность быть гибким в преданности». Не ручаюсь за полную адекватность перевода, но смысл в надписи заложен именно такой. Дата: год гуйчоу, что в 60-летнем цикле китайского летосчисления может означать 1793, 1853 и 1913 гг. Более ранние и поздние даты неприемлемы. Местные историки уверили меня, что крепость была построена в 1853 г. жителями расположенной неподалеку китайской деревни Сяцзюси, которые, как это ни было разочаровывающе для меня, возводили ее не для того, чтобы бороться с правительственными войсками, присланными покарать взбунтовавшихся крестьян. Это как раз тот любопытный зигзаг колеса истории, мимо которого так легко пройти в море писем. Сяцзюси была деревней зажиточной, и в округе ее называли даже «Маленьким Гуйяном». Что ж удивительного, если, почуяв «запах паленого», ощутив жар разгорающихся по всей стране восстаний, населявшие ее состоятельные ханьцы поспешили построить укрытие, за прочными стенами которого надеялись уберечь свое добро, да и жизни от грозившихся выйти из повиновения «инородцев» и своих неимущих соплеменников. Не этих ли, забывших принципы «гуманности» и «долга» людей призвана увещевать надпись на воротах?

Крепость строили основательно и умело. Внешняя стена высотой более 7 и толщиной до 1,5 м сегодня уже частично, особенно по верхней кромке, разрушена, но по-прежнему сохраняет грозный и неприступный вид. Вторая и третья стены не столь мощны, но я не позавидовал бы тому, кто окажется под прицелом их бойниц в узком, совершенно голом внутреннем дворике. На самой макушке горы расположены пришедшие в запустение постройки, среди которых до сих пор центральное место занимает большой каменный резервуар для сбора и хранения запасов воды. Строители крепости рассчитывали и на длительную осаду.

Стены, постройки выложены из отесанного камня со следами применявшейся для его связки извести. Со стен открывается прекрасная панорама окрестностей. С одной стороны, между двумя холмами, в сколь аккуратно, столь и неровно разрезанной на индивидуальные наделы долине раскинулась деревня Сяцзюси. Интересно, почему в Гуйчжоу даже на ровном месте все межи между полями странным образом искривлены? Может, прямые линии в этом волнистом крае не в почете? От вызывающе (и впрямь, «маленький Гуйян») разлегшейся на плодородных угодьях между пологих склонов соседних холмов Сяцзюси бежит, огибая

нашу вершину, узкая грунтовая дорожка. Упирается она в тесно сгрудившуюся на склоне расположенной рядом горы деревню мяо. Это — Синьчжай, Новый чжай. Ему-то земли явно не хватает, и, наверное, его обитателей и боялись в первую очередь наживавшиеся на горе «инородцев» ханьцы. Высокие стены и отвесные склоны горы Сяоли были, наверное, их единственной надеждой на спасение.

Спутники мои довольны. Мой интерес к крепости неподделен и находит выражение в десятках вопросов. Взобраться на стены, осмотреться, пощупать, сфотографировать — все это требует времени, а времени у нас в обрез. Приходится спешить и возвращаться к машине. У подножия, у единственного, как мне показалось, в округе раскидистого дерева отдыхают возле своих корзин, мешков и деревянных бадей несколько крестьянок-мяо. Как и мяо Тунжэни, они в повседневной жизни верны своим национальным одеждам: синие куртки, специфического покроя, прихваченные широким поясом длинные черные юбки, белые, похожие на тубетейки головные уборы. С некоторым замешательством и смущением, с какой-то изящной жеманностью соглашались со мной сфотографироваться. Сейчас, глядя на их улыбающиеся и немного недоуменные лица, пытаюсь представить, что же думали они тогда о странном иностранце, посетившем их глухие края.

Посоветовавшись и решив, что времени у нас еще достаточно, мои провожатые твердо пресекают мою попытку взобраться на соседнюю вершину в поисках удачного ракурса для съемки крепости, водворяют меня в машину, и мы направляемся к другой крепости, также имеющей отношение к событиям минувших лет.

Деревушка Юньшань (Облачные горы) словно втиснулась в узкое ущелье между двух отвесных скал, двух пиков горы Юньцзю (Облачный беркут). Ведущая к ней каменистая тропа упирается в высокие мощные ворота, увенчанные караульным помещением под четырехскатной, с загнутыми кверху концами крыши. От ворот разбегается в обе стороны, постепенно взбирается в гору и замирает под отвесными скалами трехметровая стена.

За воротами вокруг единственной, но при этом довольно широкой, мощной большими плитами улицы теснятся дома из камня, что и повсюду в западной Гуйчжоу, только архитектура в основном китайская. Жители деревни — ханьцы, и окружающие ее укрепления, видимо, служили тем же целям, что и крепость на горе Сяоли. Не случайно некоторые дома поближе к стенам напоминают собой настоящие

блокгаузы. Сейчас в деревне насчитывается свыше 200 дворов, т.е. около тысячи жителей. И где они только размещаются на такой мизерной территории, чем кормятся? Ответить на этот вопрос нелегко. С водой попроще: ключ, бьющий у подножия скалы, питает водой всю деревню.

С другой стороны ущелья — еще одна стена, а на 100—120 м ниже — третья. Между стенами — несколько явно не старых строений, опирающиеся на подпорные стенки клочки — иначе их не назовешь — отвоеванной у скал и возделанной упорным трудом земли. С этой стороны стены сильно разрушены, есть в них и целые провалы. Материал, видимо, используется для ремонта старых и строительства новых домов.

Возле сбегавшей от ворот тропинки — небольшая кумирня. Похоже, здесь убажуют многочисленных духов — попечителей гор, рек и ручьев. Передняя стенка полностью отсутствует, в глубине — курительница, за ней — алтарь с парой каменных табличек. По бокам — сложенные из камней скамейки. Не чувствуется, что это место часто посещают. Верующих даже в глухих деревнях в последние годы заметно поубавилось.

Всему приходит конец. Время торопит нас нещадно, и нет даже возможности заглянуть на пару минут — хотя парой минут тут, конечно, не отделаться — в деревенский дом. Доброжелательно приветствует нас хозяин, старый знакомый Сюн Цида, но надо спешить.

На вокзал прилетаем за пять минут до подхода поезда. Единственное, чем могут помочь гостеприимные хозяева, — с реактивной скоростью организовать билеты в «жесткий сидячий» и выход на перрон через служебную дверь, чтобы не смешиваться с шумной и бойко работающей локтями толпой пассажиров. Дальнейшее в наших, точнее, Ли Мао руках. Прощание с гуйчжоускими коллегам, и мы втискиваемся в переполненный, дышащий жаром разгоряченных тел вагон.

Почти до одиннадцати вечера, около пяти часов, толкаемся — другое слово и подобрать-то трудно — в сидячем. Мне хоть иногда на некоторое время удается присесть. Молодой китаец, как потом оказалось, — строитель из Юньнани, почувствовал состояние не привыкшего к подобному дискомфорту иностранца и периодически уступал мне место. В качестве платы пришлось отвечать на кучу самых разнообразных вопросов о Советском Союзе. Его интересовало все: сколько получают рабочие и что мы обычно едим на завтрак, есть ли в СССР личные автомобили и какую

музыку предпочитает молодежь, где находится Владивосток и каких современных китайских писателей знают в нашей стране? Он не стыдился своей почти полной неосведомленности о большой, граничащей с Китаем державе, а искренне хотел знать больше и больше. Вконец утомив меня лавиной вопросов, он обрушился на других соседей, интересуясь, где они работают, сколько получают, как живут... Любопытный попался попутчик.

Жизнь в поезде шла своим чередом. Под потолком висела густая пелена табачного дыма. Уставшие переминаясь с ноги на ногу пассажиры усаживались прямо на пол, перегораживали проходы, засыпали, сидя на корточках. Через них, балансируя кружками с крутым кипятком, пробирались жаждущие чая пассажиры. Неожиданно в центре вагона вспыхнул импровизированный концерт. Поет негромким голосом среднего возраста женщина, за ней — парень... Шум, громкие аплодисменты, веселье... Пытаюсь заснять это неожиданное представление, и свет фотовспышки вызывает новый взрыв смеха и оживление. Так проходит пять долгих часов, и я уже чувствую себя вконец разбитым. А ведь в Китае путешествуют таким образом и двое и трое суток. Только после Шуйчэна, где сошло много пассажиров, героически выстоявшему все это время на ногах Ли Мао удалось вырвать у начальника поезда пару плацкартных билетов.

Долго не могу уснуть. От духоты и дыма болит голова, роятся в воспаленном мозгу мысли и совсем близкие воспоминания. Перебираю в памяти все то, что довелось увидеть и узнать в Гуйчжоу. Прошло всего 11 дней, как мы оставили Шанхай, а кажется — вечность. Завтра открываю новую страницу записной книжки. Завтра — Юньнань.

У ПОДНОЖИЯ ЛАЗОРЕВЫХ ГОР

Куньмин под другим углом зрения

До Куньмина еще добрая сотня километров, и вся земля укутана черным покрывалом беззвездной и сладко баюкающей под стук колес ночи, а проводники безжалостно сдергивают нас с постелей. Спорить и возмущаться бесполезно. Пристраиваюсь под тускло мерцающим плафоном и, меланхолически поглядывая, как за окном медленно проступает мутный, пасмурный рассвет, заношу в дневник вчерашние впечатления. С благодарностью вспоминаю окруживших меня вниманием аньшуньцев, и вечерние передраги кажутся далекими и не заслуживающими внимания. То ли от голода — накануне нам было совсем не до ужина, — то ли от предвкушения нового, неизведанного сосет под ложечкой. Тусклый, невыспавшийся Ли Мао сосредоточенно роется в рюкзаке.

Уже совсем рассвело, когда показались пригороды Куньмина. За окном проплывают умытые ночным дождем улицы, мокрые крыши домов. Мягким зеленоватым светом поблескивает листва деревьев. «Куньмин прихорашивается перед встречей дорогого гостя», — весело сообщаю своему спутнику, но на это, кажется, несколько поспешное заявление он отвечает какой-то нерешительной улыбкой.

Не знаю, может, у Ли Мао появились недобрые предчувствия, хотя прежде дара предвидения я у него не замечал, но его обычно бьющий ключом оптимизм сегодня поутих, и мой радостно-возбужденный в ожидании новых впечатлений дух не получает живительной поддержки. А скоро Ли Мао придется совсем худо: нас никто не встречает! Созваниваясь с Куньмином, он, как потом сам признался, настоятельно просил не устраивать пышных приемов, но до такой степени...

Стоим, поеживаясь от утренней свежести, минут сорок. Ли Мао бежит от одного выхода к другому, озабоченный не столько ужасным провалом в организации поездки, сколько

моей реакцией на оный. «Не может быть... Не может быть...» — время от времени срывается с его губ. Рядом словно в насмешку торжественно встречают делегатов каких-то конференций, гостей, друзей, родственников...

В конце концов, уверовав в бесплодность ожиданий, загружаемся в автобус и катим по чистеньким, зеленым улицам к университету. Одолевая крутую, словно специально созданную для испытания на прочность тянущихся к знаниям абитуриентов лестницу перед входом в главное здание Юньда, за легким, непринужденным разговором пытаемся скрыть свою тревогу. Напрасно: и здесь нас никто не ждет!

Узнаем не без труда, что заниматься мною должен переводчик ректората Ян Динъань, но его местонахождение — загадка для всех. Пока я, удобно расположившись на мягком диване в приемной ректора, попиваю извлеченный из наших запасов кофе, копаюсь в картотеке, отбирая нужный для Куньмина материал, Ли Мао развивает бурную деятельность. Не знаю, какими путями ему удалось сломить сопротивление администраторов, долго не осмеливавшихся взяться за вопрос о нашем устройстве в университетскую гостиницу, прикрываясь ссылками на отсутствие комфорта, удобств, большой шум и пр. Тем не менее к одиннадцати часам мы все же водворяемся в спартански обставленную, но просторную и светлую комнату. В номере четыре деревянные кровати, но соседей нет, и, как подсказывает мне накопленный опыт, вряд ли они появятся. Душ во дворе, но это уже такая мелочь...

Смыв с себя пыль, усталость и нервное напряжение, возвращаюсь в номер и застаю в нем смущенного Ян Динъаня. Тысяча извинений, неловкие оправдания... Приходится рисовать на своем лице некое подобие улыбки. Принесенное Яном предложение перебраться в комфортабельную «Цуйху», где нам должны были забронировать номер, отвергаем. Не нравится мне неопределенное «может быть», да и бюджет Ли Мао не выдержит такого насилия. Конечно, университетская гостиница скорее похожа на общежитие, рассчитанное к тому же на непритязательных в быту китайцев, и не готова к приему зарубежных гостей. Хотя и есть в ней несколько просторных и неплохо обставленных апартаментов, в которых проживают преподаватели-иностранцы, но на вселение их туда пошли не от хорошей жизни. Оттого и не принимает Юньнаньский университет студентов и стажеров из других стран, что невозможно пока создать им приемлемые условия. Но нас устраивают и такие, так что независимо от того, хотят или не хотят нас здесь видеть, мы остаемся.

Разочарованный нашим упорством (знал бы он его истинную причину!), Ян Динъань убегает, унося с собой новую мою идею: можно ли получить разрешение местных властей на проезд из Дали через Лицзян, исключительно интересный район Юньнани, населенный аборигенами провинции и только-только приоткрытый для иностранцев, к маленькой железнодорожной станции Гэлипин, лежащей на самой границе Юньнани и Сычуани? К сожалению, раньше мысль о таком варианте меня не посетила, но маршрут через труднодоступные горные районы мог бы быть исключительно любопытным. Надежд, конечно, мало, но попытаться не мешало, хотя через пару дней и поступил ответ, которого следовало ожидать: нельзя!

Из последующих событий дня упоминания заслуживает, пожалуй, лишь встреча с группой преподавателей исторического факультета. Их четверо, во главе — проф. Цзян Инлянь, корифей юньнаньских этнографов, публиковавший свои труды по истории малых народов Юго-Запада еще полвека назад. Ему семьдесят пять, он возглавляет Институт истории национальностей пограничных районов Юго-Запада при историческом факультете Юньда. Почему-то он очень напоминает мне Геронтия Валентиновича Ефимова, ныне покойного ведущего ленинградского китаевода. Те же умные, внимательные глаза, добрая, чуть снисходительная улыбка. Рядом с ним улыбчивый, через край словоохотливый заведующий кафедрой краеведения проф. Му Цинь. Помнится, в начале 60-х годов он писал о восстаниях в Юньнани в середине XIX в., но сейчас перешел к проблемам средневековья. Молчаливый и хмурый сотрудник кафедры краеведения Сюй Чжидэ словно бы призван уравновесить чрезмерную веселость и разговорчивость своего начальника. Им обоим уже за пятьдесят, а молодое поколение историков представляет ассистент Цзян Инляня, похоже, пользующийся покровительством и расположением своего шефа Чжоу Гэнсин, подвижный, излучающий энергию и деловитость, с уже выработанными менторскими нотками в голосе. Все четверо далеки от занимающих меня проблем, и интересного разговора не получилось. Было много общих фраз о важности изучения экономической истории Юньнани, о многонациональном характере восстаний в период Цин, но этим все и ограничилось. Попытка приподняться над уготованным мне статусом робкого школяра, с восторгом внимающего поучениям корифеев исторической науки, не была понята и принята, и на один-два вопроса, которые мне с немалым трудом удалось вставить

в поток льющихся сентенций, последовали те же многословные и неопределенные рассуждения.

Так что первое знакомство получилось не очень удачным. И говорили вроде на одном языке, да, видимо, каждый со своим акцентом. Не такое уж это простое дело — налаживать научные связи. Украдкой сигналю Ли Мао: пора сворачивать эту нескладную беседу. И он недоволен, чувствует, что унесло нас не в то русло, но сделать ничего не в состоянии и хранит на лице заученно любезную улыбку. Рассыпаемся в благодарности, любезностях и подводим черту.

Остается время совершить пробежку по книжным магазинам. Здесь мне повезло чуть больше, удалось напасть на некоторые издания, которые давно искал.

В воздухе стало заметно теплее. Но настроение по-прежнему пасмурное. Может, поэтому город кажется пыльным и грязным. Впечатление совсем иное, чем в первый приезд, хотя если что и сменилось за короткое время моего отсутствия, так это погода. Вот что значит холодный прием и в общем впустую потраченный день.

Приятным сюрпризом было письмо из дома, поджидавшее меня в гостинице «Куньмин». Удивительно, но дошло оно туда всего за две недели. А до Шанхая почта иной раз добирается целый месяц.

В сумерках возвращаюсь по знакомой и не раз хоженной Дунфэнлу. На площади Восточного ветра шумит ночной рынок. Торгуют буквально всем: обувью, одеждой, книгами, кустарными поделками, зонтами, замками, аппетитно дымящейся лапшой, очищенными ананасами, шашлыками... Миниатюрные, тонко нарезанные кусочки насквозь проперченной свинины нанизаны на тонкие десятисантиметровые палочки. Каждая палочка — два мао. Можно «заморить червячка», но во рту после этого юньнаньского деликатеса полыхает настоящий огонь.

Молодой мужчина с запавшими скорбными глазами обреченно сидит на грязной тряпке, демонстрируя свои култышки. Толпа окружает пожилого музыканта, подрабатывающего (или зарабатывающего) на жизнь игрой на флейте. Это тоже ночной базар, это тоже многоликий и многонациональный «город вечной весны».

28 апреля. День обрывочных впечатлений. Переломив лень и желание наконец-то выспаться, бегу завтракать в «Цуйху бингуань». Европейский завтрак и блаженство цивилизации с лихвой компенсируют тяготы раннего подъема. За столиком моими соседями оказывается путешествующая по стране чета западных немцев лет тридцати. Они завер-

шили свою преподавательскую работу в Пекине и ныне стремятся на знаменитый фестиваль в Дали. Восторженно описываю им красоты Аньшуня, которые на расстоянии кажутся еще более чарующими и неповторимыми, и почти убеждаю их посетить эти очаровательные места.

С огромным трудом, только благодаря усилиям Ли Мао пробиваемся к фондам провинциальной библиотеки. Дирекция упрямо требует письменного отношения от Фудани, которым мы, конечно, воспользоваться не удосужились. Бюрократизм и элементарное нежелание помочь в не таком уж сложном деле выводят из себя даже многотерпеливого Ли Мао. Кое-какие книги все же удается получить, но с тысячей условий и оговорок. Молодые, симпатичные библиотекари обескураженно разводят руками: рады бы помочь, но не в их власти. А Ли Мао сквозь зубы поругивает оккупировавших со времен «культурной революции» различные административные кресла безынициативных и ничего не делающих без бумажки чиновников.

В зале литературных памятников перерыв с одиннадцати тридцати до четырнадцати тридцати. Три часа совершенно ненужного свободного времени провожу в центре города. На рынках торгуют свежими огурцами, помидорами, вишней. Накрапывает, но так и не собирается дождь.

Вечером гроза все же обрушивается на город, но запала у нее хватило ненадолго. Может, она в какой-то степени смыла с меня налет пессимизма в отношении дальнейшего пребывания в Куньмине, но настроение чуть поднялось. И хотя особых восторгов город по-прежнему не вызывает, благожелательное отношение к нему понемногу возвращается. Много зелени, много урн — исключительно дефицитных в других городах — и мало мусора на тротуарах. И не смотрят на тебя так назойливо-изучающе, как в Гуйчжоу. Но зато пристают с «хэллоу», демонстрируя, как правило, весь свой лексический запас английского в этом приветствии. Ошарашиваю одного такого любителя словесности и приверженца запанибратских отношений с иностранцами небрежным: «Привет!» Узкие щелки глаз округляются, человек застывает на месте, а я ласково машу ему рукой и удаляюсь. Что-то не очень налаживается у меня с Куньмином дружеский контакт.

Но на следующий день мне везет на интересных людей, любопытные встречи. Рано утром это были Се Бэньшу, Ся Гуанфу, Цзян Чжунли, Лун Юнсин... Директор Института истории Юньнани и его многоопытные сотрудники, с которыми получился настоящий обмен мнениями.

Говорили о многом, внимательно выслушивая друг друга, не спеша с выводами и заключениями. Обсуждали специфику экономической и политической ситуации в Юньнани вообще и в XVIII—XIX вв. в частности, средства и методы, которыми управляли малыми народностями Юго-Запада китайские и маньчжурские правители, формы борьбы аборигенов против своих поработителей, много говорили о мусульманах провинции и, конечно, об острой вспышке антиправительственной и национальной борьбы в середине XIX в.

Для Китая и китайцев история — не просто наука о прошлом или отвлеченное понятие. С давних времен, начиная от Конфуция, и по сегодняшний день ссылка на историю, исторический прецедент, исторический опыт, авторитет древних была самым существенным доводом в борьбе умов, логических построениях ученых и политиков, главным аргументом в принятии экономических программ и политических решений. И сегодня, как бы далеко ни ушел Китай от своего закоснелого в панцире традиций прошлого, события и герои древности раз за разом оказываются в центре острейших политических баталий в руководстве, их высказываниями и деяниями аргументируют и прикрывают свои поступки. Удивительно ли, что идеалом Мао Цзэдуна был Цинь Шихуанди, прославившийся не только как основатель первой обще-китайской империи Цинь, но и как беспощадный тиран, закапывавший живьем в землю ученых-конфуцианцев и учинивший аутодафе тысячам еретических, с его точки зрения, книг. Не потому ли пылали костры из книг и глумились над интеллигенцией в годы «культурной революции»?

Министра обороны КНР Линь Бяо тоже клеймили как отпетого конфуцианца, сторонника древности и противника реформ, а противников волюнтаризма в экономике уподобляли мифическому «ревизионисту» Сун Цзяну, герою популярного исторического романа «Речные заводи». Ссылками на историю оправдывают сегодняшнюю политику. Ни в одной стране мира исторический прецедент не имеет такого значения, как в Китае. Каждый житель Среднего государства непременно должен проникнуться идеей древности и величия китайской цивилизации, говорить и писать об истории страны именно с этих позиций.

Для чего я все это пишу? Дело в том, что история Юго-Западного Китая также тесно переплетается с современной политикой, и то, как она писалась и пишется, во многом зависит от политической конъюнктуры. Пестрый этнический состав населения юго-западных провинций требует решения национального вопроса. Какого решения? Как его, это реше-

ние, обосновать? Как уложить многовековую историю национального угнетения, этнической розни, конфликтов в русло проповедуемой концепции «единого многонационального Китая», в постулат о «многовековой дружбе и сплоченности народов Китая»? И появились десятки, сотни статей и статей, восхваляющих исконную дружбу и единство всех населяющих Поднебесную народов. И не случайно, наверное, громче всего звучали голоса «ревнителей национального равноправия», в том числе и защитников тезиса о боевом сотрудничестве различных национальностей Юньнани в период восстаний середины XIX в., именно тогда, когда в стране стала проводиться неприкрытая политика ассимиляции и китаизации неханьских народов.

Были и другие теории. Например, об исключительной революционности китайского крестьянства. Немало копий, в частности, было сломано в споре о характере государства Ду Вэньсю, мусульманского лидера, возглавившего мощнейшее восстание народов западной Юньнани и создавшего повстанческое государство с центром в Дали, просуществовавшее 18 лет (1855—1873). Тех, кто оспаривал революционный характер власти в Дали, заставили замолчать, и надолго. И трубили в трубы, били в литавры по поводу успехов революционных крестьян, сумевших на 18 лет вырвать западную Юньнань из-под контроля цинского правительства и провести там чуть ли не демократические преобразования.

Те времена, к счастью для китайской науки, прошли. Увидели своего читателя давно написанные, но надолго запрятанные в самые дальние ящики столов когда-то крамольные, а ныне просто объективные исследования. Кое-кто, как У Цяньцзю, еще в начале 60-х годов камня на камне не оставивший от концепции о революционной власти Ду Вэньсю, так и не дождался выхода в свет своей работы. Но остались его сторонники и последователи. И как приятно и в то же время неожиданно было услышать из уст Ся Гуанфу, продолжающего изучать восстание Ду Вэньсю, заявление о некрестьянском, нереволюционном характере его власти, о господстве в руководстве восстания помещичье-шэньшийских и торгово-предпринимательских кругов, подтверждающее мои собственные выводы.

И о взаимоотношениях национальностей стали писать более трезво, не боясь нелицеприятной правды. Конечно, старые установки живучи, и по накатанной дорожке намного легче добиться почестей и известности и меньше шансов расшибить себе лоб, но историческая наука КНР потихоньку выходит из полосы затянувшегося кризиса. Именно на

такие мысли натолкнуло меня общение с сотрудниками Института истории, и поэтому я обращаюсь к ним именно на этих страницах.

Вторая интересная встреча произошла после обеда на берегу озера Цуйху, где я решил провести свободные полчаса и развеяться после напряженной первой половины дня. Было тепло и тихо; яркое ласковое солнце вынырнуло из-за туч, и на поверхности воды заиграли веселые блики. Примостившись на бетонном парапете, я развернул вчерашнюю «Жэньминь жибао». Читать не хотелось, и я лениво перелистывал страницы, пробегая глазами заголовки. Редкие прохожие не привлекали моего внимания, и я его проглядел. Он стоял рядом, небрежно поигрывая короткой стальной цепочкой. Седой, жилистый, в заплатанной зеленой робе и белых кедах. Похоже, из тех рабочих, что заняты на строительстве нового корпуса гостиницы «Цуйху». Минут пятнадцать назад я наблюдал их обед. Сгрудившись у большого котла, они по очереди подставляли железные чашки, в которые плюхался черпак горячей лапши, и, пристроившись тут же на корточках, быстро расправлялись с этим нехитрым блюдом...

Человек подошел поближе, заглянул в раскрытую газету, удовлетворенно хмыкнул и спросил: «Вы знаете китайский?»

На разговор не тянуло, я уже слегка устал сегодня от разговоров, и хотелось побыть одному, но этикет требовал соблюдения элементарных норм приличия, и я коротко буркнул: «Да». Терпеть не могу пристающих на улицах с «хэллоу» молодых американоманов, но этот человек совсем не походил на эту оджинсованную и развязную публику, его глаза искрились веселой улыбкой и любопытством, и я не мог ему не ответить. Так завязалась эта странная, необычная беседа, необычная потому, что это был первый из встреченных мной китайцев, попытавшийся излить душу. Я коротко и односложно отвечал на его немногочисленные вопросы, но в основном слушал, слушал монолог уже немолодого, усталого пятидесятивосьмилетнего рабочего.

Он не спрашивал ни кто я, ни откуда. Принял за американца, англичанина? Какая разница. Видимо, у человека просто наболело, захотелось излить душу, а кому выговоришься, когда каждое неверно сказанное слово и сегодня может обернуться тяжелыми последствиями, способными исковеркать всю оставшуюся жизнь. Но вот подвернулся иностранец, понимающий по-китайски, и от него вряд ли можно ожидать какой-либо неприятности.

«Тяжелая жизнь, — вздыхает мой собеседник. — И про света не видно. Всю жизнь работаю, последние двадцать

два года в одной даньвэй, а что я имею? Силы уже не те, зарплата — 64 юаня, бедность... Вам что: у вас есть пища, хорошая одежда, удобные квартиры. Верно? А в Китае бедность, нескончаемая бедность... Четыре модернизации? — переспрашивает он. — Четыре модернизации — это красивый лозунг, а хорошая жизнь наступит лет через пятьдесят, не раньше, и мне ее не увидеть. Сколько мы уже слышали красивых лозунгов... Я был бойцом Красной армии, освобождал Куньмин, мечтал о счастливой жизни, а что я видел? Только работу...»

Мимо нас проходит упитанный, средних лет китаец, прислушивается, возвращается, бесцеремонно пристраивается рядом. Рабочий замолкает, недовольно и обреченно смотрит на пришельца, что-то бормочет себе под нос, машет рукой, говорит: «До свидания» и, поигрывая цепочкой, уходит прочь. Пора и мне, завязывать новое знакомство как-то не хочется.

На встрече с преподавателями исторического факультета Педагогического института Юньнани, состоявшейся во второй половине этого богатого на события дня, присутствовали восемь человек, в числе которых декан факультета Ма Чаосян, проф. Фан Линьгуй, декан факультета иностранных языков Ян Чуаньчже. От моих вопросов все они далеки и знают их настолько, насколько должен быть осведомлен историк о прошлом своего края. Но обстановка, как всегда, была очень дружелюбной и располагала к доброй беседе.

Больше часа проговорили обо всем понемногу, в основном о восстаниях Ду Вэньсю и Ли Вэньсюэ — предводителя выступления ицзу в районе Айлаошань, что раскинулся в южной Юньнани, в зажатой хребтами долине по течению р. Ланьцан. Изучением этих восстаний юньнаньские историки занимаются наиболее активно. Впервые мне больше приходится говорить, чем слушать, и настойчивый интерес моих коллег заставляет меня в конечном счете изложить свою точку зрения на события. Боюсь, от моих не совсем укладывающихся в ложе привычных для них концепций взглядов они были не в восторге, но наука остается наукой, и мы расстаемся очень дружелюбно и фотографируемся на память на фоне нового, только отстроенного здания институтской библиотеки.

Провинциальная библиотека сегодня закрыта, и я посвящаю оставшееся до темноты время очередной экскурсии по книжным магазинам и реализации одной из своих задумок — посещению одного из самых знаменитых в Куньмине кафе.

По правде говоря, знаменито оно главным образом среди

иностранцев. Англоязычные путеводители по Китаю, издаваемые в Гонконге и США за версту чующими выгоду и извлекающими прибыли за счет стремительно растущего интереса к Китаю предпринимателями, обязательно его упоминают. Причин тому две: только в нем вы можете отведать настоящий вьетнамский кофе и только в нем вы можете с выгодой для себя поменять свои сертификаты на народные юани. Для приученных считать каждый цент, пенс или пфенниг иностранцев это куда важнее, чем какой-то сомнительный кофе. И вот, вспомнив свою неудавшуюся попытку попробовать этот хваленый напиток в феврале, я решил сделать это сегодня.

Кажется, это была Цзиньбилу, улица Золота и яшмы. Ориентиры я знал приблизительно, но ни минуты не сомневался, что быстро отыщу нужный мне дом. Воображение рисовало уютное, сверкающее белизной стен помещение, отполированные до блеска витрины, изящные фарфоровые чашки с дымящимся ароматным кофе. Поэтому, когда, пройдя всю улицу насквозь, я не обнаружил на ней ничего, хотя бы отдаленно напоминающего нарисованный идеал, недоумению моему не было предела. Лишь над одним очень уж неприглядным входом виднелась небрежно намалеванная вывеска: «Кафе». Я думал, что ошибся, свернул в один переулок, в другой... Нет, нигде не было видно роскошной, начертанной на английском вывески; ни одно, кроме уже виданного мной сомнительного заведения, не претендовало на кофейную монополию. Прохожу мимо второй раз, притормаживаю у входа... Нет, что-то не внушает доверия этот грязный, закопченный зал с неуклюже сработанными столами, за которыми устроились несколько завсегдатаев. Продолжаю свой путь и неожиданно слышу вкрадчивое: «Сэр, не хотите ли выпить кофе?»

Идти, так до конца. Мимо провожающих меня неласковыми взглядами посетителей хозяин ведет меня по скрипучей деревянной лестнице на второй этаж. Пустой полутемный зал, столы загромождены тяжелыми табуретками. На моем столе появляется стакан с темно-коричневой жидкостью, по вкусу заметно превосходящей подаваемый в обычных китайских кофейнях напиток, но далеко отстающий от мировых стандартов. Кондитерские изделия уже проданы, а кофе — что-то мне совсем расхотелось его пить, — похоже, нацежен из дневных остатков. А всего-то пять часов вечера.

Хозяин присаживается рядом, и начинается психологическая обработка, конечной целью которой является выгод-

ный обмен. Я же стараюсь выудить у него любопытные для меня сведения. Но обоим нам, кажется, не везет.

— Как прибыль от торговли?

— Есть немного.

— Где достаете кофе?

— Долгая история. Родственники, старые знакомые...

— А для чего вам сертификаты?

— Кому же не хочется иметь вещи получше? А в Гуанчжоу или Пекине на них можно кое-что купить.

— Не бойтесь?

— А чего бояться?

Действительно, чего ему бояться: власти посматривают на эти дела сквозь пальцы, лишь изредка проводя операции против валютчиков, и, несмотря на все самые строгие постановления и законы, обмен процветает.

Хозяин не очень щедр на слова, его больше интересуют мои финансовые возможности. Но тут его ждет разочарование: отговариваюсь тем, что не захватил с собой деньги, приду, мол, завтра... Ведь ни за что не поверит, что иностранцу просто захотелось своими глазами увидеть местную достопримечательность, коей стало его заведение, и попробовать вьетнамский кофе.

Заморосил дождь. Как всегда бывает в таких случаях, зонта, который я до этого времени носил с собой постоянно, именно в этот момент со мной не оказывается, и приходится слегка вымокнуть, пока добираюсь до гостиницы «Куньмин», чтобы забрать отданные для проявки и печати фотопленки. Дождь быстро перестал, и на обратном пути устраиваю себе легкий ужин под открытым небом из шашлыка, пампушек и ананасов.

В университетском отеле маленькие проблемы с водой: не всегда доходит она до нашего четвертого этажа. День прошел плодотворно, настроение хорошее, поэтому беззлобно подшучиваю над Ли Мао по поводу отсутствия воды, бюрократов-чиновников, валютчиков и прочих неурядиц современной китайской действительности. Он, понимая мое настроение, отшучивается, хотя и его, естественно, эти проблемы не могут не задевать за живое. К сожалению, по возвращении из Дали Ли Мао намеревается меня покинуть, и в Сычуани придется крутиться одному. Отговаривается тем, что его ждут неотложные дела, но мне кажется, что наша автомобильная одиссея в Гуйчжоу просто-напросто истребила все отпущенные ему ресурсы. Жаль будет расставаться.

30 апреля. С раннего утра устремляюсь в библиотеку.

Меня подгоняет внутренний зуд, возникающий от превращения встречи с интересным источником.

В зале литературных памятников читателей человек десять, в основном людей пожилых. Обтянутые синими куртками спины склонились над пожелтевшими от времени страницами. Поблескивают кругляши очков, нелепыми блинами замерли на углах письменных столов синие и зеленые кепки. Библиотекарь признает меня сразу, приносит заказанные книги, и я углубляюсь в поиски. Есть над чем поработать, не хватает лишь драгоценного времени. Вся надежда на ксерокс. Увы, надежда призрачная. Появившийся Ли Мао убитым голосом сообщает о своем бесславном поражении в столкновении с библиотечной бюрократией. Начальство, даже невзирая на припасенное письмо от руководства Юньнаньского университета, не разрешило мне делать копии материалов и требует аналогичного письма от администрации Фудани. Мудрая позиция, диктуемая принципом «как бы чего не вышло». А вдруг иностранец обнаружит в книгах XVIII в., переснимет и увезет с собой материалы, затрагивающие интересы государства? Ли Мао что-то шепчет о выдвиженцах «культурной революции»...

Обнаруживаю те же материалы в библиотеке университета, но здесь другая проблема: в целях сохранения ксилографов их запрещено ксерокопировать. А результат один: я остался без интересного материала. Везде свои порядки, может, в чем-то и разумные, но страдает дело.

В университетской столовой столпотворение: преподаватели, студенты, сотрудники... Толкаться не хочется, и я отправляюсь в маленький ресторанчик, облюбованный накануне. Хозяйка его — молодая, грубоватая и не слишком приветливая, но готовит она неплохо.

Не радуется приятными известиями Ли Мао. До сих пор не решена проблема с билетами до Шанхая (ему) и до Эмзя (мне). Хорошо хоть у нашего опекуна Ян Диньяня родственники каким-то образом связаны с общественным транспортом, и билеты до Дали достаем без особых хлопот, хотя сейчас, накануне самого популярного в Юньнани праздника, добыть в ту сторону билеты нелегко.

Достигнута договоренность о встрече с преподавателями Института национальностей Юньнани. Сегодня после обеда. Но с кем конкретно? Ли Мао не в курсе, Ян тоже разводит руками. Опять неопределенность. Трудно подготовиться к беседе неизвестно с кем, а в Куньмине все происходит именно так.

К сожалению, день был выбран не самый удачный. Зав-

тра — Первомай, у всех предпраздничной настрой, и в институте нас, кажется, не очень ждали. Не без труда Ян находит декана факультета иностранных языков, а тот, в свою очередь, сотрудника ректората тов. Ху. На историческом факультете уже пустынно. Так что все, что я получаю, — это некоторую информацию об институте. Восемь факультетов, свыше 2 тыс. студентов тридцати национальностей. Впечатляет! Вуз готовит национальные кадры для Юньнани и некоторых других провинций: администраторов, учителей, переводчиков, научных работников, журналистов. И готовит, видимо, неплохо.

И все же день не стал для меня потерянным. Не стал благодаря предоставленной тов. Ху возможности побывать в этнографическом музее института. Экспозиция, развернутая в четырех небольших комнатах, скромно называется Выставкой национальной материальной культуры. Действует она с 1981 г., а экспонаты собираются по всей провинции уже более 20 лет. Сегодня в коллекции музея более тысячи предметов материальной культуры всех населяющих Юньнань 25 народностей, но из-за ограниченных площадей часть коллекции хранится в запасниках.

У входа в музей — красочное панно, отображающее мифологию различных национальностей провинции. А дальше — национальные одежды, украшения из серебра и драгоценных камней, музыкальные инструменты, оружие. Прекрасно сохранившиеся с XI—XII вв. доспехи из слоновой кожи, маски и костюмы шаманов, книги с пиктографическими надписями и книги на пальмовых листьях, копии наскальных рисунков... Всего не перечесать. Надо немало времени, чтобы ходить, любоваться, изучать эту со вкусом и умением подобранную экспозицию. Мне хотелось бы побыть здесь подольше, но неудобно было задерживать любезно согласившегося сопровождать нас заведующего выставкой. Ведь завтра праздник.

Озеро у отрогов Цаншань

Сегодня — 1 Мая. Но ни ранним утром, ни в течение дня нет никакого ощущения праздника, какое бывает дома, когда тебя окружают нарядные, веселые люди, кумачовые флаги, цветы, разноцветные шары, улыбающиеся лица, и сама атмосфера кажется насыщенной всеобщим торжеством и подъемом. Несмотря на то что день этот — один из немногих праздничных дней в китайском календаре, для подавля-

ющего числа горожан он — лишь возможность дополнительного отдыха, а для миллионов крестьян — обычные трудовые будни. Как говорят, каждый сам создает себе праздник, но вокруг все такое будничное и заурядное...

Поднимаемся около шести утра, а в половине седьмого у подъезда поджидает университетский «Шанхай» — своеобразный гибрид «Москвича», «Победы» и еще какой-то марки, хотя до автостанции добираться пешком минут пятнадцать. Запоздалая компенсация за встречу.

На автостанции довольно оживленно. Стоит несколько микроавтобусов, «хлебных фургонов», как их называют в Китае. Это своеобразные маршрутные такси на двенадцать пассажиров, только с пробегом в один конец в 415 км. Билет на него стоит на 10 юаней дороже, чем на обычный рейсовый автобус, но выигрыш во времени составляет 4 часа, не говоря уже о комфорте и безопасности.

Единственным путем сообщения Куньмина с Дали по сей день остается древнее Юньнань-Бирманское шоссе, ныне асфальтированное, слегка спрямленное, но в основном остающееся таким же, как и столетия назад. Еще задолго до поездки я был наслышан об опасностях, подстерегающих путешественника по дороге в Дали, главная из которых — водители-лихачи. Говорили о многочисленных авариях, происходящих чуть ли не ежедневно, разбитых грузовиках, перевернутых автобусах, человеческих жертвах. Убедить Ли Мао, что лучше восемь часов в легкой, маневренной «Тоёте», чем двенадцать в тяжеловесном, неуклюжем автобусе, не составило большого труда.

Кроме нас в такси едут: молодой китаец с ребенком, трое «соотечественников», кажется, из Гонконга и шестеро туристов-европейцев, переговаривающихся между собой по-французски и долго размещающих свои объемистые рюкзаки в сразу ставшем тесным салоне. Наконец все укладываются, рассаживаются по местам. Пожилой ворчливый водитель еще раз осматривает своих пассажиров и трогает. Вскоре начинается дождь, который с небольшими перерывами идет весь день.

Ландшафт традиционно однообразен: поля и горы, горы и поля. Сначала понемногу спускаемся в долину, затем за небольшим городком Луфэн начинается полоса гор, сперва невысоких, потом вздымающихся все выше и выше, крутых, поросших молодыми деревьями и травой. Их каменистые склоны усеяны круглыми отверстиями пещер. Долгое время узкая лента шоссе петляет среди скал, ныряет в многочисленные туннели, повторяет изгибы пробившей себе русло в

межгорном ущелье речушки. На отрезке между Аньнином и Чусюном некоторое время едем вдоль старой железной дороги, построенной еще французами, с конца прошлого века зарившимися на этот богатый минеральными ресурсами кусок китайской территории.

После щедрых на опасности дорог Тунжэни, Аньшун или юго-западной Юньнани дорога в Дали особых опасений и волнений не вызывает. Да и водитель наш очень аккуратен и выдержан и не позволяет себе необдуманных поступков. Дождь и иностранцы в салоне заставляют его сдерживать свои эмоции. А может, просто характер такой. Но трасса действительно, несмотря на свою кажущуюся заурядность, опасная, в чем убеждаешься довольно скоро. Пока не задремал, убаюканный плавным покачиванием машины и равномерным шумом дождя, насчитал по обеим сторонам дороги семь завалившихся в кюветы машин. Задравший колеса к небу рефрижератор, бензовоз со смятым в гармошку радиатором, в большей или меньшей степени разбитые, покореженные грузовики как бы напоминали проезжающим мимо водителям о превратностях судьбы и коварстве подмоченного дождем асфальта.

Через четыре часа короткая остановка на обед в Чусюне, крупном административном центре центральной Юньнани. Слякотный, весь в огромных лужах двор, замызганное, с обрушившейся штукатуркой здание, пропахшая жареным луком и кислым пивом столовая. Толкотня у раздачи и один только вид пропитанных жиром куайцзы отбивают всю охоту к трапезе. Обходимся своими запасами, разминаем затекшие ноги — и снова на тесное сиденье, снова в дорогу.

Проплывают мимо поля со спелыми колосьями пшеницы, рядом с ними — уже убранное жнивье. Заканчивается сбор весеннего урожая, и одновременно начинается пахота под новые посадки. Впервые вижу в упряжке двух буйволов. Позволить себе такую роскошь могут только зажиточные крестьяне. Край не создает впечатления бедного и неплодородного, скорее наоборот. Хотя и здесь на полях не видно тракторов и основным орудием труда в руках крестьян остается мотыга, но разница с недавно виденным в Гуйчжоу очень велика.

Интересна архитектура стоящих вдоль дороги деревень. Дома с глухими, абсолютно без окон стенами обнесены высокими глинобитными изгородями, так что представляют из себя небольшие усадьбы. Их цвет повторяет собой цвет окружающей земли: местами желтый, местами красный, а кое-где даже зеленоватый. Двухъярусные крыши выстроены

уступами, и нижний уступ образует как бы полуоткрытую веранду. Во всем чувствуется основательность и если не достаток, то по крайней мере не нищета.

Несмотря на дождь и праздничный день, на полях много крестьян. Земля требует ухода, и ей безразличны превратности погоды, ей все равно, праздник сегодня или будни. Единственное напоминание о торжественном дне — кое-где попадающиеся на глаза плакаты с лозунгом «Да здравствует 1 Мая!». Правда, если лозунги типа «Да здравствует годовщина образования КНР» или «С Новым годом» обычно висят в течение нескольких месяцев после даты, к которой они приурочены, то первомайским призывам суждено колыхаться на ветру по крайней мере до 1 октября. Так что попробуй определи, что сегодня за день...

Наконец проезжаем Сягуань, когда-то небольшую заставу, прикрывавшую вход в долину Дали, а сегодня крупный административный и экономический центр западной Юньнани, и через двадцать минут достигаем конечной цели нашего путешествия — г. Дали.

Автостанция расположена в его предместьях. Узкая, покрытая лужами и застроенная невзрачными домишками улица как-то не вяжется с образом Дали, нарисованным в моем воображении восторженными рассказами очевидцев, очарованных его красотами. Увернувшись от беззастенчиво попытавшегося окатить нас водой из лужи пополам с грязью грузовика, поворачиваем вместе с улицей направо — и взгляд упирается в мощные бастионы древнего города. Увенчанная квадратными зубцами стена блещет своей неприступностью и совсем не средневековой свежестью. Лишь центральная ее часть с массивными воротами, над которыми возвышается двухъярусная сторожевая башня, украшенная, видимо по случаю праздника, круглыми красными фонариками, носит следы старины. Однако продолжающий на расстоянии трех десятков метров от ворот кирпичную кладку, поросший травой и мелким кустарником земляной вал заставляет поверить, что перед нами не бутафорская декорация, а отреставрированный и принявший свой изначальный облик въезд в город, века назад оглушавший приближавшихся путников торжественностью и величием.

«Дали» — по-китайски «мрамор». Много столетий назад в окрестных горах начали добывать и использовать для строительства и разнообразных искусных поделок удивительный камень, завоевавший своей красотой и мягкостью серо-голубой расцветки известность по всей стране. Камень дал имя долине, государству, городу.

Долина Дали является в своем роде уникальной. Расположенная на высоте 2 тыс. м над уровнем моря, она протянулась почти на 40 км с юга на север вдоль вздымающихся к западу от нее хребтов Цаншань (Лазоревых гор) — отрогов Юньлинского хребта, являющегося, в свою очередь, предгорьями величественных Гималаев. С 19 вершин Цаншани, редко сбрасывающих с себя серебристо-серую облачную мантию, сбегают 18 быстрых, говорливых и чистых ручьев, которые пересекают неширокую, не более 4 км в поперечнике, долину и вливаются в изумрудные воды оз. Эрхай, мягким шелковым поясом расстилающегося у подножия суровых гор.

Теплый климат, тучные земли, обилие влаги сделали долину Дали естественной сельскохозяйственной житницей всей Юньнани. Она же стала колыбелью народности *бай* и ее неповторимой культуры. Предки бай жили в долине уже свыше трех тысячелетий назад, в эпоху неолита. Обнаруженные археологами в районе Дали каменные топоры и ножи, изделия из кости, керамика позволяют говорить о районе Дали — Цзяньчуань (район, расположенный к северо-западу от Эрхай) как об одной из двух больших зон Юньнани, где неолитические культуры получили наибольшее развитие (второй такой зоной являются окрестности оз. Дяньчи). И сегодня из миллионного народа бай 80% проживает в созданном в октябре 1956 г. автономном округе байцзу Дали.

Не менее значимым было на протяжении веков стратегическое значение долины: тот, кто обладал Дали, не только мог контролировать всю западную Юньнань, но и владел ключом к связям со странами Юго-Восточной Азии и Тибетом. Через долину пролегает одна из немногих дорог в Тибет, а Юньнань-Бирманское шоссе огибает Эрхай по южной кромке. Не миновать было оз. Эрхай и одиночному путнику, и купеческому каравану, направлявшемуся в южные страны или оттуда в Срединное государство.

Шли через Дали, неся на устах имя Будды, буддийские паломники и монахи и, очарованные красотой долины, строили на склонах Лазоревых гор монастыри и храмы, кумирни и пагоды. Немного в Китае таких мест, где на небольшой площади было сконцентрировано столь значительное число памятников буддийской культуры. Шли караваны купцов, и постоянные дворы обрастали посадами, стенами и превращались в шумные торгово-ремесленные поселения. Звенело оружие завоевателей — и плодородные земли превращались в поле брани, а на месте цветущих городов зарастало по-

лыню пепелище. Бурной и богатой событиями была история плодородной, а потому заманчивой для многих долины.

Юньнань-Тибетское шоссе, упершись в грозный дорожный знак «Проезд запрещен», сворачивает налево, уводя с собой поток недовольно урчащих машин, а мы пересекаем каменный мостик, перекинутый через один из цаншаньских ручьев, и мимо охраняющих вход гривастых каменных львов ныряем под тяжелые своды городских ворот.

Особо отвлекаться и озираться по сторонам сейчас некогда: надо торопиться обзавестись ночлегом. Наплыв туристов, нацелившихся на праздник «третьей луны», растет с каждым прибывающим автобусом и может обернуться гостиничным кризисом. От автостанции до «Отеля № 2», выделенного для иностранцев, около 950 м. Об этом сообщает выставленная в окошке администратора карта-схема города и долины. Тиражированная на ксероксе рукописная карта содержит все необходимые для туристов пояснения, да к тому же на хорошем английском. Она и становится моим начальным пособием, облегчающим узнавание Дали. Правда, пособия этого, как очень скоро выяснилось, явно недостаточно, чтобы узнать о многом из истории долины, и не раз, не два ругал я себя за пренебрежение предварительной подготовкой к встрече с городом и его достопримечательностями.

Ли Мао воюет с администратором, вознамерившимся вселить нас в многоместный номер. Пожалуй, вариант с фуданьской даньвэй срабатывает с трудом, так как предпочитают иметь дело с обычными, но расплачиваться мисью твердой валютой туристами. И лишь красноречие моего провожатого, напористо и живо расписавшего важность и научную значимость моей командировки в Дали, влечет за собой наше водворение в узкий бетонный пенал с окном, выходящим на пыльную улицу Всеобщей любви и видом на пригнувшиеся под грузом тяжелых облаков горы. В комнате с трудом уместятся две разделенные тумбочкой кровати и пара жестких, угловатых и постоянно путающихся под ногами стульев.

Нельзя сказать, что архитекторы и строители этого нового, совсем недавно возведенного в расчете на растущий поток туристов корпуса слишком заботились о комфорте. Умываться приходится в плохо освещенной пристройке, над серыми бетонными стоками, черная тяжелым ковшом пахучую, отдающую тиной воду из огромных многоведерных чанов и разбавляя ее фыркающим из крана кипятком. Хочешь не хочешь, а приходится воспользоваться извлеченным

из-под кровати эмалированным тазиком, на дне которого вызывающе красуется большой красный мак, и умываться так, как делают это китайцы: из тазика, протирая лицо смоченным в воде полотенцем. Смешно и грустно наблюдать за лицами шокированных этой откровенной простотой иностранцев. Да и мне с таким сервисом сталкиваться приходилось нечасто. Теперь понятно, почему и в Шанхае, и в Куньмине знающие люди рекомендовали мне останавливаться в гостинице в Сягуани, а не в Дали.

С открытой террасы третьего этажа открывается вид на три знаменитые пагоды. С возвышающихся над ними гор скатывается грязно-белая пена облаков, бурлит, топорщится над долиной, лишь иногда, на мгновение открывая маленькие, но удивительно синие оконца неба.

Бродим по центру Дали в поисках маленького частного ресторанчика в надежде на встречу с чем-то оригинальным и неожиданным. Вся деловая и культурная жизнь города, кажется, сосредоточена на пересекающей его на две половины, от южных до северных ворот, узкой и шумной Фусинлу, улице Возрождения. Несколько каменных многоэтажек стиснуты длинной чередой безыскусных и непритязательных двухэтажных строений, первые, настезь распахнутые этажи которых — бесконечные магазины и лавки, столовые и закусовые. Из полутемных помещений несется призванная завлекать посетителей музыка. На улице многолюдно, в синезеленой толпе прохожих то там, то здесь мелькают экстравагантные в этой однообразной массе одеяния европейцев, торжественно проплывают рыжие папахи уже прибывших на праздник тибетцев, пестрые наряды облачившихся по случаю праздника в национальные костюмы девушек-бай.

Не скажу, что ужин в маленьком ресторанчике за крохотным, прислоненным к стене колченогим столиком был очень уж своеобразным, но остроту ощущений (чего-чего, а перца в еде было предостаточно) он явно прибавил.

По следам восстания Ду Вэньсю

Утром солнечно и довольно свежо. Бодрый ветерок пронизывает до костей и заставляет облачиться в теплый свитер. Ли Мао чуть свет убегает доложить местным властям, попутно надеясь на кое-какую помощь от местного иностранного отдела. Оптимист! Он еще полагает, что кому-то есть дело до фуданьского студента, пусть даже иностранца, в преддверии грандиозного праздника.

Так оно и случилось: нами заниматься некому и некогда. Сама по себе эта новость несколько не расстраивает, а вот донесенное до меня Ли Мао признание сотрудников народного правительства в своей некомпетентности относительно восстания Ду Вэньсю и оставленных им материальных памятников насторожило. Немного в истории даже столь богатого на народные движения Китая было таких повстанческих образований, как государство Ду Вэньсю, и уж если местные власти, а кому, как не им, заботиться об охране исторических реликвий, несведущи в его истории — здесь что-то не в порядке!

Но, наверное, настало время чуть подробнее рассказать об этом неординарном событии в истории Китая, чтобы у интересующегося его прошлым читателя не возникало естественных, но оставшихся без ответа вопросов в ходе дальнейшего повествования.

В первой главе я уже упоминал об истории юньнаньских мусульман и китайско-мусульманских конфликтах в провинции в 30—50-х годах XIX в. Западная Юньнань, прежде всего область Чусюн, через которую мы проезжали по дороге в Дали, и соседствующая с Дали область Юнчан стали главными центрами разгоревшейся борьбы.

В середине прошлого века город Дали был одним из крупнейших в западной Юньнани. Население его составляло не менее 50 тыс. человек, и среди них было немало мусульман. Власти провинции, встав на путь репрессий и мусульманских погромов, предприняли попытку организовать резню и в этом городе. Пятый день девятой луны (3 октября) 1856 г. должен был стать для мусульман Дали варфоломеевской ночью. Но трагедии не произошло: погромщики столкнулись с организованным отпором, который перерос в восстание. Восставшие овладели Дали и его окрестностями, и 23 октября с возведенной на центральной площади города трибуны Ду Вэньсю, бывший одним из организаторов отпора, был провозглашен «Верховным главнокомандующим всех повстанческих войск». В последующие дни сложилась система управления и организации власти восставших, были сформированы их вооруженные силы. В западной Юньнани возникло независимое, вставшее на путь борьбы с цинской династией повстанческое государство, а стратегически и экономически выгодно расположенный город Дали стал его столицей.

К осени 1861 г. почти вся территория к западу от оз. Дяньчи — свыше двадцати областей и уездов Юньнани — оказалась под властью Дали; под знаменами Ду Вэньсю

собралась почти 200-тысячная армия из китайцев, мусульман и аборигенов провинции, всех тех, кто был недоволен цинским режимом, кто годами гнул спину на жестоких феодалов и над кем измывались алчные, развращенные роскошью и властью чиновники. Четыре карательных похода цинских войск против Ду Вэньсю были безуспешными, а его 100-тысячная армия в 1867 г. осадила Куньмин, но взять его не смогла.

За 18 лет своего правления Ду Вэньсю сделал многое: создал центральные и местные органы власти, издал ряд законов и установлений, отменил прежние налоги и поборы и ввел новые, более легкие и справедливые, создавал мастерские, добывал руду и драгоценные металлы, торговал с соседними провинциями и с Бирмой, открывал школы, строил храмы и дороги, пытался заложить новый город — столицу своего государства — и завязать отношения со странами и правительствами Европы.

Много небылиц сочиняли о Ду Вэньсю и его власти и в Китае, и за его пределами. Одни нелепицы канули в Лету вместе с их авторами, другие живут и поныне. Даже в серьезных научных трудах по сей день пишут о мифическом султанине Сулеймане (якобы так назывался Ду Вэньсю), о созданном им дунганском султанате или — об этом мы уже говорили — крестьянской революционной власти. Не было ни первого, ни второго, ни третьего, как не было ничего, что позволяло бы уподоблять восстание в западной Юньнани религиозным войнам мусульман против «неверных» в других странах Востока, да и в Северо-Западном Китае.

Государство Ду Вэньсю, призвав под свои знамена широчайшие массы крестьян всей провинции, не было в то же время крестьянским. У власти стояли торговцы и ученые мужи — шэньши, бывшие чиновники и военные, как мусульмане, так и китайцы, среди которых затерялись выходцы из крестьян и ремесленников. И мероприятия этой военно-феодальной по сути власти были не более чем умеренными реформами, не претендовавшими не только на коренную ломку существующей социальной системы, но даже на ее переустройство в интересах обездоленного, бредившего идеалами всеобщего равенства, благоденствия и справедливости крестьянства.

Но резонанс, вызванный возникновением мятежного государства в Юго-Западном Китае, бросившего вызов могущественной империи и долго сопротивлявшегося натиску ее сатрапов, был огромен. На протяжении 18 лет — целое поколение выросло за эти годы — Дали являлся идеоло-

гическим, политическим и стратегическим центром широкого повстанческого движения на всей обширной территории Юго-Запада. Только в 1872 г., через восемь лет после того, как погибло государство тайпинов и было погашено пламя полыхавшей в Южном Китае крестьянской войны, были потоплены в крови бесчисленные мятежи и бунты во всех уголках империи, смогли ее правители справиться и с восстаниями в Юньнани. Несмотря на ожесточенное сопротивление армий Ду Вэньсю, к началу декабря 1872 г. 70-тысячное войско энергичного и жестокого генерала Ян Юйкэ подошло к Дали. После месячной осады положение осажденных стало критическим, и Ду Вэньсю, дабы спасти от кровопролития мирное население, решил прекратить сопротивление.

Раннее утро 27 декабря 1872 г. Из города в направлении лагеря Ян Юйкэ движется скорбная процессия побежденных. В паланкине за задернутыми занавесками несут Ду Вэньсю. Но радость карателей, предвкушавших расправу над предводителем мятежников, была преждевременной: верховный главнокомандующий был мертв. Приняв яд, он избавил себя от ожидавшей его мучительной казни.

Заручившись обещанием Ян Юйкэ сохранить жизнь защитникам города и не наказывать мирное население, руководители мусульман сдали Дали. Но последующие события показали истинную цену обязательств Ян Юйкэ. Спустя несколько дней его головорезы учинили в городе кровавую бойню, в ходе которой, как свидетельствуют источники, было убито более 30 тыс. человек. «Вода в озере Эрхай окрасилась кровью», — писал очевидец. Таким вот трагическим эпизодом завершилось восстание Ду Вэньсю.

Естественно, что одной из главных целей моего приезда в Дали было знакомство с ареной событий, памятниками материальной культуры, имеющими отношение к Ду Вэньсю и его детищу — повстанческому государству. Начинаем с поисков стелы, которую Ду Вэньсю установил в честь закладки так и не построенной столицы, которую планировалось создать между Дали и Эрхаем.

Готовясь к поездке в Дали, я не особенно стремился зафиксировать точные координаты памятников, связанных с именем Ду Вэньсю, хотя мог это сделать и в Шанхае, получив необходимую информацию от уже побывавшего в этих местах Андреаса, и в Куньмине — от китайских историков. Мне казалось, что уж в Дали, где если не все, то многое должно быть связано с именем Ду Вэньсю, каждый должен быть сведущим в истории восстания, должен знать об оставлен-

ГОРЫ И РЕКИ ЦАРСТВА ШУ

Горы крутых бровей

В царстве Шу есть немало гор,
Что бессмертным обителью служат,
Но с загадочными Эмэй
Ни одна из них не сравнится.

(Ли Бо. «Поднимаюсь на Эмэйшань»)

Сычуань в переводе с китайского означает «Четыре реки». Рек в провинции, конечно, намного больше, бурных, стремительных, своенравных, сбегających с высоких хребтов, несущих свои воды на юг и в конце концов сливающихся в четыре крупных водных потока: Ялунцзян, Миньцзян, Тоцзян и Цзялинцзян, которые, в свою очередь, впадают в реку Золотого песка — Цзиньшацзян. А за Чунцином, где в доселе еще относительно чистый Цзиньшацзян вторгаются мутные, грязно-желтые воды Цзялинцзяна, река становится полностью судоходной и приобретает новое название, под которым она известна всему миру: Янцзы, Длинная, или Великая, река.

Но до Янцзы, которая тоже, правда пока еще под вопросом, значится в плане моего путешествия, еще ехать и ехать, а первое, что я вижу, проснувшись, — горы. Горы, которые царствуют в Сычуани так же, как и повсюду на Юго-Западе. В 1—1,5 км от железной дороги к узкой золотисто-кофейного цвета долине плавными, глубокими, особо контрастно очерченными в косых лучах утреннего солнца складками ниспадают склоны голых, безжизненных гор.

Сычуань... Территория, присоединенная к Китаю ранее других провинций Юго-Запада, еще в конце I тысячелетия до н.э. В исторических трактатах и особенно в поэтической традиции за ней прочно закрепилось название «Шу». Так звалось одно из трех царств, возникших после гибели и распада династии Хань во II в. н.э. Располагалось оно на территории современной Сычуани и соседних с ней провинций, тогда дикого, полуварварского края, славившегося почти нетронутой природой и первозданной красотой гор и рек.

Много веков прошло с тех пор. Сычуань превратилась в самую густонаселенную и одну из самых экономически развитых провинций Китая, дающую ныне более 5% валовой продукции промышленности и свыше 10% общекитайского сбора зерновых. Но и сегодня здесь немало мест с природой дикой и для человека неласковой: 2/3 из 100-миллионного населения провинции сосредоточено в ее центральной части, в Сычуаньской котловине, а в гористых западных и южных районах плотность населения составляет менее одного человека на квадратный километр.

Скоро и так неширокая прежде долина суживается и превращается в тесное ущелье. Поезд, словно запутывая следы, сворачивает на восток, берет южнее, южнее, и вдруг — элегантный зигзаг, и он снова мчится на север, скрывается в гулких тоннелях, салютуя тоскующим у врат подземных чертогов молоденьким солдатам железнодорожной охраны, змеится по узкому каменистому ложу глубоких каньонов, где торжественно и грозно нависают над головой гладкие, словно отполированные искусной рукой скалы. Там, где горы не столь круты и каменисты, виднеются судорожно цепляющиеся за склоны жалкие клочки полей; в редколесье на скудных кочковатых травах пасутся худые козы.

Минут десять стоим на маленькой станции Пусюн. Выскакиваю на перрон и ежусь от прохлады: в Куньмине было значительно теплее. На станции и в поле за станционными постройками, словно тени из далекого прошлого, неторопливо двигаются одетые в черное женщины. Похоже, это аборигены здешних мест — ляншаньские ицзу.

Вскоре железная дорога выбегает к берегам быстрой, пенящейся бурунами Дадухэ, притока Миньцзяна, которая приводит нас к раскинувшемуся в широкой долине городу Эбянь. Его визитная карточка — плоские крыши заводских корпусов и дымящиеся фабричные трубы. Столь заурядный индустриальный пейзаж как-то не вяжется со сложившимся у меня представлением об Эбяни как крае исключительно диком и труднодоступном. А могло ли сложиться иное впечатление, если на протяжении веков в донесениях сычуаньских чиновников, которых немало прошло перед моими глазами, название Эбянь, как правило, фигурировало в таком вот сочетании: «Иностранцы из Эбяни снова бесчинствуют и грабят в...».

Мои соседи по полкам — среднего возраста инженеры из Цзянси, командированные в Чэнду по каким-то своим, видимо страшно секретным и важным производственным делам. В ответ на мои расспросы они только вежливо улыбаются, обретая абсолютно непонимающий — с намеком на

несовершенство моего китайского — вид. Это, однако, не мешает им прекрасно воспринимать мой пекинский диалект, как только речь заходит о вещах нейтральных и обыденных. Кроме этой тройцы соседствуют со мной пятеро совсем молодых офицеров, то ли из-за проблем с билетами, то ли в целях экономии занимающих все вместе одну среднюю полку, на которой отдыхают по очереди. Пейзаж за окном их интересует мало, разговор у нас не клеится, и в купе, если не принимать во внимание бесконечный перестук колес, почти все время стоит тишина. Но и цзянсийцы, и офицеры настойчиво угощают меня прихваченными в дорогу деликатесами — дарами китайских тропиков. Отказаться, когда тебе чуть ли не насильно укладывают в рот очищенный банан и по-детски обижаются в случае отказа, довольно трудно. Но не менее сложно заставить их принять свое угощение. «Спасибо, я сыт», — стандартный ответ, подкрепляемый дежурной улыбкой и прижатыми в знак благодарности к груди руками. Трудно понять, на чем основана эта манерность поведения: причиной ли тут обычное гостеприимство хозяина по отношению к гостю — а китайцы, в чем я не раз мог убедиться, народ исключительно гостеприимный — или комплекция моя, пострадавшая в процессе двухдневной голодовки в Дали, не внушает особого доверия, но меня везде и всюду настойчиво подкармливают и опекают. Хотя в любом случае чувствуешь себя как-то не очень уютно, когда тебя покровительственно и жалостливо (неужели у меня такой изможденный вид?) пытаются подкармливать не избалованные изобилием китайцы.

В 16. 12, точно по расписанию, поезд прибывает на станцию Эмэй. Меня встречают начальник иностранного отдела тов. Тун У и довольно свободно щебечущая по-английски переводчица Ли Вэй. За их спинами маячит грозный символ моего скорого разорения — «хлебный фургон». Опять прием по высшему разряду и за мой счет...

На пути к гостинице — а это каких-то десять километров — обсуждаем мои планы на период пребывания в Эмэе. К сожалению, надежды на конкретную помощь со стороны местных товарищей немного. Единственное, что они в силах и что обещают подыскать, — кое-какие материалы о восстании Ли Юнхэ и Лань Чаодина: происходило в центральной Сычуани такое довольно крупное восстание китайского крестьянства в 1859—1863 гг., затронувшее краем и Эмэй, но шансов на что-то интересное мало. Так что главной задачей остается, как и предполагалось, восхождение на Эмэйшань.

Горы Эмэй расположены в 7 км к юго-западу от одноименного города и в 158 км к югу от провинциального центра

Чэнду. Притягательность Эмэйшань и для китайцев, и для иностранцев заключается прежде всего в том, что они являются одной из четырех священных для буддистов горных систем Китая. Кроме Эмэй в их число входят: Путошань в пров. Чжэцзян, Цзюхуашань в пров. Аньхой и Утайшань в пров. Шаньси.

Горы Эмэй занимают площадь около 200 кв. км и состоят из Первого (Большого), Второго и Третьего Эмзев. Туристы посещают обычно лишь Первый, Большой Эмэй, поскольку на его склонах можно лицезреть все прелести и красоты здешних мест. Там же сосредоточено подавляющее большинство исторических и религиозных памятников.

Название «Эмэй» довольно поэтично и означает «Крутые брови». Если смотреть на Эмэйшань издалека, они похожи на длинные, тонкие, кокетливо изогнутые женские брови, такие, какие считались эталоном красоты у первых прелестниц Поднебесной.

Возникнув как результат тектонической деятельности много миллионов лет назад, горы Эмэй славятся крутыми и опасными обрывами, глубокими пропастями, остроконечными пиками и в то же время доступны для восхождения на вершину практически любому здоровому человеку. Самая высокая точка Эмэйшань — Ваньфодин (Пик несметного числа будд) — находится на высоте 3099 м над уровнем моря. На 22 м ниже лежит Золотая вершина, когда-то религиозный, а ныне туристический центр Эмэйшань.

Круглый год горы покрыты растительностью; ботаники насчитывают на них свыше 3 тыс. видов растений, некоторые из них являются реликтовыми. По мере подъема можно наблюдать естественную смену природных поясов, а в разное время года горы то покрыты сплошным цветочным ковром, то укутаны туманом и облаками, то серебрятся снежным покровом, то скрыты мягкой изумрудной зеленью лесов.

Горы богаты и культурными реликвиями. Со II в. н.э. даосы и буддисты начали строить на них храмы и монастыри. К VI в., когда буддизм широко распространился по Китаю, Эмэйшань стали одной из буддийских святынь, поскольку, по сложившемуся к тому времени преданию, здесь проповедовал ученик будды Шакьямуни — Самантабхадра (уже упоминавшийся мной Пусянь). В период расцвета буддизма в Китае (XIV—XV вв.) число монастырей и храмов на Эмэйшань достигало полутора сотен. Большинство из них безвозвратно погибли, но более 20 существуют и поныне, а в последние годы активно восстанавливаются и реконструируются. Все это уже много веков манит к себе жителей Среднего государства.

Подняться на Эмэйшань престижно для каждого китайца. Когда-то этот путь проделывали ревностные буддисты, для которых посещение всех четырех «буддийских гор» было делом крайне почетным и засчитывалось в реестр благих деяний. Теперь это в большей степени традиция, чем религиозная акция, хотя и сегодня у украшающих храмы скульптур Гаутамы, Майтрейи, Гуаньинь и других будд и бодисатв курятся терпким ароматом сандаловые палочки и склоняются в поклоне седые и совсем еще черные головы. Подняться на вершину, полюбоваться окрестным пейзажем, встретить своеобразный на высоте 3 км восход солнца — об этом в Китае мечтают многие. Круглый год, и особенно в самый благоприятный весенне-летний сезон, к подножию Эмэйшань непрерывным потоком едут на поездах и автобусах туристы из самых отдаленных уголков Китая. Останавливаются на ночь в гостиницах у подножия, а ранним утром, лишь только забрезжит рассвет, трогаются в путь.

К самому подножию Эмэйшань, к утонувшей в зелени леса на склоне невысокого холма гостинице с поэтическим названием «Красная жемчужина» привозят меня эмэйские товарищи, быстро договариваются о чем-то с администратором, устраивают, желают успешного восхождения и прощаются до послезавтра.

Местность, в которой расположился отель «Хунчжу», очень живописна. Отгороженная от автодороги запретительными знаками, лежащая чуть в стороне от потока рвущихся к достопримечательностям Эмэя туристов, она расслабляюще тиха и безмятежна. Воздух упоительно-свеж, абсолютно недвижим и насыщен ароматом цветущих деревьев. Тишину нарушают лишь невидимые в густой зелени, неугомонно чирикающие воробьи да время от времени покаркивающая в отдалении ворона. В тусклой и сонной воде затаившегося в ложбине пруда плещется рыба молодь. А на берегу розовеют спелые ягоды земляники, свежие, аппетитные, но, к досаде моей, совершенно безвкусные.

Небольшой сувенирный магазинчик при гостинице не может предложить ничего, кроме примитивной, отпечатанной на тонком листке бумаги карты-схемы (схема 3), где расписаны несколько маршрутов восхождения. Вместо этого листочка можно обзавестись сумкой или носовым платком с тем же, может чуть менее подробным планом Эмэйшань. Этого, конечно, маловато, но одно мне совершенно ясно: ни один из указанных маршрутов мне не подходит — они рассчитаны на три-четыре дня, в моем же распоряжении всего полтора.

Традиция предписывает подниматься к вершине не спеша,

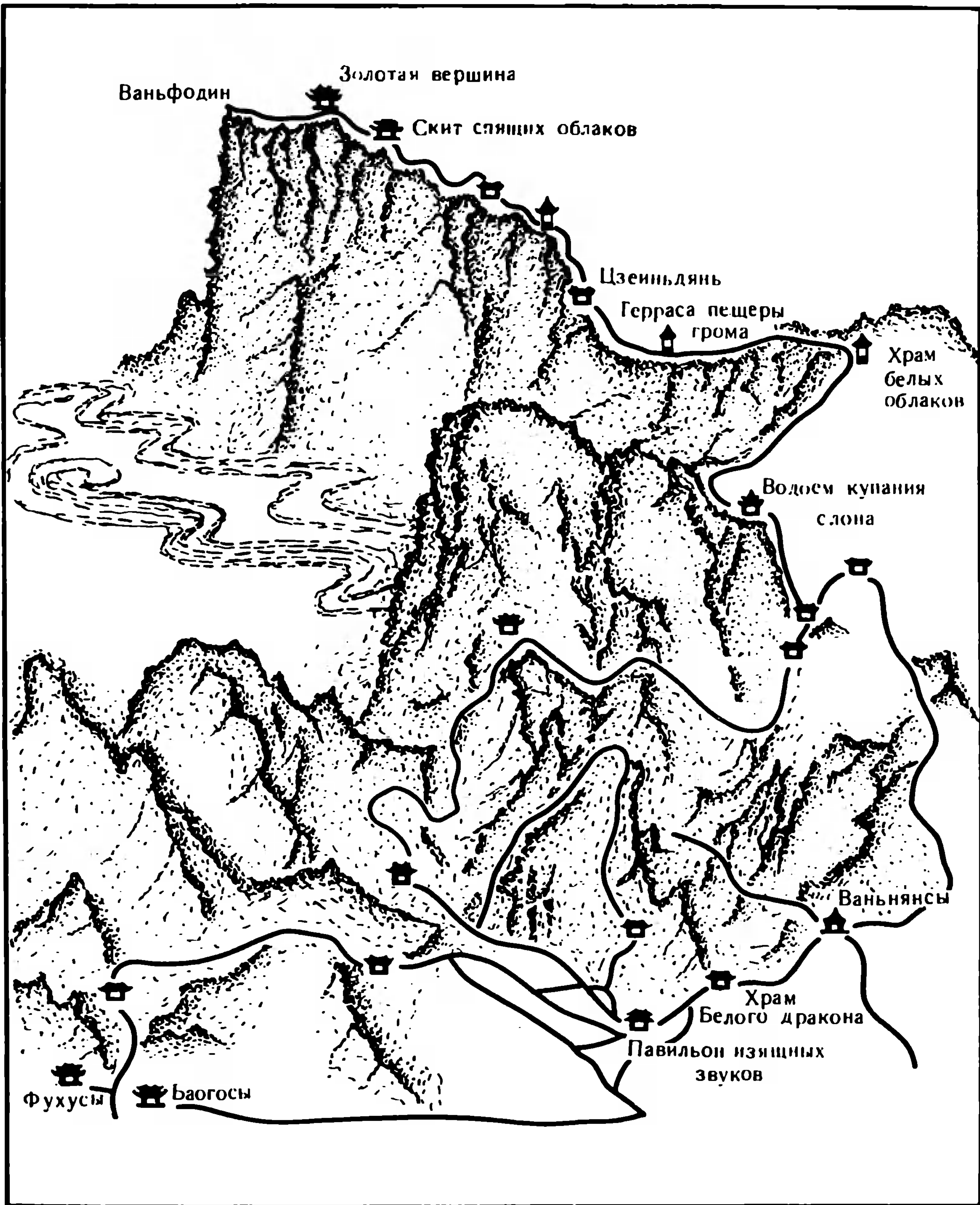

Схема 3. Туристская карта Эмэйшань

наслаждаясь пейзажем, осматривая достопримечательности и не забывая почтить вниманием буддийских святых, останавливаясь на ночлег в монастырях и храмах, истари дававших приют пилигримам и запоздалым путникам, а ныне в большинстве своем превращенных в постоялые дворы. Честно говоря, и мне хотелось бы проделать все так, как на протяжении многих веков поступали неделями и месяцами добравшиеся до священной горы паломники: вооружиться прочным деревянным посохом, закрыться от палящего солнца или дождя широкополой соломенной шляпой и, погружившись в самосозерцание, подчеркнуто углубленное на фоне открывающихся в пути природных чудес, медленным и глубоко осмысленным шагом двинуться к вершине. В конечном счете только так можно хотя бы отчасти — насколько это возможно для европейца, не верящего ни в будду, ни в какие другие сверхъестественные явления, — испытать те чувства, которые обуревали на склонах Эмэйшань и ревностного буддиста, и простого крестьянина, на всякий случай не забывавшего ублажать и даосских святых, и буддийских богов. Да и нежданно пробудившееся тщеславие настойчиво зудило: «Иди пешком... Иди пешком... Тогда ты сможешь говорить, что совершил восхождение на Эмэйшань. В противном случае...»

XX век породил немало соблазнов, разрушил многие традиции и внес технические поправки в устоявшийся ритуал восхождения на буддийскую святыню, превратив его из трудного, порой опасного, но освященного истинной верой религиозного акта в легкую и даже в чем-то легкомысленную туристическую прогулку. Опасные тропы, которых ранее было немало и из-за которых редко кто рисковал подняться до самой вершины, после 1949 г. были укреплены, расширены, и подъем стал безопасным и значительно более легким. А веянием самого последнего времени стали взбирающиеся почти на самую вершину маршрутные такси. И вот я стою у кассы, продающей билеты на бензиновые чудовища, вмиг разрушившие сложившийся вокруг древней процедуры прелестный и таинственный ореол, и пытаюсь найти единственное верное решение в противоречивых условиях задачи: тяга к чистоте эксперимента, фактор времени, происки тщеславия... Последнему в конечном счете приходится смириться: полтора дня, конечно, достаточный срок, чтобы отсчитать 35—40 км до вершины и столько же вниз, но силы мне еще пригодятся на будущее. Поэтому выбираю компромиссный вариант: до вершины — с помощью техники, назад — на своих двоих. Правда, в этом случае я теряю право гордо утверждать, что

поднялся на Эмэйшань, и могу лишь констатировать, что я был на вершине, но это уже нюансы, и надо же чем-то жертвовать.

Однако, пока я боролся со своим упрямым внутренним голосом, билеты оказались распроданы. «Мэй ю», — хлопывая свой министерский конduit, констатирует бойкий распространитель квиточков на пользование вожделенным четырехколесным счастьем. Наседавшие на него китайцы расходятся, а он, моментально оценив меня хитрющим взглядом героя средневековых плутовских романов, жестом фокусника извлекает из небытия тоненькую книжицу сброшюрованных автобусных билетов: «Последний. Только для Вас!»

Не чувствуя здесь никакой скрытой подоплеки — в искреннем расположении китайцев к иностранцам убеждаться приходилось не раз, — с благодарностью выкладываю 8 юаней и только в гостинице осознаю, что стал участником хитро задуманного предприятия и что парень этот неплохо зарабатывает. В сброшюрованной книжице (и уж явно не только в моей) всего семь одноюаневых талонов. Это означает, что с восьмым будет проделан маленький бизнес и в автобусе следует ожидать дополнительных пассажиров.

Итак, с билетом в кармане, но с не рассеившимися до конца сомнениями отправляюсь ужинать. Устраиваюсь на маленькой открытой террасе одноэтажной, явно «до освобождения» построенной столовой. Посетителей немного, человек пятнадцать. Не очень изысканное, но быстрое и вежливое обслуживание, ассорти из мясных и овощных блюд, как обычно, маленькими порциями, но в прекрасном сочетании и исполнении. Первый нормальный ужин за последние три дня. Нетрудно от всего этого прийти в умиление.

За моим круглым столом, ближайшим к источающему букет самых различных запахов входу на кухню, пристраиваются девушки-официантки и юноши-повара, покрывают его разнообразными и весьма аппетитно выглядящими блюдами и не спеша приступают к трапезе. Интересно, в честь чего и почему это обилие? Да и вообще такое поведение официантов для Китая довольно необычно.

Самый простой и надежный путь, чтобы завязать в такой ситуации знакомство, — несколько слов благодарности за вкусный ужин и похвала искусству поваров. В ответ — благодарные улыбки и неподдельный интерес к иностранцу, говорящему по-китайски. И, конечно, традиционные вопросы: кто? откуда? какие впечатления? Куда — не спрашивают, ясно и так. А дальше был эффект разорвавшейся бомбы, вызванный, однако, не появлением у подножия Эмэйшань русского —

кого они здесь только ни встречали, — а сорвавшейся у меня с языка невинной фразой: «Фуданьский университет...» Заговорили разом, удивленно, обескураженно, торопливо. Еще бы: все те яства, которые столь скоро исчезали с моего стола, были специально приготовлены для «почетного гостя из Фудани», который, увы, «не объявился». И теперь этот «почетный гость» сидит за их столом. Чем было утешить искренне расстроенных этим казусом ребят? Только тем, что ужин и так был великолепен. В качестве компенсации получаю множество советов бывалых восходителей: в чем идти, где ночевать, что с собой брать.

Уже в темноте отношу вещи в камеру хранения, оставляя при себе лишь самое необходимое: документы, деньги, фотоаппараты. Но еще не до конца уверен, что буду делать завтра.

Поднимаюсь в пять часов, еще до того, как пронзительно пищит будильник. Будит шум: голоса, хлопанье дверей, бульканье воды в кранах. Постояльцы «Красной жемчужины» выступают в поход.

В «Чунцине» — основательно скроенном и прочном на вид микроавтобусе сычуаньского производства — мест немного, всего десять. Но еще троих, в том числе двух энергичных старушек с полными корзинами благовоний — то ли на продажу, то ли для каждого архата по палочке, — шофер усаживает на табуретки. Вот он где, мой восьмой юань.

До Цзеиньдяня, храма с названием несколько мрачноватым, ибо в переводе оно означает «Зал, где души умерших отправляются в рай», чуть более 50 км и 2,5 часа пути. Около часа едем по узкому гладкому асфальтированному шоссе, вьющемся вдоль глубокого, усеянного огромными валунами русла горной реки. Воды в ней почти нет, лишь жиденький ручеек то появляется, то исчезает среди камней. Но можно представить, что здесь творится в пору таяния снегов или ливневых дождей, нередких на Эмэйшань! А потом на смену асфальту приходит грунтовка и начинается сущий ад, имеющий вполне конкретное название: ремонт дороги. Означает это аккуратно уложенную, но до невозможности ребристую каменную подушку, по которой, кряхтя, дребезжа, подпрыгивая, со скоростью унылого пешехода тащится автобус. У обочины виднеются орудия труда: совки, мотыги, плетенные из бамбука корзины и носилки. Единственная техника — простейшая камнедробилка. Рабочих еще не видно: трудовой день начинается немного позднее.

На всем своем протяжении дорога окружена плотной стеной зелени. По мере подъема к вершине меняется растительность: постепенно исчезают бамбук, субтропический кустар-

ник, и на смену им приходят хвойные деревья. Где-то в середине подъема все склоны усыпаны белыми, желтыми, розовыми цветами рододендрона, богатством и разнообразием видов которого особенно славятся горы Эмэй. Даже в такую пасмурную, как сегодня, погоду они удивительно ярки и красочны.

Ближе к вершине накрапывает дождь. На автостанции у Цзеиньдяня — толпы туристов, осаждающих автобусы. Информация от них поступает неутешительная: вчера на Золотой вершине весь день была плохая погода и временами шел дождь. В таких условиях — ни чудесных пейзажей, ни восхода солнца. Погода на Эмэйшань непостоянна и своенравна, словно характер крутобровых красавиц. У подножия может светить солнце — как и было накануне, — а на окутанной облаками вершине рыдают дождевые тучи; на середине горы пасмурно, а над ее макушкой сияет бездонное небо. Остается надеяться, что мне повезет больше. По крайней мере до сих пор везло.

От Цзеиньдяня до Золотой вершины 6 км пути, в основном довольно крутых каменистых ступенек, под сенью безмолвных сосен забирающих выше и выше. Ближе к вершине сквозь туман натужно пробивается солнце. В его лучах бриллиантами играют запутавшиеся в паутине дождинки. Идти становится радостно и легко, ускоряю шаг, обгоняю неторопливо бредущих вверх путников, и вот я уже у цели.

Совершенно голое, если не считать явно не украшающих его строений, и после очаровательного лесного пейзажа какое-то неприятно-унылое бугристое плато площадью около 1 кв. км являет собой живущий энергичной и деловой жизнью поселок. Упираются в небо мачты радиоцентра, за невысоким заборчиком белеют приборы метеостанции, грудятся в неглубокой ложбине приземистые бараки, и над всем этим, на самой высокой точке, словно остов потерпевшего крушение в волнах житейского моря и выброшенного на высокий берег брига, смотрят вдаль пустыми глазницами окон серые стены полуразвалившегося каменного строения.

Перво-наперво дорога приводит меня к Скиту спящих облаков — бывшему женскому монастырю, а ныне гостинице: не помешает заблаговременно позаботиться о ночлеге, а уж потом можно и пасть ниц перед шедеврами эмэйской природы. В маленькой комнатухе с окном, выходящим на Золотую вершину, нет ничего заслуживающего внимания, кроме, пожалуй, двух теплых пальто на вешалке у входа. Сейчас, когда над головой висит яркое и полетному жаркое солнце, даже не верится, что они могут пригодиться. И все

же, учитывая непостоянство здешней погоды, я спешу сделать несколько снимков клубящихся у самой вершины облаков.

«Море облаков» — одна из знаменитых достопримечательностей Эмэйшань. Когда белое волнистое покрывало растягивается на много километров вдоль, до самого зыбкого, рыхлого горизонта, — это изумительная картина. А сегодня это море бурливо, оно все злее и злее накатывает на скалистые берега и наконец захлестывает землю, затягивает все окрест плотной и вязкой пеленой. Становится прохладно и сыро, и я вспоминаю, что с утра ничего не ел.

Правда, обед в одной из темных, закопченных и не блестящих чистотой столовых не радует. Он безвкусен и тускл, как еще больше посеревшая после полудня погода. Не остается ничего иного, как рассеянно, и щедро расходуя вдруг оказавшееся в избытке время, изучать немногочисленные достопримечательности Золотой вершины.

Своим названием эта, как я уже говорил, не самая высокая, но самая популярная точка Эмэйшань обязана возвышавшемуся когда-то на самом высоком ее месте Залу будды. Зал шириной около 20 и высотой в несколько метров был отлит из бронзы и именовался Золотым. В центре зала стояла статуя бодисатвы Самантабхадры, по бокам — множество изображений будды, а на внутренней стороне дверей вырезана карта гор и рек Сычуани. В зале находилась также бронзовая стела второй половины XV в. На ее лицевой поверхности были высечены «Записки о строительстве бронзового зала на горе Большой Эмэй», начертанные стилем знаменитого каллиграфа IV в. Ван Сичжи, а на оборотной — «Стела о Золотом зале бодисатвы Пусянь на Эмэйшань» в стиле Чу Суйляна, не менее знаменитого мастера кисти первой половины VII в.

Золотой зал не был первой буддийской святыней на вершине Эмэйшань. Еще в период Восточной Хань, во II в. н.э., здесь был воздвигнут храм Пугуан, названный так по имени храма, построенного рядом с тем местом, где, по преданию, прозрел будда Шакьямуни. Трудно сказать, сколько раз он сгорал и восстанавливался: грозы, очень частые на вершине, неоднократно испепеляли деревянные строения. В последний раз храм был восстановлен в 1886 г., но вновь не устоял под ударами стихий, сгорев вместе с Золотым залом.

А стела из Золотого зала хранится в Ските спящих облаков, где почивают сегодня не облака, а многочисленные туристы. Для молений в нем отведена одна небольшая комната, в которой едва разместились небольшая черная статуя Самантабхадры и его верного слона и некоторые другие буддийские атрибуты. Сам храм оброс несуразными пристрой-

ками и сараями и приобрел тот нелепый и беспорядочный вид, который зачастую имеют бездумно перестраиваемые и реконструируемые на современный лад ветхие строения.

Несмотря на непогоду, на видовой площадке возле остова полуразрушенного здания толпится народ. Прохладно, и многие уже обрядились в длиннополые зеленые пальто, выдаваемые в гостинице напрокат. Самые активные грудятся на краю отвесного и ничем не огражденного обрыва. Передние бесстрашно нависают над пропастью, дно которой теряется в густом сером тумане. Задние напирают, стремясь протиснуться поближе к краю. Странная и по-детски наивная беспечность, полное презрение опасности, а между тем еще в давние времена это место не без тайного смысла называли Утесом ухода от мирской суеты. И все ради чего? Ради того, чтобы созерцать «нимб Будды» — радужные многоцветные круги, в центре которых иногда можно видеть и собственную тень (рис. 53). Уникальный оптический эффект создается пробивающимися сквозь толщу облаков и преломляющимися в тумане лучами солнца и с давних времен считается благостным символом, знаком будды. Увидеть его — значит быть счастливым.

Периодически над обрывом раздается протяжное «У-у-у...», бродящие поодаль туристы устремляются к краю площадки, и плотная людская масса безмятежно нависает над пропастью. Приятное развлечение! Но делать здесь, право, больше нечего. Разве что фотографироваться на Наконечнике ваджры — Священного буддийского жезла — остроконечном утесе, ограниченном с трех сторон бездонными провалами. Удобно устраиваюсь среди камней и довольно долго наблюдаю любопытную и в чем-то ритуальную процедуру: тщательный выбор места, хотя и выбирать-то не из чего, причесывание, макияж, репетиция и, наконец, позирование над обрывом или на фоне отвесных скал. Вокруг кружит несколько профессиональных фотографов, некоторые вооружены японскими камерами и все до одного снимают на пленках «Фудзи» или «Сакура». Отсюда хорошее качество снимков, но и приличная их стоимость. К тому же на вершине, видимо, действует «горный коэффициент», удваивающий цену за фотографию.

Группы туристов рассеяны по всей Золотой вершине: сидя кружками, закусывают принесенной с собою снедью, разговаривают, потрясают воздух рвущейся из переносных магнитофонов музыкой. А кто-то безмятежно спит, свернувшись калачиком на чахлой траве и прикрыв лицо мятой фуражкой.

До вечера так и хожу без дела. К самой высокой точке Эмэйшань — пику Ваньфодин — идти не рискую: ведущая

к нему тропинка тонет в густом тумане, который то слегка отступает под натиском ветра и солнца, то вновь наваливается на черные скалы непроницаемой бурлящей волной. К сумеркам поднимается холодный ветер, и приходится мне, как не претит уподобляться заполонившим вершину, словно пекинские улицы в зимнюю стужу, зеленым теням — облачатся в казенное пальто.

За ужином становлюсь свидетелем оригинальной, спонтанно вспыхнувшей дуэли. В поисках свободного места за столиком в набитой, как сельди в бочке, народом столовой один обругал другого, а тот, не долго думая, схватился за посох. Мне кажется, дробный перестук их «шпаг» был слышен по всей вершине. Вокруг сразу столпилась толпа любопытных. Все же зрелище, несколько развеявшее царящую вокруг скуку. Правда, невесть откуда появившийся полицейский быстро утихомирил распалившихся дуэлянтов.

Вечером над Золотой вершиной разразилась гроза. Сильный ветер разорвал завесу тумана, разогнал тучи, и у подножия засверкали огоньки г. Эмэй, железнодорожной станции, далеких и близких деревень, над головой засияли яркие звезды. По дороге в свою келью приходится лавировать среди наводнивших гостиницу постояльцев. Они везде: в просторной столовой, коридорах, больших и маленьких комнатах, на кроватях, раскладушках, столах и прямо на полу, укрывшись теми же зелеными пальто. Мой сосед — неразговорчивый китаец из Гонконга — уже сладко посапывает.

Наутро, как и накануне, меня будят разговоры, скрип рассохшихся половиц, шарканье ног. Темно. В окне красноватым светом мерцает утренняя звезда Венера, а там, в черноте ночи, где должен быть восток, тоненькой алой полоской обозначился рассвет.

Облачаюсь в свой зеленый балахон и выбираюсь на свежий, бодрящий воздух. На видовой площадке, понемногу заполняемой людьми, довольно прохладно, дует пронизывающий северный ветер. В ожидании восхода каждый ищет место поудобнее; толпится народ возле фотографов, записываясь в очередь на съемку в самый ответственный момент: на фоне восходящего светила.

Никаких следов буйствовавших вчера облаков и тумана. Подножие Эмэйшань затянута сизой, понемногу светлеющей дымкой. Небо из черного становится индиговым, на горизонте разрастается, ширится, охватывает все больше и больше пространства бледно-розовый разлив, а горизонт по-прежнему очерчен тонкой желто-оранжевой линией. И вот сквозь эту полоску прорывается вынырнувший из-за горизонта

маленький, величиной с мелкую монету, ослепительно белый диск. Лица усеявших всю кромку Золотой вершины людей озаряются мягким, золотистым светом. Замершая было людская масса приходит в движение, слетают с плеч тяжелые бесформенные пальто, девушки поправляют прически, мужчины приобретают серьезный и мужественный вид, и щелкают, щелкают затворы фотоаппаратов...

Пара минут — и солнечный диск уже висит над горизонтом, поднимается выше и выше, растет и заливает ровным ласкающим светом сразу повеселевшую Золотую вершину, заулыбавшихся зрителей, растрепанные верхушки сбегающих по склонам горы сосен. И все же сегодняшней восход хотя и красив, но ни дивным, ни необычным его не назвать. А знамениты Эмэйшань другим восходом, когда бордовое солнце медленно выплывает из клубящихся под вашими ногами облаков, как будто поджигая их и превращая белую пену в бушующее огненное море. Это зрелище изумительно смотрится даже на фотографиях. Так что разогнавшая облака и туман фортуна слегка перестаралась.

Но что великолепно просматривается в это ясное, прозрачное утро, так это укрытые вечными снегами серебристые вершины Гунгэшань, самых высоких в Сычуани гор. На 7500 м над уровнем моря возвышается главная вершина Гунгэ. С нее Эмэйшань, видимо, даже не разглядеть.

Наступившее утро вконец разбудило огромный муравейник, который, как оказалось, собрался вчера на вершине под маскировочной шапкой тумана. Самые энергичные и нетерпеливые начинают спускаться. Выступаю и я, по первости бодрой рысцой, с хода обгоняя своих неторопливых попутчиков.

Избираю самый короткий, 30-километровый маршрут, он же, как мне кажется, самый напряженный и самый интересный. Эти километры от Золотой вершины до Храма бесчисленного количества лет пробегаю за пять часов, отдыхая каждый час по десять минут. Вниз — не вверх, это намного легче; подбираю удобный ритм и шаг и очень скоро начинаю чувствовать себя ужасно деловитым и донельзя занятым кузнечиком, автоматически пересчитывающим бесконечные ступеньки каменных лестниц, ничего не видящим, не слышащим и чересчур озабоченным стремлением к достижению конечной цели, чтобы по-настоящему увидеть всю прелесть окружающей природы. Заставляю себя сбавить обороты и пристальнее вглядываться в таинственный зеленый мир.

Но обо всем по порядку. По холодку да со свежими силами бежать вниз не составляет большого труда — и уже через

45 минут проскакиваю знакомый Цзеиньдянь и устремляюсь далее. Вдоль тропинки то там, то здесь расположились сараеподобные закусовые: два-три колченогих столика под навесом да сколоченные из бросового материала, просвечивающие многочисленными щелями убогие постройки. Выбираю одну, которая кажется немного почище. Набор блюд очень скромный: традиционные *сифань* — жидкая рисовая каша — и лапша. Выбираю первое, хотя и не являюсь его поклонником. Перевешивает здравый смысл: сифань можно выпить прямо из пиалы, не прибегая к палочкам. Свой-то я оставил у подножия, а стоящие в грязном стакане на столе поблескивают таким подозрительным салынным светом, что к ним просто опасно прикасаться. Краем глаза замечаю, что за перегородкой хозяйка протирает только что извлеченные из подозрительного цвета воды приборы той же тряпкой, которой только что вытирала стол. Остается прибегнуть к психотерапии и истреблять прорывающихся в мой организм микробов с помощью своих внутренних ресурсов.

Но как бы то ни было, от горячего завтрака получаю удовольствие и заряд энергии и продолжаю свой путь, но уже в более рваном темпе. Вскоре тропинка выводит на относительно ровную площадку, известную как Терраса пещеры грома (Лэйдунпин). Справа от террасы плотной стеной стоит сосновая роща, слева — отвесный обрыв, у которого еще можно обнаружить развалины древнего монастыря. За развалинами скрывается потайная тропка, бегущая вдоль отвесной скалы над глубокой пропастью, по-над увивающей ее стенки пышной растительностью. На обрыве — беседка с оранжевой двухъярусной крышей. Говорят, что поблизости от нее в прежние времена стояла железная табличка с надписью, запрещающей шуметь. Считалось, что громкий разговор или смех на этом месте могут моментально вызвать бурю.

И снова бежит тропинка вниз, среди таинственных вековых сосен и стройных кипарисов, изредка освежаемых яркими пятнами цветущей аралии. Пробегаю мимо не приметного храма Белых облаков, за которым начинается резкий спуск по склону Пристального взгляда и склону Архатов к Сисянчи — Водоему купания слона.

Уже издали просматриваются серебристые крыши и красные стены монастыря, похожего на ребристый шлем сказочного богатыря, нахлобученный на макушку островерхого, усеченного с двух сторон глубокими обрывами утеса. Сейчас трудно утверждать с достаточной достоверностью, когда на утесе впервые был построен крошечный скит, где предавались

размышлениям и коротали дни буддийские монахи. Кто говорит, что в период Мин, а кто утверждает, что много ранее, еще в период Южной Сун (XII—XIII вв.). Достоверно известно только, что в 1699 г. скит был перестроен в монастырь, названный Сисянчи. Водоем возле монастыря действительно имеется: маленький шестнадцатигульный бассейн перед входом, но причем здесь слоны?

Предание, однако, сообщает, что однажды покровитель Эмэйшань Самантабхадра, перед тем как отправиться на Золотую вершину, искупал в этом водоеме своего верного слона и в память об этом знаменательном событии был воздвигнут храм. Ныне в храме Сисянчи поклоняются богине милосердия Гуаньинь, божеству земных недр Ди Цзану (его еще называют владыкой ада) и самому будде Шакьямуни.

И еще одно удивительное свойство приписывает людская молва утесу, на котором стоит монастырь. Именно с него открываются самые прекрасные картины усыпанного звездами вечернего неба, на которое медленно выплывает из-за вершушек темно-зеленых сосен знаменитая луна Крутобровых гор. Этой луной не раз восхищался в своих стихах Ли Бо, и одно из самых знаменитых стихотворений так и называется — «Песнь луне Эмэйшаньских гор»:

Луна Эмэйшаньских гор.
 полумесяц осенний!
В реке усмирённых Цзянэв
 купаются гени...
От чистых Ручьев плыву
 по дороге к Трем Безднам.
Госкую... к Юйчжоу
 спускаюсь вниз по теченью.

(Пер. Э.В. Балашова)

В окрестностях монастыря наиболее часто встречаются туристам бойкие эмэйские обезьяны, но они, как говорят, соблюдают режим и выходят на прогулку ближе к полудню, так что мне с ними повстречаться не довелось.

Еще один крутой спуск — и в ущелье Девяти хребтов дорога раздваивается: направо идет долгий извилистый путь, пролегающий через храм Пика отшельников, мимо древней, протянувшейся на добрый десяток километров пещеры Девяти старцев и скалы Коромысло, сквозь ущелье Полоска неба к подножию Эмэй, храму Баогосы; налево путь хотя и много круче, но километров на 20 короче, и ведет он к одной из главных достопримечательностей Эмэйшань — храму Бесконечного количества лет. Со всех точек зрения второй маршрут мне импонирует больше.

Чуть ниже ущелья Девяти хребтов покупаю у чумазой девчушки баллончик *цишуй* и устраиваюсь на отдых. Не лишне отметить, что цены на *цишуй*, как и на прочие товары, растут по мере того, как увеличивается высота над уровнем моря и расстояние от подножия. У гостиницы за такой двухсотграммовый баллончик берут два мао, ближе к середине горы — три, а на вершине — все четыре (а самые ушлые торговцы запрашивают с иностранцев по шесть). Торгуют в основном женщины и дети: мальчишки и девчонки школьного возраста. Какой-никакой, а приработок, а школа... Ей придется подождать лучших времен.

Поднять к середине горы свой товар — дело нелегкое, на вершину — тяжкий труд. Работающий подъемник доставляет грузы только для гостиницы и прочих государственных учреждений, а все остальное берут на свои натруженные плечи носильщики — сухощавые, жилистые мужчины, юноши и даже мальчишки, в одиночку или целыми группами, тяжело и надрывно дыша, одолевающие ступеньку за ступенькой бесконечного пути к вершине. Груз, который они переносят на специальном, крепящемся лямками на спине деревянном каркасе, достигает нескольких десятков килограммов. И так каждый день: 30 км вверх и столько же обратно. Но бывает ноша покрупнее: дети, еще не готовые проделать многокилометровый путь самостоятельно, сухонькие старушки, не надеющиеся на свои натруженные или иногда просто неспособные к долгой ходьбе, изуродованные еще в дореволюционное время бинтованием «лотосовые» ножки. И я получил предложение воспользоваться таким вот переносным креслом от одного из спускающихся порожняком кули, но воспринял его слова не более чем шутку. Но когда мне навстречу попался восседающий на спине тяжело дышащего носильщика с красным от натуги и покрытым крупными каплями пота лицом холеный, самодовольный очкастый китаец — стало не до смеха (рис. 49). Рикшам в старом Китае приходилось, наверное, легче. Но коль за это платят, и платят, видимо, неплохо, а общественная мораль такого надругательства над человеческой личностью не осуждает, найдутся люди, вынужденные таскать на своем горбу новоявленных богатеев.

Дорога к Золотой вершине кормит ныне немало местных жителей: владельцев закусовых, мелких торговцев и кустарей, носильщиков. Она же позволяет собирать подаяние не унижительно и просяще, а как плату за важную и нужную работу. Погода на Эмэй непостоянна, и дорога страдает от дождей и оползней и нуждается в постоянном ремонте. И вот на различных участках пути попадаются старики, с усталой

неторопливостью ковыряющиеся в земле, выправляющие ступеньки, засыпающие ямы и рытвины, укрепляющие откосы. На затертых, прижатых к земле камушками листах бумаги надписи приблизительно такого содержания: «Я по собственной инициативе ремонтирую дорогу. Семья испытывает трудности. Прошу помочь». Рядом — потрепанная кепка, шляпа или кусок тряпки, в которую сердобольные прохожие изредка бросают мелочь: один, два, три, реже десять фэней. Между тем в храмах в ящички для пожертвований опускают куда более крупные купюры.

К полудню путников навстречу попадает все меньше, в основном люди пожилые или с детьми. Кто порезвее — тот уже далеко впереди. Идут в той же одежде, что ходят дома или на работу. Ни спортивных костюмов ни специальной обуви. Весьма экзотично смотрятся на горных тропах элегантно наряженные франты, вынужденные состязаться с жарой и трудным подъемом: пиджаки переброшены через плечи, галстуки распущены, сквозь белые рубашки просвечивают синие или зеленые майки, а из-под закатанных до колен модных брюк сияет малиновое трико. Все это дополняется модельными, на высоченных каблуках туфлями.

Еще один часовой бросок — и я у ворот одного из самых древних и известных храмов Эмэйшань — Ваньяньсы (рис. 17). Храм, расположенный на вершине наиболее высокого из цепи покрытых буйной растительностью холмов, был впервые построен в период правления династии Цзинь (265—420) и назывался тогда храмом Самантабхадры. В конце XVI в. после очередной реконструкции он был переименован в Храм святых, живущих бесчисленное количество лет. Отсюда и происходит его нынешнее название. В те времена храм состоял из семи павильонов и занимал большую территорию, но впоследствии пришел в упадок и частично разрушился, а в 1946 г. полностью, за исключением одного каменного здания, сгорел.

В 1953 г. Ваньяньсы был восстановлен, но лишь частично, и состоит сегодня из двух основных павильонов и дополнительных пристроек. Главный его зал, в общем, обычен для любого буддийского монастыря, а вот кирпичный павильон, построенный в период Мин, уцелевший в пожарах и восстановленный в середине 50-х годов, очень своеобразен. Поражает даже не его композиция: квадратное в плане здание увенчано куполообразной, не имеющей традиционных для китайской архитектуры стропил крышей, в центре которой и по краям высятся башенки в форме буддийских ступ; удивляет не лепной карниз, сводчатые двери и окна, поражает его необычная

окраска — нежно-розовый и нежно-желтый цвета его стен делают здание неестественно легким, воздушным, каким-то волшебным и игрушечным.

Внутреннее убранство павильона не менее самобытно. В центре под высоким расписным куполом на лotosовом троне восседает бронзовый Самантабхадра. Сам трон покоится на спине одетого в богатую сбрую белого слона, стоящего на четырех лotosовых подставках и опершегося на пол изящно изогнутым хоботом. Даже этому сказочному животному, отличающемуся от своих собратьев наличием шести острых, словно отточенные шпаги, бивней, нелегко нести свою ношу: ее общий вес составляет 62 т. Высота скульптуры — 7,3 м, возраст — свыше тысячи лет. Местные умельцы отлили ее в 980 г.

В зале царит полумрак; света, проникающего через открытые двери и небольшие окна, не хватает, чтобы в достаточной мере осветить купол и углы, поэтому изучить прочие его реликвии непросто. Во всех четырех стенах сделаны специальные ниши, где стоят отлитые из железа изваяния будд; выше их по периметру здания в шесть ярусов расположились еще 307 маленьких будд, подобострастно взирающих на величественного и невозмутимого Пусяня. «Тысячи будд восхваляют Самантабхадру» — так называется эта композиция.

Из прочих культовых реликвий в зале хранится «зуб Будды», а также древние скульптуры будды Гаутамы, Майтрейи, Гуаньинь.

Храм утопает в зелени, располагает к отдыху и покою, радует глаз прекрасным пейзажем. Справа от него, словно ростки молодого бамбука, торчат стройные остроконечные пики. Их так и называют — Вершины каменных ростков бамбука. А дальше, в конце глубокой лощины спрятался омут Черного дракона (Хэйлунтань). У этого водоема занималась самосозерцанием в соответствии с буддийской доктриной героиня популярного средневекового романа «Повесть о белой змейке» Сяо Хэй.

За Ваньяньсы избираю неверное направление и, вместо того чтобы прямо спуститься к автостанции, попадаю к храму Белого дракона, тоже древнему, построенному в период Мин и реконструированному в цинское время. Местные жители рассказывают, что раньше здесь была пещера, в которой готовила пилюли бессмертия другая героиня «Повествования о белой змейке» — Бай Нян.

Узкая, утопающая в тени тропинка ведет к последнему на моем пути Павильону изящных звуков (Циньиньгэ). Дорога пролегает через рощу, именуемую Лесом добродетелей. По

преданию, во времена минской династии благочестивый монах Хун Цзи, то ли замаливая грехи, то ли надеясь достичь таким образом бессмертия, высадил здесь 69 777 саженцев наньму, одновременно прочитав столько же сутр и отбив соответствующее количество поклонов будде. Сегодня сохранилось всего несколько дюжин этих пышнолистных, раскидистых деревьев, но они надежно укрывают путников от жаркого солнца.

И вот наконец Цинъиньгэ, одно из самых знаменитых мест на Эмэйшань. Стоит павильон на склоне горы Нюсинь — Бычье сердце. По западному ее отрогу сбегает быстрый и прозрачный ручей Черного дракона, по восточному — ручей Белого дракона. Метрах в 30—40 ниже павильона, легкие, ажурные строения которого затенены кронами окружающих его деревьев, ручьи сливаются в один бурный, пенящийся поток. Журчание ручьев, шум бьющейся о камни воды смешиваются с нежным шорохом листьев и долетают до павильона мелодичной, сладкозвучной музыкой. Два легких арочных мостика ведут к большому камню, разделяющему ручьи. Его называют Клювом феникса, ибо по своей форме он похож на погрузившуюся в воду мифическую птицу. На краю камня парит над водой легкая беседка Бычье сердце, а немного выше, по лестнице вверх — Павильон двух летящих мостов, изящное двухэтажное сооружение под двухъярусной крышей, не имеющее стен и словно парящее над землей. А в месте слияния двух драконовых ручьев лежит, стоически сдерживая напор бурлящего потока, большой, блестящий от воды и обрамленный кружевами пены камень, конфигурацией своей похожий на сердце быка.

Пейзаж очень милый, но, к сожалению, весьма захламленный, как и весь путь от вершины до подножия Эмэйшань: бумага, целлофан, пластиковые бутылки из-под цишуй, консервные банки. Вот она — обратная сторона цивилизации.

В половине третьего оказываюсь на автостанции в Лянхэкоу. Миллион желающих уехать и минимум транспорта. С трудом удается уговорить кассира продать билет на ближайший автобус. Номер билета — 85 — говорит сам за себя. Успеваю выпить чашку ароматного жасминового чая в расположенной тут же чайной и, энергично выдохнув и работая локтями, втискиваюсь в переполненный салон, где повисаю на чьих-то плечах и таким образом доезжаю до гостиницы, т.е. возвращаюсь туда, откуда накануне начал свой путь. Последние 15 км были покрыты, можно сказать, с относительным комфортом.

В иностранный отдел народного правительства Эмэя при-

сэжаю на 40 минут позже, чем договаривались. Моей вины в этом нет: просто автобус, на который я заранее купил билет, ушел на 5 минут раньше положенного, а следующий — через полчаса — вообще не пришел. Рабочий день уже закончился, и я ни на что не надеюсь. Тем приятнее было увидеть, что меня ждут. Ли Вэй угощает чаем и ючжаба — сладкими лепешками из рисовой муки собственного приготовления. Однако главный подарок — неопубликованная статья о восстании Ли Юнхэ и Лань Чаодина, которую мне вручают до завтра. Пожалуй, здесь для меня сделали даже больше, чем могли.

Утром душно и завораживающе тихо, если не считать легкого посвиста, треньканья и другого мелодичного шума, издаваемого заполнившей траву и кустарник живностью. Небо низкое и белесое. Эмэйшань затянуты мутной, молочного цвета дымкой.

До автобуса еще два часа, и я отправляюсь в Баогосы — Храм служения государству. Обычно с него начинают знакомство с достопримечательностями Эмэй, а у меня вот получилось все наоборот.

Утопающий в зелени стройных кипарисов и раскидистых наньму, Баогосы раскинулся на склоне довольно крутого холма. Четыре его главных зала — Майтрейи, Великого героя (как образно величали будду Шакьямуни), Семи будд и Библиотека буддийских сутр — стоят один выше другого, соединенными высокими лестницами. Построен храм в конце XVI в., расширен и обновлен в XVII в., и, как говорят, сам император Канси (1662—1723), знаменитый правитель Цинской империи, которого некоторые китаеведы на Западе сравнивают с Петром I и Людовиком XIV, дал храму его нынешнее имя и собственноручно начертал его на укрепленной ныне над каменными воротами деревянной доске. Из исторических реликвий в храме хранится изготовленная в 1415 г. фарфоровая скульптура Будды высотой 2,4 м. Оригинально смотрятся странный по форме кусок дерева, возвышающийся на постаменте перед залом Семи будд, и особенно начертанные по обеим сторонам от входа в павильоны «парные надписи». Если раньше в них содержались различные богоугодные мысли и сентенции, то ныне тексты куда прозаичней: они призывают не сорить, не нарушать общественный порядок, не фотографировать. Новый стиль древних дуйлянь, порожденный туристическим бумом 80-х годов.

Выставка картин и каллиграфии, воспевающих пейзажи Эмэйшань и доступных для покупки, также органически вписывается в композицию храмового комплекса, а вот электри-

фицированная карта туристических маршрутов на стене древнего здания серьезно его нарушает.

Есть в храме и небольшой цветник, наполняющий все вокруг тонким ароматом. Неудивительно, что в окрестностях Баогосы водится до 200 видов бабочек, среди которых встречаются очень редкие.

В километре к западу от Баогосы за плотной, густой стеной наньму прячется Монастырь затаившегося тигра — Фухусы. В сунское время он именовался Храмом священного дракона, но впоследствии то ли из-за водившихся в округе тигров, не отказывавших себе в удовольствии позавтракать неосторожным монахом, то ли в честь соседствующей с храмом горы, схожей по виду с затаившимся в засаде царем джунглей, получил свое нынешнее название.

В монастыре на видном месте висит доска с тремя каллиграфически выписанными иероглифами «Лигоуюань» — «Парк, свободный от грязи». Говорят, что они, как и надпись над Баогосы, были начертаны Канси. Императора поразила исключительная чистота храма, на территории которого, несмотря на то, что он стоит в густом лесу, нельзя обнаружить ни единого упавшего листа. С другой стороны, «лигоу» в буддийской трактовке означает освобождение от мирских страстей и иллюзий, так что скорее всего, стерильность храма здесь ни при чем.

В монастыре находится небольшая, но крайне интересная бронзовая пагода, отлитая в XVI в. На наружных стенках этой 7-метровой четырнадцатизэтажной башни отлиты 4700 изображений будды и текст сутры Хуаянь. Хуаянь — одна из школ буддизма, именуемая по названию сутры Хуаяньцзин (на санскрите — Аватамсака).

На этом мое путешествие по Эмэйшань заканчивается. Снова переполненный автобус и бегущая среди полей, невысоких покатых холмов и тесно жмущихся друг к другу деревень дорога. Час пути — и мы проезжаем уютно разместившийся в точке слияния трех рек — Миньцзяна, Дадухэ и Циньцзяна — г. Лэшань, пересекаем Миньцзян и через несколько минут останавливаемся у нависающего над рекой грузного, шишковатого и сплошь заросшего лесом холма.

Это и есть Гора девяти вершин, или, как ее чаще именуют, Линьюнь. Линьюнь можно перевести как «вознесение», а в буддийском толковании — «возвышение над миром». «Над миром» скала вознеслась не благодаря своей высоте — она приземиста и невелика — и не совершенству своих линий она обязана своей славой, хотя великий Ду Фу, как и все поэты склонный к преувеличениям, утверждал, что «из гор и рек

Поднебесной самые прекрасные — в царстве Шу; из шуских гор и рек лучшие — в Цзячжоу (так встарь назывался уезд Лэшань), цзячжоуские горы и реки располагаются в Линьюнь». Знаменита гора своим монастырем и его жемчужиной — изваянием Большого будды.

Массивные, крепостного типа ворота перекрывают вход. За ними по обеим сторонам круто взбирающейся вверх дорожки в тени деревьев прячутся от распалившегося солнца торговцы сувенирами: значки, открытки, носовые платки со схемой Эмэй и Большим буддой, шляпы и посохи для тех, кто еще собирается покорять горы Крутых бровей, все то, что продается и у подножия Эмэйшань. Люди идут сплошным потоком, и нетрудно догадаться, что монастырь превратился в процветающее туристическое предприятие. В старых, возведенных столетия назад постройках разместились две гостиницы, сувенирные киоски, магазин живописи и каллиграфии. Сохранилось красочное убранство зала Небесных владык (Тяньвандянь) с восседающими за кроваво-красными полами золочеными фигурами Шакьямуни, Амитафо и Йошифо; хитро и блаженно улыбается во всю ширь добродушной физиономии толстощекий Майтрейя в зале Милэфо (рис. 51); очень интересным показался мне образ Гуаньинь на фоне скульптурной композиции, изображающей жизнь монастыря Линьюнь. Курятся перед буддийскими святыми тоненькие палочки благовоний, но молящихся не видно, зато самодельных фотографов — хоть отбавляй. В отличие от эмэйских храмов здесь фотографирование не запрещено.

Основная масса любопытных толпится над головой и у ног Большого будды. Его гигантская фигура восседает в высеченной в скале нише над самым берегом Миньцзяна (рис. 50). Огромные ступни ног, на каждой из которых можно с относительным комфортом выстроить роту солдат, покоятся чуть выше кромки воды; руки расслабленно лежат на коленях; прищуренные глаза смотрят то ли вдаль, то ли в себя; плечи, руки, грудь в некоторых местах поросли травой и мелким кустарником. В «Записках о Большом будде монастыря Линьюнь» утверждается, что работа над изваянием была начата в 713 г. и продолжалась 90 лет. Только в 803 г. она была закончена. Высота исполина — 71 м, размеры головы — 14,7 × 10 м, ширина плеч 28 м, длина раскосых глаз — 3,3 м, ушей — 7 м. Лэшаньский будда — самый большой в мире.

Вырубленная в отвесной скале лестница резкими зигзагами ведет к подножию скульптуры. Вся стена вдоль лестницы изрезана глубокими нишами, в которых прячутся многочисленные каменные будды. Возраст многих из них — сто-

летия. Со спуска открывается наконец-то не заслоняемый кустарником вид на г. Лэшань. Равнобедренный треугольник застроенной современными белыми домами суши вдается в бледно-голубое, разрезанное песочными проплешинами отмелей водное пространство медленно и лениво сливающихся Миньцзяна и Дадухэ. Красиво! Не случайно такие классики китайской поэзии, как Ян Вэй, Ли Бо, Ду Фу, Лу Ю, Хуан Тинцзянь, восхищались открывающимися с Линьюньшань пейзажами. Путешествовавший по этим местам в 1059 г. Су Ши (Су Дунпо) писал:

Раз рожденный, я б не хотел
 быть пожалован титулом хоу;
Раз рожденный, я б не хотел
 познакомиться с ханьским Цзичжоу.
Я хотел бы родиться в Цзяшоу,
Пить вино и гулять по Линьюнь.

На одной из скал, у которой, по преданию, особенно восхищался окрестным видом поэт, отчетливо видна надпись «Место, где гулявшему Су Дунпо продавали вино». Уже после образования КНР рядом была построена беседка, которая так и называется — Беседка Су Дунпо.

А у ног Большого будды суетится народ. Под скалой, на самом берегу реки приютился маленький сувенирный киоск; прячутся от жары под пестрыми зонтами-ромашками фотографы. И я делаю несколько снимков — к сожалению, лишь отдельных частей тела будды, ибо объектив не может охватить фигуру со столь близкого расстояния, — и через пещеру по более пологой, но и более длинной лестнице поднимаюсь наверх, иду тенистыми аллеями, которые, однако, не спасают от навалившейся духоты.

К югу от Линьюньшань, за узкой протокой высится холм поменьше. На нем расположен еще один монастырь — Уюсы, существующий еще с периода Тан, а сохранившиеся в нем залы Небесных владык, Милэфо, Великого героя и Будды (Жулайдянь) были построены в период Мин — Цин. Находящиеся в зале Великого героя 3-метровые скульптуры будды, бодисатвы высшей добродетели и счастья Вэньшу (Маньчжушри) и Самантабхадры очень искусно вырезаны из камфорного дерева и покрыты позолотой.

Время меня торопит, и я заканчиваю свой вынужденно беглый осмотр, останавливаю один из проходящих автобусов и спешу на автостанцию. Увы, опоздал: последний автобус на Чэнду только что ушел, и мои надежды проехать по дорогам Чэндуской равнины провалились. Теперь нужно торопиться к последнему поезду на станцию Цзяцзян.

Окружающий пейзаж заметно отличается от того, что довелось наблюдать не только в бедной Гуйчжоу, но даже в плодородной западной Юньнани; дорога бежит по равнине, и кроме привычных глазу полей проплывают мимо и зеленые рощи, и покрытые свежими травами луга. Частые деревни выглядят зажиточно и преуспевающе. Местами идет пахота, и я впервые в Китае вижу на залитых водой рисовых чеках тракторы: маленькие железные мустанги, на которых восседают судорожно держащиеся за руль ковбои, норовисто прыгают, трясутся, переваливаются с боку на бок, пробираясь от бровки до бровки в грязно-бурой воде. А рядом уже ярко и сочно зеленеют прямоугольники рисовой рассады, золотится спелая пшеница. Прямо у обочины машут цепами крестьянки, обмолачивая собранный урожай.

Среди таких же разноликих полей лежит железнодорожная станция Цзяцзян. Отвыкший от комфортабельного проезда и измотанный переездами и перебежками последних дней, не сразу верю в удачу, когда кассир совершенно обыденным голосом предлагает «мягкий сидячий». Но оцепенение быстро проходит, и вот я уже в кресле весьма кстати прицепленного к составу дополнительного мягкого вагона. Два часа пути — и новая, доселе неизвестная страница путешествия — г. Чэнду.

Столица царства Шу

Чэндуский вокзал, новый и чистый снаружи и уже изрядно потертый внутри, так же шумен, тороплив и суетен, как вокзалы всех больших городов. На широкой, просторной привокзальной площади — оживление. К выплеснувшей с поезда и томящейся в ожидании автобуса толпе пассажиров лихо подруливают владельцы грузовых мотороллеров, умело переоборудованных в пассажирские, небрежно покручивая педалями, подъезжают велорикши, забирают самых нетерпеливых, вырывают на прямую, как стрела, Южную народную улицу и растворяются за чередой обрамляющих ее деревьев.

После чистого и свежего воздуха Дали и Эмэйшань атмосфера Чэнду пропитана липкой, удушающей, настоянной на пыли влагой. Бесцветное, подернутое легкой пеленой городского смога небо, застойный воздух, в котором не чувствуется ни малейшего дуновения ветерка — разве овеет газами промчавшийся мимо автомобиль, пыль и духота, — такая погода томила меня первые три дня, и лишь на четвертый, когда в ночной город ворвался порывистый ветер, стало свежее, а утром засиял синевой прежде казавшийся столь неприглядным и мутным небосвод.

В Сычуаньский университет, расположившийся на правом берегу неширокой, но быстрой Фухэ, сразу за Южной окружной дорогой, добираться хоть и с пересадкой, но довольно быстро. Обширная, сплошь в зелени буйной растительности территория оставляет приятное впечатление. Меня сегодня не ждут — несмотря на данные обещания, из Эмэй никто так и не позвонил, — но это ничуть не влияет на темпы моего устройства на новом месте. После бесконечных переездов, смены ночлегов, калейдоскопа впечатлений чувствую себя до предела уставшим, и предоставленное мне жилище — просторная комната в двухкомнатной квартире с кухней, ванной, газом и неназойливым соседом — уже 8 месяцев обитающим здесь стажером-японцем — кажется настоящими хоромами. До того, как в кранах исчезают газ и вода, успеваю помыться и в заключение устраиваю себе ужин из прихваченных по дороге пирожных и фруктов.

Чэнду оставил приятные воспоминания. Конечно, едва ли не главное значение в этом имел теплый прием со стороны сотрудников Сычуаньского университета, но были, кроме того, и полезные встречи, и ценные приобретения и интереснейшие экскурсии по историческим и культурным памятникам. Плодотворнейшая встреча и долгая беседа с широко эрудированным преподавателем исторического факультета Жань Гуанжуном повернула ко мне историю Сычуани новой, прежде незнакомой стороной. В закромах книжных магазинов, куда проникаю благодаря расположению продавцов, удается отыскать ряд любопытных изданий прошлых лет.

Кое-что удалось сделать и в библиотеке. Так что, несмотря на вялый саботаж со стороны моего перегруженного информацией и впечатлениями мозга, с трудом переваривавшего и усваивавшего новые сведения и инертно, без особого энтузиазма реагировавшего даже на самые заманчивые предложения, четыре дня в столице царства Шу были весьма плодотворными.

С первого взгляда трудно определить, чем отличается 8-миллионный Чэнду от многих других городов Китая. Центр — строгие, широкие улицы, одетые в зелень и застроенные современными бетонными коробками. Здесь, несмотря на сплошной поток машин, стоит непривычная уху тишина: подача сигналов запрещена, и трудно представить, как привыкшие по любому случаю давить на клаксон шоферы удерживаются от великого соблазна оповестить громогласно всех и каждого о своем приближении. Чуть в стороне — безалаберный, шумный китайский город: старые, почти без зелени кварталы, то же типовые, если термин этот применим к спонтанно разви-

навшемуся китайскому градостроению прошлых столетий. Масса магазинов и магазинчиков, множество промтоварных рынков, уже издалека заявляющих о себе яркими, сочными красками развешанной над прилавками текстильной продукции. Тут уже обращаешь внимание на наряды городских модниц и щеголей, которые, может, не так вызывающе пестры и претенциозны, как летние одежды законодателей мод — гуанчжоусцев, но для провинции достаточно смелы.

А сами чэндусцы отличаются от жителей соседних провинций и овалом круглых лиц, и солидной комплекцией, и даже — это уже главным образом относится к старшему поколению — избыточным весом. Тут уж сказывается влияние благодатной сычуаньской природы, щедро одаривающей жителей Красного бассейна разнообразными продуктами. А сегодня Сычуань стала колыбелью экономической реформы, здесь особенно быстрыми темпами внедряется семейный подряд в деревне, и результаты этой политики видны невооруженным глазом.

В городе, возраст которого перевалил уже за две тысячи лет, сохранилось немного исторических и культурных памятников, но те, что есть, заслуживают внимания. И в воскресенье ранним пасмурным утром я отправляюсь на западную окраину Чэнду на поиски одного из них — «Камышового кабинета Ду Фу».

В Чэнду жили и творили крупные литераторы Китая: Сыма Сянжу, Ян Вэй, Ли Бо, Су Ши, Лу Ю, Го Можо, Ба Цзинь. Шесть лет провел там и величайший поэт Китая Ду Фу.

Зимой 759 г., спасаясь от бедствий «смутного времени» — в это время бушевал в империи Тан мятеж, поднятый губернатором северо-восточной окраины Ань Лушанем, — Ду Фу приехал в не затронутую войной область Цзяньнань, как тогда называлась территория современной Сычуани. На западной окраине Чэнду в местности с поэтическим названием «Берег ручья, омывающего цветы», он построил себе тростниковую хижину, в которой прожил почти четыре года и сочинил около 240 стихотворений, среди которых такое знаменитое, как «Песнь о тростниковой хижине, разрушенной осенним ветром».

В одной из элегий Ду Фу назвал свою обитель «камышовым кабинетом в Чэнду». В современных словарях термин «цаотан», что и означает «камышовый кабинет», переводится как «жилище отшельника». Кто вдохнул жизнь в эту поэтическую метафору? Ду Фу?

В 765 г. поэт оставил свой «камышовый кабинет», и тот

очень скоро разрушился под напором стихии. В конце 70-х — начале 80-х годов XI в. в память о Ду Фу его почитатели построили на месте его жилища камышовую хижину, чем, сами того не ведая, положили начало созданию мемориала поэта, существующего уже девять столетий. Тринадцать раз его перестраивали, причем наиболее масштабно и основательно в 1500 и 1811 гг. Последняя реконструкция сильно пострадавшего в годы гражданских и революционных войн памятника началась в 1952 г. и продолжалась три года. В 1961 г. он был объявлен общенациональным памятником культуры и взят под охрану государством.

Сегодня в павильонах «Камышового кабинета Ду Фу» развернута выставка, посвященная тридцатилетию его воссоздания. В экспозиции — фотографии, рисунки, документы, книги, карты, рассказывающие о жизни и творчестве поэта, многочисленные издания его стихов на китайском и иностранных языках.

Все павильоны восстановлены в духе цинской архитектуры. На одной оси расположены центральные ворота, Большой зал, зал истории поэзии, «Ворота из хвороста», храм памяти Ду Фу. По бокам — пруд, тенистые аллеи, различные строения, среди которых крытая соломой беседка с установленной в ней стелой в честь основания комплекса. Возле беседки — толчея желающих запечатлеть свой лик на этом историческом фоне китайцев.

Многолюдно и в храме памяти Ду Фу — небольшом и скромном зале, как бы подчеркивающим ту простоту, в которой жил и творил поэт, — его всю жизнь преследовали беды, болезни, страдания, нищета. У задней стенки в решетчатой деревянной нише — скульптура Ду Фу. Справа и слева от нее — фигуры великих поэтов сунского времени Хуан Тинцзяня и Лу Ю; по периметру зала — выгравированные на камне рисунки «камышового кабинета» и всего мемориала Ду Фу, сочиненные литераторами и чиновниками эссе о его посещении, искусно вырезанные портреты поэта. Кое-где можно разобрать даты: 1602, 1671, 1779, 1811 гг. Они как бы отсчитывают вехи существования мемориала и подчеркивают, что время не властно над подлинным талантом.

От «Камышового кабинета Ду Фу» до второй знаменитой достопримечательности Чэнду — Ухоу цы (Храма князя У) — ходит специальный автобус, так что добраться туда не составляет особого труда. Но я выбираю второй, более сложный, но и более интересный вариант: обычный транспорт с пересадкой, но с возможностью поплутать по улицам незнакомого города. Честно говоря, плутание это особых восторгов не

вызывает: пыльно, шумно, многолюдно — вот как выглядит рабочая окраина в выходной день...

В стихотворении «Канцлер царства Шу» Ду Фу писал:

Где искать храм канцлера царства Шу?
Вне пышного чиновного града,
под сенью густых кипарисов...

Все 4 га территории, на которой расположен Ухоу цы, покрыты плотной шапкой зелени, сквозь которую с трудом проглядывают ярко-красные стены зданий и павильонов.

Ухоу цы (схема 4) создавался и существует как памятник первому министру царства Шу-Хань, знаменитому государственному деятелю, талантливому военачальнику и стратегу, герою легенд, сказаний и популярнейшего в Китае романа «Троецарствие» Чжугэ Ляну (181-234). Чжугэ Лян, которому за многочисленные заслуги основатель и правитель царства Шу Лю Бэй пожаловал титул князя У (Ухоу), пользовался в Китае большей популярностью, чем его сиятельный сюзерен. В начале IV в. н.э., вскоре после гибели царства Шу, почитатели таланта полководца заложили в память о нем «Храм князя У». Расположен он был по соседству с гробницей умершего в 223 г. и похороненного на окраине Чэнду Лю Бэя. В начале правления династии Мин храм Чжугэ Ляна был значительно расширен и реконструирован, в него вошла могила Лю Бэя, был построен отдельный павильон в честь правителя царства Шу. В 1672 г. Ухоу цы был еще раз реконструирован и сегодня в общих чертах сохраняет облик XVII в.

В восточной половине комплекса на одной оси расположены главные и вторые ворота, зал Лю Бэя, проходной зал и зал Чжугэ Ляна; в западной его части — могила Лю Бэя и связанные с ней постройки; в центральной — Водоем лотосов, окруженный легкими, изящными башенками и павильонами.

За главным входом, который и воротами назван лишь потому, что выполняет соответствующие функции, а сам, как это принято в традициях китайского храмового зодчества, оформлен в виде композиционно законченного произведения архитектуры, широкая дорожка пересекает заросший деревьями и кустарником двор. Справа и слева от дорожки прячутся в полумраке высоких кирпичных ниш каменные стелы. Правая стела была воздвигнута в 809 г. и называется «Стелой трех совершенств»: совершенств содержания, каллиграфии и ваяния. Автором текста, превозносящего заслуги Чжугэ Ляна в пресечении междоусобиц и объединении Китая, восхваляющего его верность монарху, его таланты, искусство выбора помощников

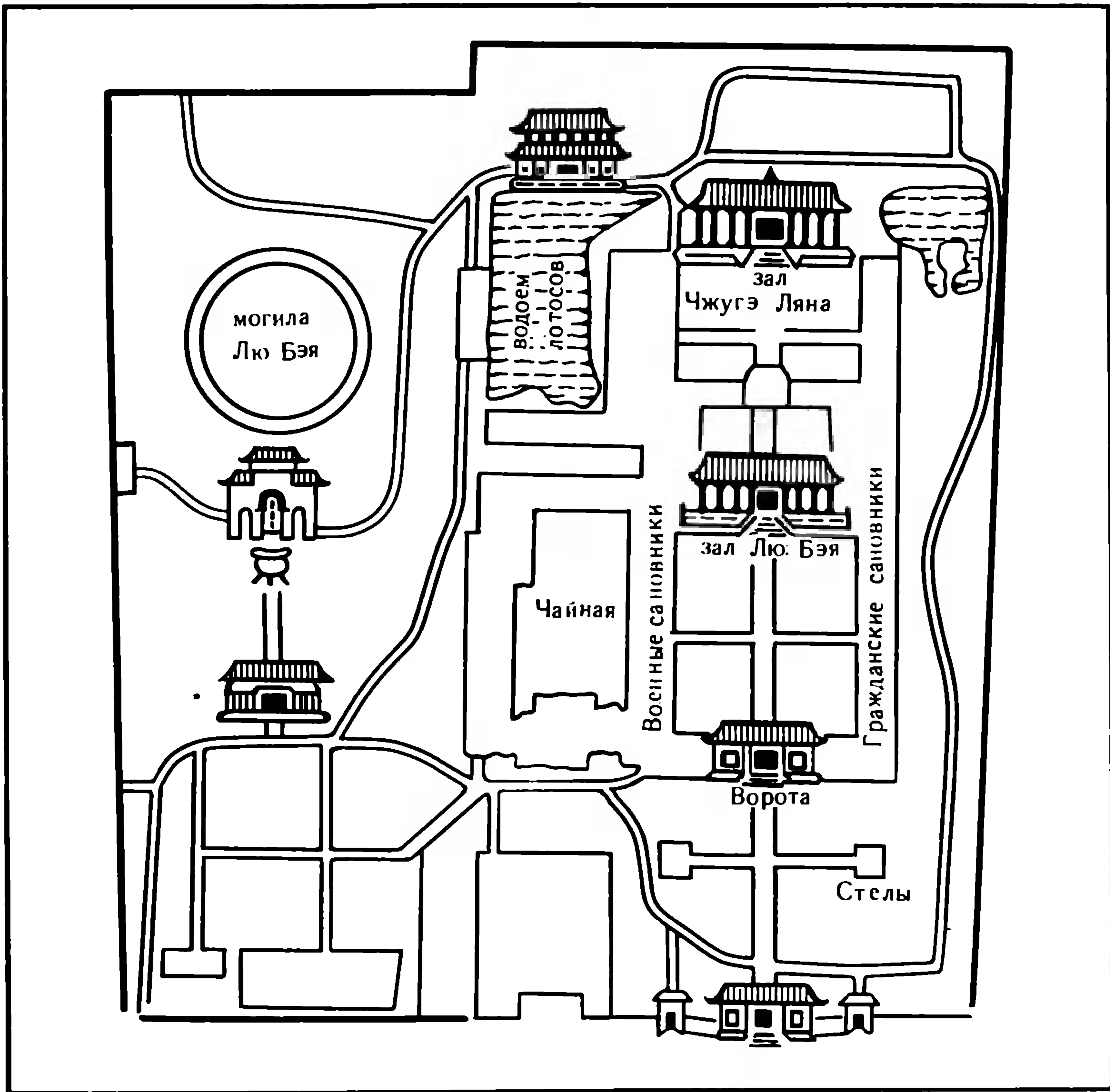

Схема 4. План Храма Ухоу

и управления людьми, чистоту и искренность его помыслов, был знаменитый канцлер династии Тан — Бэй Ду. Начертан текст сановником по должности и каллиграфом по призванию Лю Гуанцюанем.

Вторая стела установлена в 1547 г. Ее автором является губернатор Сычуани Чжан Шичэ, по приказу которого была произведена реконструкция храма и присоединена к нему могила Лю Бэя. Стела рассказывает об истории храма, восхваляет заслуги Чжугэ Ляна и Лю Бэя.

Прочие стелы, расставленные по периметру двора в некотором отдалении от двух основных, изготовлены позднее — в 1673, 1695, 1835 гг. — и не пользуются такой известностью, хотя содержание всех их в общих чертах совпадает.

За вторыми воротами — еще одним изящным павильоном — перед залом Лю Бэя лежит почти квадратной формы двор, с двух сторон обрамленный длинными застекленными витринами, в которых восседают богато, в золото и «шелка» одетые фигуры полководцев (слева) и сановников (справа). Всего в храме Чжугэ Ляна насчитывается 47 искусно сделанных и богато расписанных статуй политических и военных деятелей периода Троецарствия, настоящая портретная галерея. 28 из них — по 14 с каждой стороны — степенно восседают перед залом правителя царства Шу, словно ожидая аудиенции своего властелина. Благородные, степенные, властные, надменные, грозные, хитрые лица взирают на шествующих мимо посетителей храма.

Перед входом в зал Лю Бэя стоит очень искусно отлитый в период Мин, украшенный вычурным орнаментом бронзовый треножник, именуемый «Треножником девяти драконов». Над входом — начертанная в 60-е годы прошлого века надпись: «Е шао Гао Гуан» — «Продолжатель дела Гао и Гуана». Гао (Гао-цзу) — посмертный титул основателя династии Западная Хань Лю Бана; Гуан (Гуан У) — император династии Восточная Хань Лю Сю. В Ухоу цы много подобных одинарных и «парных» надписей, прославляющих деяния двух политических деятелей периода Троецарствия, и многие из них были составлены и начертаны в период Цин.

Внутреннее убранство зала Лю Бэя довольно скромно. В центре, у задней стены восседают на троне хитро улыбающийся правитель царства Шу. Рядом — скульптурное изображение Лю Чэня — внука Лю Бэя, а чуть в глубине — два боковых зала, посвященных соратникам и верным полководцам Лю Бэя — Чжан Фэю и Гуань Юю, их детям и внукам. И Чжан Фэй, и Гуань Юй, и Лю Чэнь отдали свои жизни в боях за царство Шу, удостоившись за свою преданность

и верность памяти потомков. А вот о Лю Шане, сыне Лю Бэя и наследнике трона, в 263 г. бесславно капитулировавшем перед царством Вэй, в этом зале ничто не напоминает.

За залом Лю Бэя — Проходной павильон, легкое, воздушное сооружение из покрытого черным лаком дерева, украшенное каллиграфическими надписями; дальше — небольшой дворик, за которым — точеные колонны и высокие, настежь распахнутые двери зала Чжугэ Ляна.

В центре зала — величественно восседающая фигура канцлера царства Шу (рис. 56). Умное, сосредоточенное и в то же время властное лицо, прищуренные в хитрой улыбке, длинные раскосые глаза, тонкие брови, иссиня-черные, разделенные на две пряди и свисающие до груди усы. Роскошный, изящными складками ниспадающий с плеч Чжугэ Ляна парчовый халат подчеркивает благородную осанку и спокойную уверенность царедворца. Справа и слева от него — статуи его сына Чжугэ Чжана и внука Чжугэ Шана, погибших в трагическом для царства Шу 263 году. Рядом в застекленных витринах — древние бронзовые барабаны.

Могила Лю Бэя расположена в северо-западной части храма. Дорожка, которая, плавно изгибаясь, ведет от Лотосового водоема к месту захоронения основателя Шу, представляет собой длинный коридор, охваченный с обеих сторон 2-метровыми, выкрашенными красной охрой стенами, над которыми тянутся к небу и перехлестываются высоко над головой густые бамбуковые заросли.

Место погребения Лю Бэя представляет собой круглый холм 12 м высотой и 180 м в окружности. В южной стороне от него — небольшой сад и павильон, где в украшенной орнаментом каменной нише стоит стела с каллиграфическими надписями «Могила ханьского императора Чжао-ле» и «Могила ханьского Чжао-ле». Первая датирована 1788 г., вторая на 120 лет древнее. Чжао-ле (Блистательный) — посмертный, «храмовой» титул Лю Бэя. Кстати, над главными воротами комплекса золотом по красному фону начертано: «Храм ханьского Чжао-ле». После объединения Ухоу цы с захоронением Лю Бэя храм носит два имени.

В самом центре храма, под открытым небом, которое заслоняют своими раскидистыми кронами вековые деревья, расположилась чайная. Здесь можно присесть и передохнуть, утолить жажду, поговорить. Сегодня воскресенье, в чайной довольно многолюдно. Горожане идут в храм, как в парк, целыми семьями не для изучения истории царства Шу, а чтобы отдохнуть от городского шума и зноя, побродить по тенистым аллеям, подышать свежим воздухом. За соседним сто-

ликом долго размещается большая семья, представленная, пожалуй, четырьмя поколениями: от бабушки с «лотосовыми ножками» в крохотных тряпичных туфлях до маленького, только что вышедшего из грудного возраста ребенка. После двух чашек ароматного чая пропадает усталость, духота не кажется уже столь изнуряющей, и я решаюсь на довольно долгую прогулку пешком до самого центра.

На другой день удастся выделить несколько часов для того, чтобы побывать в очень любопытном — а тому, кто интересуется историей даосизма в Китае, посетить его просто необходимо — храме Циньянгун (Храме горала). Это один из немногих ныне действующих в Китае даосских храмов. Свою историю он отсчитывает с периода Тан, а в нынешнем виде отстроен в период Цин.

На фоне блистающих яркими красками и позолотой буддийских монастырей Циньянгун выглядит довольно скромно: черные стены, черные черепичные крыши, просторные и без лишней помпезности украшенные помещения. И в то же время сочетание черного лака, который покрывает стены залов, и их ярко-красной драпировки придает им вид величественный и торжественный. «Хозяин» первого зала — «Зала первожданного хаоса» (Хуньюань дянь) — Патриарх первожданного хаоса, белобровый старец с высоким лбом и широко раскрытыми, удивленно и добро взирающими на мир глазами, легко держит в руках обруч, символ бесконечности и беспредельности Пути — Дао. У его ног белоснежные фарфоровые вазы с искусно сделанными цветами, блюда с искусственными фруктами. Перед старцем на богато инкрустированном столике для подношений горят невысоким пламенем две толстые красные свечи.

Спина к спине с Патриархом первожданного хаоса, за разделяющей их тонкой перегородкой восседает облаченный в немислимо разрисованные одежды, устрашающе выпучивший глаза, размахивающий тяжелой дубинкой Ли Гуань — усмиритель демонов, одна из главных фигур даосского пантеона. Перед ним также стоят цветы чаши для подношений.

Двухэтажная восьмиугольная Башня восьми триграмм, пожалуй, самое изящное и торжественное сооружение во всем храмовом комплексе (рис. 18). Покоится она на каменном постаменте, опираясь на украшенные искусной резьбой и надписями золоченые столбы. Желтая черепичная крыша празднично сияет на фоне невзрачных строений, а изящно загнутые, словно носы персидских туфель, коньки крыши придают ей веселый, шегольской вид. На каждой из стен второго этажа начертана одна из триграмм — элемент родившейся в очень

далекие от нас времена и на протяжении многих веков использовавшейся для гадания системы условных знаков, сочетаний длинных и прерывистых черт, символов света и тьмы, мужского и женского начал, в сочетании своем порождающих, как считали древние, все сущее. Даосы, активно практиковавшие гадание, геомантию, магию, широко прибегали к ее помощи.

Верхняя половина протянувшихся по всему периметру первого этажа дверей забрана тонкой ромбовидной решеткой, похожей на пчелиные соты. Внутри беседки — задрапированный ярко-красными и розовыми тканями белобородый старец в позолоченных одеждах. Перед ним — традиционные атрибуты культа: ваза с цветами, только уже синего, в традициях минской династии, фарфора, свечи, блюда с искусственными фруктами и большой ядовито-красный ящик для денежных подношений. Фотографирование внутри помещения запрещено, и восседающий у двери монах подозрительно поглядывает на мой расчехленный аппарат.

В Зале трех чистых, где властвуют три верховных даосских божества, пестрой мишуры, пожалуй, меньше всего. Минимум украшений подчеркивает величественность и многозначительность восседающих на каменных постаментах 5-метровых позолоченных фигур Изначально почитаемого на небе (Юаньши тяньцзунь), Великого старца (основателя даосизма Лао-цзы) и Великого святого. В их руках — священные атрибуты даосизма: персик бессмертия, чудесный меч для истребления демонов и музыкальный инструмент пипа для услаждения живущих на земле. У ног богов — покрытые цветными платками круглые подушечки для молящихся. Слева и справа у стен застыли фигуры святых старцев-небожителей, по шесть с каждой стороны.

В этом же зале находятся две статуи бронзовых баранов, которым храм обязан своим названием. Двурогий баран отлит в 1829 г. и не является особой достопримечательностью. А вот однорогий, привезенный из Пекина в 1723 г., очень своеобразен: в нем воплощены характерные признаки двенадцати животных, отождествляемых с двенадцатеричным календарным циклом Китая. Если внимательно присмотреться, то оказывается, что этот горал (или баран, если хотите) имеет уши мыши, нос буйвола, когти тигра, спину зайца, рог дракона, хвост змеи, пасть лошади, нижнюю челюсть барана, шею обезьяны, глаза петуха, брюхо собаки и зад свиньи.

В зале присутствует несколько пожилых монахов и монахинь в традиционной даосской одежде: короткие синие хала-

ты, черные штаны, черные шапочки, белые гетры. Занимаются своими делами, не обращая никакого внимания на немногочисленных посетителей, но внимательно поглядывая за иностранцами с фотоаппаратами в руках.

Цинъянгу́н соседствует с Парком культуры, обычным парком с широкими аллеями, водоемами и беседками. Сегодня он выглядит очень современно, но история его также уходит корнями в далекое прошлое. Начиная с периода правления династии Тан на месте этого парка ежегодно 15-го числа второй луны по лунному календарю начиналась ярмарка, имевшая одновременно значение храмового праздника. По поверью, эта дата является «днем рождения цветов» — «утром цветов», как образно называют ее в Китае, когда одновременно распускаются сотни соцветий, и поэтому с древности праздник у стен Цинъянгуна получил название «Ярмарки цветов». Празднество продолжалось целый месяц, в течение которого проводились состязания в искусстве аранжировки, повсюду торговали цветами, было принято дарить друзьям и знакомым тонко подобранные букеты. Праздник цветов проводится в парке и по сей день, но о древней его истории напоминает, пожалуй, лишь вырезанный на камне портрет одного из восьми даосских «бессмертных» — Лю Дунбиня, в заслугу которому даосская традиция приписывает избавление земли на целых 400 лет от злых драконов и всяческой нечисти. Говорят, портрет выполнен по рисунку танского художника У Даоцзы.

Начало X в. на территории Китая было ознаменовано распадом и гибелью могущественной Танской империи. Началась эпоха Пяти династий и десяти царств, полвека войн и дворцовых переворотов, когда вся страна раскололась на независимые государства, а на севере, в традиционном политическом центре Китая, сменялись одна династия за другой. В 907 г. в Сычуани возникло царство Цянь Шу (Раннее Шу), основателем которого стал Ван Цзянь (847—918) — фигура, типичная для того смутного времени: в молодости бродяга, мясник, конокрад, контрабандист, прозванный селянами «разбойником-узурпатором», он ухитрился втереться в доверие к крупному танскому сановнику, наместнику сычуаньских территорий Тянь Линцзи и даже стать его приемным сыном. А в 893 г. Ван Цзянь расправился со своим приемным отцом и захватил подчиненные ему земли. В 903 г. последний танский император, Чжао-цзун, пожаловал ему титул «Правителя Шу», а в 907 г., когда рухнула власть танских императоров, Ван Цзянь провозгласил себя императором царства Раннее Шу. Умер Ван Цзянь в 918 г., а через семь лет погибла и его

непрочная династия. Похоронили основателя Цянь Шу в окрестностях столицы — Чэнду, и сегодня его могила является одной из городских достопримечательностей. Раскопана она была в 1942 г., а с 1961 г. находится под охраной государства.

Само захоронение представляет из себя холм высотой 15 м и диаметром 80 м. Широкая, мощенная плиткой и окруженная плотной стеной зарослей дорожка пролегает от ворот пайлоу до входа. Тяжелая, облицованная камнем сводчатая стена придает ему мрачное сходство с бомбоубежищем. В недрах кургана — три зала общей длиной более 23 м. Усыпальница расположена в среднем зале. Покоится она на руках 12 искусно высеченных из камня богатырей. У восточной, южной и западной стен расположился дворцовый оркестр: две танцовщицы и 22 музыканта, играющих на разнообразных инструментах: пипа, флейте, барабане и др. По этим фигурам можно изучать не только историю китайской скульптуры, но и историю музыки. Здесь же — выставка предметов из гробницы: яшмовый пояс, посмертная печать Ван Цзяня, различные серебряные и железные изделия.

В последнем зале на императорском троне восседает сам правитель Раннего Шу — 80-сантиметровая фигурка человека с добрым, задумчивым лицом... Философ, мыслитель, добродушный дедушка, но жестокий, коварный царедворец? Лишь большие, с оттянутыми мочками уши — традиционный признак принадлежности человека к избранной «касте» «Сыновей Неба», правителей Поднебесной, — выдают его царственную природу.

Усыпальница Ван Цзяня украшена резными изображениями драконов и фениксов, цветов и трав, затейливым орнаментом. В общем, могила эта скорее является свидетельством прогресса своеобразной шуской культуры, чем памятником политической истории Сычуани.

С историей китайской культуры и династии Тан связана еще одна достопримечательность Чэнду — парк Ванцзян, раскинувшийся в излучине реки Фухэ и граничащий ныне с территорией Сычуаньского университета. Создан был парк в память о поэтессе Се Тао.

Потеряв родителей еще в юном возрасте, Се Тао испытала нужду, горе, страдания, унижение, которые традиционно выпадали на долю женщины в феодальном Китае. Все это она отразила в своих чувственных и полных скорби стихах. Предание гласит, что на месте нынешнего парка Се Тао построила себе Башню чтения стихов, где проводила очень много времени. С тех далеких времен сохранился лишь старый колодец, как утверждают знатоки, тот самый, возле которого поэтесса

пролила немало слез и написала много прекрасных строк. Все остальные постройки парка возведены в цинское время. Самой совершенной из них считается Ванцзянлоу — Башня созерцания реки, давшая название самому парку.

Башня расположена на берегу неширокой, но быстрой Фухэ, в древности звавшейся Парчовой рекой — Цзиньцзян. Высота легкой, словно парящей в воздухе конструкции — 30 м. Два нижних яруса башни — четырехугольные, два верхних — восьмиугольные; остроконечная крыша последнего яруса увенчана тонким золоченым шпилем. За свое изящество Ванцзялоу приобрела второе название — Павильон возвышенной красоты.

Парк Ванцзян называют также Бамбуковым парком: в нем произрастает свыше ста видов бамбука, местами превращающего его территорию в настоящую чащобу, сквозь которую пробиваются узкие, извилистые тропинки.

На пятый день вечером я покидаю Чэнду. Прекрасные условия Сычуаньского университета привели в порядок расстроенные четырехнедельными переездами — кажется, начались они по крайней мере год назад — нервы, и я уже расхрабрился на большой крюк до Сиани: Чунцин — Ичан — Сянфань — Сиань — Шанхай. Однако первые же ощущения в поезде подрывают мой боевой настрой: душно, пахнет сыростью, потом и редькой, а на моей третьей полке — тут уж явно не повезло — все эти прелести ощущаются втройне. Пошла пятая, последняя неделя путешествия.

Три ущелья на Янцзы

Чунцин с первых же минут огорошивает своей деловитостью и напряженным ритмом жизни. С трудом выбираюсь из бурлящего на привокзальной площади водоворота, отражаю назойливые попытки «извозчиков» — водителей грузовых мотороллеров-такси завлечь меня на жесткие сиденья своих дребезжащих и чадящих бензиновой гарью кабриолетов и по уходящей куда-то к небу лестнице карабкаюсь к автобусной остановке.

«Народная гостиница», к которой лежит мой путь, — причуда китайской архитектуры 50-х годов, своеобразный симбиоз пекинских Храма неба и Ворот небесного спокойствия. По сравнению с появившимися ныне в Китае суперсовременными отелями она не так велика и роскошна, предлагает постояльцам немногим более 200 мест, но это места на любой, даже самый привередливый вкус: от пятикомнатных апартаментов до публично не рекламируемого, но широко

известного в среде старающихся экономно путешествовать по стране иностранных студентов «общежития» — просторного помещения на 20—25 коек, существенной достопримечательностью которого являются крысы, имеющие дурную склонность прыгать на безмятежных постояльцев в самые сладостные моменты их сна. Право, испытавшие сии острые ощущения обитатели «общежития» рассказывали о нем с затаенной гордостью и даже некоторым бахвальством.

Меня такое соседство не прельщает, но в северной угловой башенке под разлетающимися по всем четырем сторонам света загнутыми вверх концами крыши находится удобный и дешевый четырехместный номер. Максимум комфорта — от индивидуальной душа до цветного телевизора — и отсутствие соседей заставляют поверить, что и без вездесущего Ли Мао можно неплохо устроиться.

Главная моя на сегодня задача — добыть билет на теплоход до Ичана, желательно на завтра. Достаточно авантюрная затея, если положиться на опыт уже прошедших через чунцинское горнило путешественников. То, что я вижу у касс речного вокзала, — серьезный довод в пользу самых пессимистических прогнозов. У двух касс — невообразимая давка; в третью, где выдаются квитки на покупку билетов на завтра, — некое подобие очереди, в котором тщетно пытаются сохранять невозмутимое спокойствие несколько европейцев. Хвост этой, с позволения сказать, очереди странным образом извивается и подкрадывается к самому окошку. Здесь у меня шансов, конечно, нет, а в двух других кассах, где очередь оказывается пожиже, со мной просто не хотят разговаривать.

Кончается все довольно неожиданно. Под давлением вдруг забурлившей массы китайцев голова худощавого блондина, титаническими усилиями прорвавшегося к заветному окошку, разбивает его верхнюю застекленную часть. Вскрик, звон падающих стекол, мгновенное оцепенение — и снова толпа сжимается в тугую пружину. Инцидент воспринимается как небольшое недоразумение, на которое не стоит обращать внимания. Несколько китайцев с любопытством наблюдают, как спутница пострадавшего вытирает с его побелевшего лица кровь, а давка продолжается, продолжается до тех пор, пока спохватившиеся власти, опасаясь новых происшествий, не закрывают злополучную кассу на неопределенное время. Кажется, все потеряно, надежд нет. Но рискую сделать еще одну попытку, и мне вдруг везет в последнем окошке, очередь у которого неожиданно поредела.

Вот теперь можно и с городом познакомиться поближе. Что ж, с первых шагов по Чунцину становится очевидно, что

для Китая он — явление довольно своеобразное. Прежде всего в плане рельефа: привыкнув к равнинному характеру китайских городов, трудно сразу свыкнуться с его неровностями, перепадами. Центральная (и самая древняя) часть Чунцина расположена на гористом полуострове, образованном некоторое время текущими параллельно друг другу Янцзы и Цзялинцзяном. Если рассматривать крупномасштабную карту города, полуостров похож на голову вытянувшего шею и к чему-то недоуменно принюхивающегося дога. Наверное, ему не дают покоя запахи, издаваемые уже изрядно пропитанными промышленными стоками водами Великой реки...

От примостившегося на кончике собачьего носа пассажирского речного вокзала спускаюсь вниз, туда, где должна, по крайней мере мне так кажется, быть набережная Янцзы. Ютящиеся под скалами дома, склады, сарай... Асфальт переходит в тропинку, в конечном счете грозящую оборваться вниз, к усыпанному камнем и всяческой рухлядью берегу. С трудом — приходится возвращаться — отыскиваю врезавшуюся в скалу и проходящую через чьи-то частные владения, чуть ли не через крыльцо, лестницу, по которой, кряхтя и отдуваясь, выбираюсь в мир каменных ступенек, извилистых переулков, узких переходов, зажатых с двух сторон каменными заборами и слепыми стенами зданий. Ощущение, будто из сырого подвала поднялся в цокольный этаж сурового, опостыло-серого средневекового замка. Еще рывок — и я наверху, а за спиной, почти под ногами остается море черепичных крыш, за которым в белесой дымке мутнеет полоска воды, огражденная с юга таинственными, чуть размазанными контурами гор.

Пока я совершаю все эти сложные перемещения, время движется к полудню. Становится жарко. Над городом недвижимо висит такое же сизое марево, что и над Чэнду. Разве что меньше пыли и улицы кажутся значительно чище, чем в сычуаньской столице.

Целенаправленно двигаюсь на запад, в сторону гостиницы, а потом ориентируюсь и на вынырнувшую из-за холма видимую цель — уверенно возвышающуюся над городом, укутанную зеленым покровом вершину. Интуиция подсказывает, что на ней обязательно должна находиться видовая площадка!

Извилистая дорожка, ведущая к вершине, обсажена деревьями и кустарником. В парке пустынно: Чунцин — город рабочий, совсем не туристический, и лишь единицы таких, как я, празднующихся могут позволить себе подобное

времяпровождение: карабкаться на гору Пипа в дневное время.

«Пипа» в данном случае — не тот древний музыкальный инструмент, о котором не раз уже шла речь, а японская мушмула, дерево, довольно широко распространенное в окрестностях Чунцина и, естественно, произрастающее на самой высокой из его гор. В былые годы на ее склонах строили свои резиденции контролировавшие город милитаристы. В 1955 г. у подножия был разбит парк, а на макушке Пипа, с которой открывается панорама города и охватывающих его полукольцом рек, построена беседка Красной звезды. Отсюда Чунцин — нескончаемое столпотворение современных многоэтажек, среди которых черными, кое-где укрытыми зеленой листвой пятнами разбросаны приземистые постройки прошлого. Над всем этим возвышается круглая трехъярусная башня гостиницы «Жэньминь» (рис. 57).

Город совсем не кажется старым, напротив, он видится намного моложе, современнее, чем многие из встречавшихся на моем пути городов. И трудно представить, что отсчитывает он свое третье тысячелетие.

Историки утверждают, что впервые в месте слияния Цзялинцзяна с Янцзы город возник еще в период Чжаньго — Борющихся царств (475—221 гг. до н.э.). Являлся он тогда столицей царства Ба. Сменялись цари и династии, менялось и название города: Цзянчжоу, Юйчжоу, Гунчжоу... В 1189 г. правитель Южной Сун Чжао Дунь, чья политическая карьера началась в этом городе, переименовал Гунчжоу в Чунцин, что означает «Двойное празднование».

Границы города были значительно расширены в конце XIV в., а в 1663 г. его окружили стеной, высота которой достигала 10 м, а общая длина — 7 км. Город делился на две части: нижнюю и верхнюю, деловой и «фешенебельный» центры. По Чифускому договору 1890 г. Чунцин был открыт для иностранной торговли и с тех пор превратился в важный торговый центр на Янцзы. В 1937 г., вскоре после начала японской агрессии в Центральном Китае, правительство Чан Кайши перебралось в Чунцин, где и обосновалось вплоть до разгрома оккупантов.

Сегодня Чунцин — самый крупный в Западном Китае и один из крупнейших в стране коммерческих и промышленных центров. За последние тридцать лет в нем было построено свыше 2600 предприятий металлургической, угольной, машиностроительной, химической, электронной, легкой и других отраслей промышленности. При 6-миллионном населении в городе имеется свыше 40 научно-исследовательских инсти-

тутов, более десятка вузов, в числе которых Чунцинский университет, 4300 школ.

Любопытно, что, несмотря на свою длительную историю, Чунцин небогат историческими и особенно культурными памятниками. Но есть среди них для китайской истории весьма значительные. В их числе — мемориальный музей революции в деревне Хунъянь, где с 1939 по 1946 г. находилась резиденция Южного бюро ЦК КПК и 8-й армии и где работали такие известные руководители КПК, как Чжоу Эньлай, Е Цзяньин, Дун Биу, Дэн Инчао. Осенью 1945 г. во время переговоров между КПК и гоминьданом здесь останавливался и Мао Цзэдун.

В северо-восточном пригороде Чунцина у подножия горы Гэлэ находится мрачный памятник разгула гоминьдановской реакции. Официально здесь размещалась резиденция созданной в 1943 г. пресловутой Китайско-американской комиссии по специальной технической кооперации. На деле район Гэлэ был превращен в большой концентрационный лагерь для коммунистов и прогрессивных деятелей Китая. С 1939 по 1945 г. там было построено свыше 20 тюрем, в одной из которых находился в заключении командующий 4-й армией коммунист Е Тин; здесь были замучены секретарь Сычуаньского бюро КПК Ло Шивэнь, герой антияпонской войны Ян Хучэн и многие другие коммунисты и патриоты. А 27 ноября 1949 г., накануне освобождения города войсками Народно-освободительной армии, гоминьдановские власти устроили массовую казнь более 300 заключенных.

И другие достопримечательности Чунцина находятся за городской чертой. В 50 км к северу от центра города, на западном берегу Цзялинцзяна разбит парк Бэйвэньцюань (Северные теплые источники). О целебных свойствах здешних известковых вод люди знали давно. По преданию, еще в начале V в. н.э. на месте будущего парка был построен Монастырь теплых источников, просуществовавший многие века. Первые его строения, естественно, не сохранились, но имеющиеся ныне в Бэйвэньцюане павильоны в большей части являются памятниками культуры, отражая достижения архитектуры позднефеодального Китая. Самые древние из них — Зал будды, построенный в 1432 г., и Зал, ведущий в рай (Цзеиньдянь), приблизительно того же времени.

В десятке километров юго-западнее источников на обширной территории площадью свыше 1300 га лежат горы Цзиньюнь. Они считаются одной из сычуаньских достопримечательностей и, даже именуется «Малым Эмзем». Своим названием горы обязаны буддийскому монастырю, впервые построен-

ному там в 423 г. В конце династии Мин его постигла участь многих других древних строений: пожар и полная гибель. Ныне существующий храм был отстроен в 1683 г. Хранящиеся в нем исторические реликвии — каменные ворота, стелы, каменный мост и каменный экран — относятся к памятникам III—VI и XVI—XVII вв.

Горы Цзиньюнь состоят из девяти вершин, самая высокая из которых на 1040 м выше уровня моря. В горах произрастает до 1700 видов субтропических растений. Летом средняя температура воздуха здесь на 5—7° ниже, чем в знойном и душном Чунцине, и поэтому горный район Цзиньюнь является идеальным для летнего отдыха чунцинцев.

«Южные теплые источники» расположены в диаметрально противоположной стороне от города, в 26 км от его центра, на берегу Хуаси — Цветочного ручья. В живописнейшем окружении соснового бора и бамбуковых зарослей возвышаются серые громады причудливых горных кряжей. Осваивать источники начали в середине XIX в., а сегодня это довольно популярный среди горожан парк, где можно не только спрятаться от палящего солнца, подышать свежим воздухом, но и поплавать в бассейне, наполняемом подземными ключами, принять горячую лечебную ванну.

К востоку от города, тоже за Янцзы, на площади 53 га разбит парк Южных гор. Когда гоминьдановская столица переместилась в Чунцин, многие иностранные дипломаты и гоминьдановские чиновники обзавелись в этом районе загородными виллами. С одним из холмов — Тушань — связывается предание о легендарном Юе — спасителе человечества от потопа и основателе мифической династии Ся (2140—1711 гг. до н.э.). По легенде, Юй женился на девушке из рода Тушань и поселился у Южных гор. Впоследствии, занятый обузданием обрушившегося на Поднебесную наводнения, он трижды проходил мимо своего дома, но так и не смог выкроить хотя бы минуту времени, чтобы навестить семью. «Чувство долга — превыше всего», — учит конфуцианская мораль.

В 160 км к северо-западу от Чунцина лежит небольшой по площади и малозначимый в политическом и экономическом отношении, но в культурно-историческом плане стоящий в ряду важнейших памятников китайской цивилизации уезд Дацзу. Эту известность он приобрел благодаря разбросанным по его территории многочисленным творениям ваятелей древности. В сорока различных местах Дацзу обнаружено более 50 тыс. разных по размерам и искусству исполнения, степени сохранности и исторической ценности, но одинаково интерес-

ных и для историка, и для искусствоведа, и для буддолога каменных изваяний. Несколько поколений буддийских монахов и ваятелей в течение трех с половиной столетий, с конца IX до середины XIII в., создавали этот грандиозный музей скульптуры. Самые большие коллекции находятся в районе Бэйшань (Северной горы) и Баодиншань (Пика драгоценностей).

Первые каменные скульптуры на Бэйшань были высечены в 892 г., а в последующие 250 лет общее число изваяний, украшающих ее склоны, достигло 10 тыс. В их числе — главные буддийские божества (Авалокитешвара, Амиитаба, Самантабhadра и др.), будды и архаты, а также исторические персонажи династий Тан и Сун. Экспозицию дополняют стелы, картины, надписи на камне.

Работа скульпторов на Баодиншань продолжалась с 1174 по 1252 г. и завершилась созданием почти 10 тыс. статуй. Лучшие из них собраны в Дафовань (Излучине Будды) — нише длиной около 500 м и высотой от 15 до 30 м.

Но о Дацзу разговор особый и длинный. К сожалению, у меня нет ни времени, ни сил, чтобы отважиться на несколько часов испытаний на тряских горных дорогах восточной Сычуани и массу прочих сопутствующих хлопот, дабы провести всего день-два в окрестностях Дацзу. Еще две недели назад я бы бросился в это предприятие без особых колебаний, но сегодня...

Пока же я брожу по Чунцину в поисках приличного ресторанчика или закусочной, но ни одно из этих заведений почему-то не внушает особого доверия. Уставший от духоты и хождения по улицам-качелям, добираюсь до своего номера, с вождением вытягивают ноги на мягкой постели, наскоро обедаю — если можно назвать обедом зеленый чай с булочками и фруктами — и снова отправляюсь блуждать по городу, на сей раз на запад от гостиницы.

И здесь берега Цзялинцзяна столь же круты, как берега Янцзы, и разномастные каменные строения так же беспорядочно и неосторожно нависают над обрывами, отгораживая от воды вьющиеся по-над берегом улицы. Окна домов распахнуты, и полумрак затаившихся комнат оттеняет словно на просмотр выставленные на их противоположных стенах городские пейзажи — картины просвечивающего сквозь темные помещения левого берега реки: драпированные зеленью высокие откосы, под которыми сбились в кучу баржи, буксиры и катера, беспорядочную сумятицу старых и новых строений... Через Большой цзялинцзянский мост перебираюсь на противоположную сторону, в Северный речной район. Без сомнения,

рельеф во многом диктует характер застройки города, поэтому, наверное, вид его с северного берега реки напоминает мне так же рассыпавшийся по склонам Владивосток.

В поисках ужина ныряю в сутолоку одного из многочисленных городских рынков, расположенного у подножия холма, на котором величественно возвышается «Народная гостиница». Здесь можно перекусить и запастись продуктами на дальнейшее путешествие.

Вечером в псевдохраме Неба, под роскошным куполом которого скрывается концертный зал на 4 тыс. мест, — эстрадный концерт. Зрители идут сплошным потоком, и я с нескрываемым любопытством наблюдаю, как подкатывают к подъезду элегантные «Тоёты», высаживая разнаряженных леди и их важных, строго одетых супругов; как весело спешат к входу молодые пары, группки юношей и девушек; как сосредоточенно шарят по карманам в поисках затерявшегося билета одиночные посетители. Все так же, как у любого концертного зала Москвы или Ленинграда перед началом большого и давно ожидаемого концерта.

В моей башенке не надо особо напрягаться, чтобы прослушать всю программу от начала и до конца. Оценивать ее мне сложно, но я предпочел бы что-нибудь потише и поспокойнее. Соседей так и не подселили — случился, видимо, периодически бывающий отток туристов. Как показало будущее, вечер в уединении был весьма кстати: в следующий раз такой роскошью удалось воспользоваться не скоро.

Видимо, внутреннее напряжение заставило мой биологический будильник сработать раньше будильника электронного. Заказанный у администратора побудочный звонок так и не прозвучал, но его с успехом заменяют горланящие в окрестностях петухи. Дежурный тихонько похрапывает, уложив голову на казенный стол, и только досадно подергивает плечами, когда я осторожно подкладываю ему под руку ключ от покинутых апартаментов.

Шесть часов. Пасмурно, падают редкие капли дождя. Но воздух свеж, в нем нет и привкуса вчерашней духоты. Город быстро просыпается. Распахиваются двери закусовых, в одной из которых с большим наслаждением выпиваю чашку горячего соевого молока.

В гавани, консультируясь с билетерами, полицейскими и недоуменно вззирающими на взъерошенного иностранца прохожими, совершаю почти километровую пробежку в поисках нужного причала. Не лишне, наверное, было заранее выяснить, что цифра «3» на моем билете означает не номер причала, а номер теплохода. Хорошо, что в запасе есть немного

времени. Весь в поту, вместе с несколькими такими же, как я, горемыками вбегаю на трап буквально за две минуты до отхода. Не хватало еще опоздать на с таким трудом отво-
еванный корабль!

Отчаливаем в семь пятнадцать, точно по расписанию, и будем идти по этому расписанию вплоть до конечной точки — Ичана (схема 5). Когда мы отплываем, мне вновь кажется, что «с моря» Чунцин очень напоминает Владивосток, только значительно посеревший.

Первое время река плавно извивается между невысокими холмами, где только можно тщательно распаханными и ухоженными, но больше каменистыми и бесплодными. Берега довольно обрывисты и круты. Проплывают мимо грудящиеся у воды деревушки. К 9 часам немного проясняется, но от реки по-прежнему тянет свежий, промозглый ветерок.

Первые 76 км пути — и на левом, резко забирающем в небо берегу вырастают серые здания и дымящиеся заводские трубы Чаншоу. Утверждают, что городу — 3 тыс. лет. Проверить невозможно, остается поверить на слово. 300-метровая нитка фуникулера связывает набережную с взобравшимися высоко в гору улицами и придает городу вид, с одной стороны, — современный, с другой — очень необычный.

«Чаншоу» означает «город долгожителей». Легенда следующим образом объясняет появление этого любопытного географического названия.

Несколько сотен лет назад путешествовавший по Янцзы канцлер династии Мин Дай Цюйсян был застигнут ливнем и укрылся в одной из ближайших лавок небольшого городка. В лавке в это время находился 80-летний старец, который, как оказалось, выбирал подарки ко дню рождения своего деда. Дай Цюйсян был потрясен, узнав, что возраст именинника перевалил за 150 лет, и, как только дождь закончился, прихватил богатые подарки и самолично отправился в его жилище. Там он повстречал много долгожителей, людей очень почтенного возраста и, удивленный этим обстоятельством, решил переименовать оказавшийся на его пути город в Чаншоу.

Не знаю, насколько чаншоусцы живут сегодня дольше своих соотечественников из других районов Китая, но захватившая берега Янцзы индустриализация явно не благоприятствует сохранению его прежней славы. По крайней мере крупнейшее промышленное предприятие города — фабрика нейлонового волокна — самым беззастенчивым образом коптит небо и спускает свои отходы прямо в Янцзы.

Мое жилище на два дня — восьмиместная каюта 3-го класса, расположенная почти в самой середине судна, уютная, хоть

и слегка мрачноватая. В углу — умывальник, на койках — не первой свежести циновки, заменяющие собой простыни, подозрительно скользкие одеяла и сморщившиеся на тощих подушках серые наволочки. В других условиях и в другом месте это вызвало бы, вероятно, бурю возмущения, но ко всему, наверное, привыкаешь, и, глядя на расположившихся прямо на палубе, в холлах, коридорах, проходах пассажиров так называемого 5-го класса, я чувствую себя почти счастливым.

Окружение мое — неорганизованные туристы из Европы и Австралии и двое китайцев: руководитель туристской группы французов, состоящей на 90% из пенсионеров, и их переводчица — симпатичная девушка с поэтическим именем Сюэлянь (Белый лотос). Их подопечные едут 2-м классом, и они почти все время проводят на носу.

Настало время позавтракать, но сервис не спешит нам навстречу: в ресторане 2—3-го классов обслуживают, как это ни прискорбно, только организованных, едущих группами туристов, хотя таковых групп на судне всего две-три, и не признают одиночек. Столовая 4-го класса... Лучше уж я поставлю здесь многоточие... Рисковать не хочется, толкаться тоже. Разве что похвалить себя за проявленную в Чунцине предусмотрительность?

Мои спутники не искушены еще в превратностях путешествия по Китаю и не запаслись продовольствием, а поэтому отправляются на поиски столовой. Возвращаются они слегка потрясенными. Но затем кто-то прибегает к утвердившемуся среди европейцев трафаретному, хотя и не отличающемуся глубиной осмысления, но многозначительному и самоуспокаивающему заключению: «It is China...», которое всех удовлетворяет и приводит в ироническое расположение духа. Что ж, именно такое высокомерно-снисходительное отношение складывается к Китаю у многих европейцев и американцев сегодня. Нелегко быть объективным и воспринимать все реалии современного Китая такими, какие они есть, не приукрашивая, но и не гипертрофируя их.

Пейзаж за бортом практически не меняется: горы, то голые, то покрытые лесом; скатывающиеся к берегам клочки полей; разбросанные вдоль кромки воды отдельные постройки и небольшие селения. Около полудня — первая и почти часовая стоянка в Фулине, небольшом городке на узкой полоске земли, прижатой к Янцзы высокими крутыми сопками.

Со всех точек зрения Фулин расположен очень выгодно и удобно: в месте слияния одной из самых больших гуйчжоуских рек — Уцзяна — с Янцзы, т.е. на пересечении важных

транспортных артерий Юго-Западного Китая. Не случайно уже более 2 тыс. лет назад на этом месте возник город Цзулин, являвшийся политическим центром царства Ба.

В 1972 г. в окрестностях Фулина археологи раскопали три могилы периода Чжаньго, принадлежащие правителям рода Ба. В захоронениях было обнаружено много предметов материальной культуры, среди которых — инкрустированные золотом музыкальные колокола — ценнейший памятник для изучения древнекитайской музыки, истории и культуры царства Ба, бронзовые зеркала, отделанные серебром украшения и другие ценные предметы.

Но главная достопримечательность города бóльшую часть времени скрыта под водой. Это — подводная скала длиной более 1,5 км и шириной около 10 м, именуемая в народе «Мостом белого журавля». Скала, выходящая на поверхность лишь в сухие зимние и весенние месяцы, является древнейшей в среднем и верхнем течении Янцзы гидрологической станцией. С 764 г. регистрируется уровень воды в реке, 72 самых сухих сезона зафиксированы на скале как с помощью обычных отметок, так и стилизованными рисунками рыб. Лишь в очень засушливый сезон, какие порой случаются раз в несколько десятилетий, можно увидеть все оставленные древними гидрологами отметки, а также высеченные на камне стихотворения и эссе. Не могли же поэты и каллиграфы, посещая Фулин, не оставить о себе памяти на столь знаменитой скале.

Всего того, что начертано на ней, мы, разумеется, видеть не в состоянии — и потому, что в этом году скала лишь ненадолго выставила наружу свой горб, и потому, что в маршруте теплохода изучение местных достопримечательностей не значит. Наш удел — наблюдать, как идет разгрузка, погрузка, посадка, как моментально расхватываются толпящимися у борта пассажирами пакетики и коробки с какими-то экзотическими продуктами, что продают прямо с пирса лоточницы. Поддаюсь общему ажиотажу, прельщаюсь яркой упаковкой и захватываю, оттесняя конкурентов, пару пакетиков. В каюте разбираюсь: местные деликатесы — страшно соленые и перченые овощи, на большее, чем приправа к безвкуснейшей каше чжоу, непригодные. Мои попутчики приобретают несколько красивых коробок с пирожными, как они полагают. При ближайшем рассмотрении «пирожные» оказываются теми же овощами.

Скрывается за кормой Фулин, и снова сжимают с обеих сторон Янцзы покатые холмы. Вскоре проплываем мимо Фэнду, еще одного древнего города, именуемого также в народе Городом духов. Молва утверждает, что на горе Пинду,

что недалеко от города, в давние времена обитал сам Князь тьмы, неукоснительно требовавший, чтобы души умерших людей обязательно являлись к нему с отчетом и получали распоряжения на будущее. Несмотря на такую мрачную славу, Пиндушань пользовалась авторитетом у буддистов, и со времени династии Тан на ее склонах было построено несколько десятков храмов.

Проплываем Чжунсянь, внешне ничем не примечательный городок. Хоть и связаны с ним легенды и писали о его красоте такие поэты, как Бо Цзюйи и Су Ши, впечатлений он не оставляет.

В 45 км к востоку от Чжунсяни на северном берегу Янцзы высится одинокая скала с абсолютно отвесными стенами. Это — Шибачжай, скала Каменной драгоценности. Из-за большого сходства с поставленной вертикально печатью ее называют еще Юйиньшань, гора Яшмовой печати.

В 1736 г. на вершине скалы, куда строители, совсем как опытные альпинисты, забирались с помощью закрепленного на стене металлического троса, на высоте 230 м над уровнем моря был поставлен храм Ложаньдянь. В 1819 г. у подножия Юйиньшань построили девятиэтажную башню, через которую можно было подняться на скалу и выйти к храму. В 1956 г., когда башня подверглась реконструкции, были надстроены еще три яруса, и сегодня общая высота сооружения достигает 56 м.

На площадке за храмом лежит огромный камень, в котором нетрудно обнаружить отверстие размером с кофейную чашку. Жившие в храме монахи называли его «дающим рис» или «каменной драгоценностью» (*шибао*), отчего и происходит название скалы. Легенда гласит, что в стародавние времена из отверстия в камне ежедневно высыпалась порция риса, которой хватало монахам храма на пропитание. Один из монахов, человек алчный и эгоистичный, посчитал эту меру риса недостаточной и попытался расширить отверстие. В тот же день его собратья лишились дармового питания: рис перестал течь. Так была наказана человеческая жадность.

К последнему на сегодня пункту — г. Ваньсянь, где теплоход останавливается на ночь, подходим в вечерних сумерках. Город с трех сторон окружен горами и сам каким-то чудом цепляется за их крутые склоны. Горы придают ему причудливый, неповторимый вид, которым восхищались в прошлом и, пусть с меньшей долей восторженности и большим практицизмом, восхищаются сегодня. Но сейчас Ваньсянь как-то неприветливо неряшлив, укутан пеленой грязно-серого тумана. Кажется, это самый обыкновенный смог.

Широкая лестница ведет от причала вверх, к извивающимся высоко над берегом улицам, карабкающимся в гору переулкам, бесчисленным ступеням лестничных маршей. Что можно увидеть за 30 минут светлого времени? И изнутри, если не считать его чудного рельефа, город кажется совсем обыденным, привычным, как множество других маленьких городков.

Сегодня Ваньсянь — прежде всего важный промышленный и транспортный центр восточной Сычуани, где построены текстильные, кожевенные, ткацкие, химические, машиностроительные предприятия, работающие на нужды не только Сычуани, но и всей страны. Правда, есть в нем и уголки живой природы. К западу от города на горе Сишань в густой листве деревьев скрывается древний храм, в котором, как утверждает предание, некоторое время жил Ли Бо. Гора так и называется: «Скала великого Бо». А ниже храма разбит прекрасный парк, в котором можно обнаружить надпись, начертанную поэтом и каллиграфом сунского времени Хуан Тинцзянем.

Ужин в небольшом частном ресторанчике, под чуть ли не нависающим над головой каменным карнизом приводит в восторг моих спутников — чету сорокалетних австралийцев, вот уже две недели вместе с девятилетним сыном вкушающих прелести путешествия по Китаю и впервые рискнувших поужинать в таком, как сегодня, заведении. После гостиничных цен наш ужин кажется им исключительно дешевым, после судовой столовой — изумительно вкусным, хотя для китайцев, я в этом абсолютно уверен, он стоил бы раза в полтора-два дешевле. Такой уж действует здесь индекс цен.

В начале десятого возвращаемся на борт мягко покачивающегося у причала теплохода. Все коридоры и холлы устланы телами спящих китайцев.

В шесть утра, когда я просыпаюсь, теплоход уже движется. Небо пасмурное, накрапывает дождь, дует знобящий ветер. На палубах малоллюдно, пассажиры прячутся от сырости и ветра по каютам. Все утро из динамиков звучит русская народная музыка в современной инструментальной обработке...

Горы по берегам Янцзы кажутся еще более крутыми и безжизненными: практически это поросший кустарником, травой и лишь изредка редколесьем камень. Река становится уже, течение ускоряется, у берега закручиваются тугие спирали водоворотов.

Вскоре за одной из многочисленных излучин показывается городок Юньян (Облачное солнце). Знаменит он прежде всего тем, что в 765—766 гг. в нем останавливался из-за болезни

бежавший от бедствий «смутного времени» Ду Фу. Более 30 стихотворений о красотах здешних мест, о тяжелой работе рыбаков и крестьян, о своей горькой судьбе написал застрявший в Юньяне поэт.

На противоположном, южном берегу Янцзы, где-то посередине укутанного изумрудной зеленью холма «сверкает золотом и яшмой» — тут уж я беру на вооружение китайские эпитеты — древняя храмовая постройка. Это — храм Чжан Фэя, называемый «первой достопримечательностью царств Ба и Шу».

Он был возведен 1700 лет тому назад в память о выдающемся полководце царства Шу-Хань. Ныне существующие постройки — творения периодов Сун, Мин и Цин. Самая древняя из них павильон Чжуфэн (Помогающий ветру) — сооружена 850 лет назад. В храме находится около 360 надписей на камне и 217 образцов каллиграфии и живописи, выполненных на дереве. Среди авторов — Хуан Тинцзянь, Су Ши, другие поэты, каллиграфы, художники. Хранятся в храме музыкальные барабаны периода Западной Чжоу, бронзовые мечи Восточной Чжоу, около 350 предметов из камня, бронзы, железа, керамики, дерева, яшмы разных эпох и династий. Многие из них имеют большую историческую ценность.

Городок Фэнцзе, несмотря на то что ведет свое происхождение со времен эпохи Чжоу, когда он являлся столицей царства Куйцзы, таких важных памятников не имеет, за исключением, пожалуй, Цаотансы (храма Камышового кабинета). Название сразу же заставляет вспомнить о скитальце Ду Фу. Действительно, путешествуя (или скитаясь?) по берегам Великой реки, поэт с 765 по 768 г. провел в Куйфу (так тогда назывался город) в общей сложности более двух лет и написал в нем свыше 430 стихотворений. Вот одно из них:

Одинокая крепость Куйфу,
солнца косые лучи.
В стороне, где Северный Ковш,
блеск столицы в ночи...
Башни белеющий парапет,
тоскует свирель впотьмах.
Ты посмотри! Как прежде была
в плюще и на скалах луна,
Так и сейчас озаряет тростник
и мискантов цветы она.

[Пер. с кит. Э.В. Балашова]

К девяти утра на теплоходе начинается оживление, суета, бегут на нос увешанные фотоаппаратами французские ту-

ристы, толпятся у бортов, на корме прочие пассажиры. Подходим к первому из трех знаменитых ущелий на Янцзы. О них столько сказано, спето, написано, они привлекают такую массу туристов и путешественников, что без них Янцзы, наверное, потеряла бы половину своей привлекательности.

Набрав силу из десятков и сотен рек и речушек Сычуани, Гуйчжоу, Юньнани, Янцзы рвется на равнину, к морю, но на пути у нее стоят грозные, неприступные и прекрасные Шамановы горы — Ушань. За тысячи, миллионы лет река смогла пробить себе ложе, по которому стремительно мчится на восток, к свободе, к простору. 193 километра Великой реки — от Байди до Ичана — это один из самых длинных в мире и известнейших своими великолепными видами каньонов. Воды реки здесь глубоки и быстры, берега высоки и круты, а вершины гор почти всегда украшены густыми белыми облаками и туманом. Сегодня пасмурно, и низкое, тусклое небо, мрачные скалы, бурлящая, идущая волнами бурая вода навевают ощущение тревоги, неустроенности, незащитности перед этой суровой и правдивой природой.

Начинается ущелье с Байди, древнего, богатого историческими и культурными памятниками города. Прежде он носил имя не столь благозвучное — Юйфу, что означает «Рыбье брюшко». Когда в период Хань Гунсунь Шу был назначен наместником области Шу, он сначала учредил свою резиденцию в Чэнду, а потом перенес ее в Юйфу. Перед дворцом наместника находился колодец, и люди нередко видели, как из его стенки поднимался в небо белый дымок. Гунсунь Шу, бывший, как и его современники, человеком в гадании не менее искушенным, чем в дворцовых интригах, увидел в этом удобный предлог для своего возвышения и заявил, что дымок — это взлетающий на небо белый дракон, т.е. добрый знак, предвещающий восхождение на трон нового императора. Воодушевленный такой «поддержкой Неба», Гунсунь Шу провозгласил себя «Белым императором», а Юйфу переименовал в город Белого императора — Байдичэн.

Когда разгневанный своеволием и дерзостью Гунсунь Шу ханьский император У-ди потребовал от самозванца сложить оружие и подчиниться его воле, Гунсунь Шу отверг ультиматум и повел свою небольшую армию против сильного врага. Армия «Белого императора» была разгромлена, и сам он погиб, но деяния его остались в памяти потомков. Там, где был захоронен прах Гунсунь Шу, был поставлен храм Белого императора, существующий и поныне. А посетивший Байдичэн в 1170 г. Лу Ю так выразил свои впечатления от храма:

По тропинке крутой
Поднимаюсь в храм,
Праха Гун Суня
Покоится там,

О, спасибо тому,
Кто героя портрет
Дал увидеть потомкам, —
Нам...

Если воин не сдался
И был сражен,
Разве скажешь,
Что он побежден?

Я б такому герою
Создал монумент,
Был бы в оде
Прославлен он!..

(Пер. с кит. И. Голубева)

В III в. н.э., когда Китай раскололся на три царства (Вэй, Шу и У) и Лю Бэй, правитель Шу, потерпел поражение от усского полководца Лу Сюня, он бежал в Байди, где и умер, как сообщают источники, в великом отчаянии. На смертном одре Лю Бэй вручил судьбу своего сына Лю Чаня и дела государства в руки первого министра Чжугэ Ляна. Этот знаменательный акт произошел в храме Белого императора.

Окруженный с трех сторон водой, а с четвертой — высокими скалами, Байдичэн на протяжении многих веков был и остается притягательным местом для всех ценителей прекрасного. В период Тан и Сун многие известные поэты, в том числе Ли Бо, Ду Фу, Бо Цзюйи, Лю Юйси, Су Ши, Лу Ю, посещали город и храм, оставляя потомкам много прекрасных строк. Не случайно Байдичэн называют еще городом поэзии.

Ущелье первое — Цюйтан, именуемое также Куйся, Ущелье однорогого чудовища. Начинается оно с прохода Куймэнь, своеобразных ворот в Санься — Три ущелья. Две мощные скалы на северном и южном берегах Янцзы словно охраняют ущелье от незваных гостей. Но лучше передать слово Лу Ю, довольно емко выразившему свои впечатления от Цюйтана и Куймэня:

В Дацикоу вхожу.
Предрассветный туман.
Здесь ворота
В ущелье Цюйтан.

Днем и ночью
Стремительно воды несет
Беспокойная
Янцзыцзян...

Две высоких горы
Друг пред другом стоят,
Словно мериться
Силой хотят.

Не взберешься на них —
Неприступны, круты, —
Не достигнет вершин их
Взгляд...

(Пер. с кит. И. Голубева)

Цюйтан — самое короткое, длиной всего 8 км, но и самое беспокойное и величественное из трех ущелий. В наиболее узком его месте ширина реки составляет менее 100 м, в самом широком — 150 м. А на крутых склонах виднеются клочки обработанной пашни...

По обеим сторонам реки разбросан ряд интересных исторических и культурных памятников; не менее любопытны и созданные природой причудливые творения: скалы, камни, гроты, пещеры, водопады, которые благодаря буйной фантазии народа обросли многочисленными легендами и сказаниями. Среди них — Источник, из которого пьют фениксы, Золотая пещера, Разглядывающий луну носорог и др.

Сразу же за расположившимся на северном берегу древним городом Ушань, там, где в Янцзы впадает один из ее многочисленных притоков — Данинхэ, начинается второе ущелье, как категорично утверждают путеводители — самое прекрасное. Это Уся — Ущелье шамана, называемое также Большим ущельем (рис. 58, 59). Тянется оно на протяжении почти 40 км, начинаясь в Сычуани, а заканчиваясь уже в Хубэе, недалеко от уездного центра Бадун. И горы здесь, мне кажется, не менее многозначительны и серьезны, чем в Цюйтан. Быстрое течение бурлит и завихряется у огромных, отколовшихся от монолита и рухнувших в воду каменных глыб. Сбегающие по узким расщелинам ручьи срываются с отвесных берегов и падают вниз, рассыпаясь серебряными брызгами по безразлично принимающей их глади Великой реки. За остроконечные вершины цепляются облака, по серым, где только можно поросшим деревьями, кустарником, на худой конец — травой скалистым склонам ползут разорванные ветром клочья тумана. В извилистой галерее зажавших Янцзы в прочные тиски Ушаньских гор 12 самых живописных, таинственных и волнующих воображение вершин собрались в Ущелье шамана.

Давным-давно обитавшая на Небе богиня Яоцзи по доброму завидовала простым людям, жившим на земле, и очень часто, сопровождаемая одиннадцатью сестрами, отправлялась на землю посмотреть, что там происходит. И особенно

она восхищалась прекрасными Ушань. Однажды на пути в Шамановы горы она убила десять бесчинствовавших в этих местах драконов, принесших горам их худую славу. Двенадцать сестер также помогли легендарному Юю пробить в Шамановых горах ущелье и спасти землю от потопа; они охраняли урожай крестьян, защищали дровосеков от тигров и леопардов, выращивали целебные травы и оказывали прочую, самую разнообразную и необходимую людям помощь. Со временем они превратились в двенадцать горных вершин, обступающих и словно охраняющих Янцзы в Ущелье шамана, а самая прекрасная и величественная из них — Шэнь-ньюйфэн (Пик небожительницы) — считается воплощением Яоцзи.

С лодки на горы смотрю — они
как резвые жеребцы.
Быстро мимо лодки летит
во сто голов табун.
Впереди — отчетливо предстают
скал исполинских зубцы,
Позади — испуганно мчатся прочь
бесчисленные беглецы.
Выше смотрю — крутая тропа,
склон каменист, высок.
Неспешно идет по тропе человек,
едва приметный вдали.
Машу рукой, окликнуть хочу,
но уносит меня поток.
Как вольная птица, летит на юг
мой одинокий челнок.

(Пер. с кит. Е. Витковского)

Так выразил свои впечатления от Санься двадцатидвухлетний Су Ши. А наш теплоход оставляет за кормой задумчивые, поглощенные в сладостные воспоминания о прошлом вершины и устремляется все дальше и дальше на восток. Не пропустить бы только маленькую деревушку Бэйши, стоящую на южном берегу реки. Ничего примечательного, но это важная точка на географической карте: здесь пролегает граница между Сычуанью и Хубэем.

Ровно в полдень причаливаем к пирсу уездного центра Бадун, как и все населенные пункты на Янцзы древнего, но внешне очень молодого. Дымит труба небольшого кожевенного заводика, скользят по склону к воде поблескивающие окнами кубики жилых домов. Трудно представить, как держатся они на этой крутизне. Стоим десять минут. Высадка, посадка — и снова в путь.

После легкого обеда из прихваченных в Ваньсяне припасов

делаю попытку вздремнуть, но подкрадывающийся сон рассеян объявлением, которое скороговоркой выплескивает на пассажиров судовая трансляция: слева по борту Цзыгуй, родина великого мыслителя, поэта и патриота Цюй Юаня (340—278 гг. до н.э.) Имя это не может оставить равнодушным человека, хоть немного соприкоснувшегося с китайской культурой.

Человек трудной судьбы, личность великая и в истории китайской культуры, наверное, просто блистательная, Цюй Юань происходил из высших аристократических кругов, был министром и советником правителя царства Чу, пользовался его доверием, принимал участие в разработке внутренней и внешней политики, но прежде всего был и всегда оставался человеком и гражданином. Осмелившись выступить против несправедных, как он считал, действий своего властелина, поднять голос в защиту своей земли и страдающего в нескончаемых войнах простого народа, Цюй Юань подвергся опале и до конца своей жизни находился в изгнании. Однако именно в эти годы творчество его достигло расцвета, появились бессмертная элегия «Скорбь изгнанника», знаменитые «Чуские строфы», открывшие собой целую эпоху в древнекитайской поэзии.

Жизнь поэта закончилась трагически. В 278 г. до н.э. царство Чу было окончательно разгромлено царством Цинь, войска последнего захватили чускую столицу, и 62-летний Цюй Юань, уже 20 лет находившийся в изгнании, настрадавшийся и уставший от нескончаемых несчастий, в знак протеста против действия царского двора утопился в реке Мило.

Прах поэта был захоронен на его родине, в Цзыгуе. В километре от города находится протока, названная именем Цюй Юаня, а на ее берегу поставлен в его честь храм, который не без труда просматривается в окружающей зелени.

Впадающий в Янцзы неподалеку от города Благоуханный ручей (Сянси) служит как бы точкой отсчета третьего, самого длинного, 74-километрового, ущелья, тянущегося почти до Ичана. Вода в Сянси исключительно чиста и прозрачна, особенно в сравнении с мутными водами Янцзы. А своим названием ручей обязан родившейся на его берегах неподалеку от городка Синшань известной исторической личности, героине романов, повестей и пьес, одной из дворцовых красавиц ханьского императора Юань-ди — Ван Чжаоцзюнь, той самой, которая в трудное для страны время, когда племена воинственных сюнну угрожали Китаю вторжением с севера, согласилась быть отданной в жены их вождю, пожертвовать собой, чтобы предотвратить войну, и в 33 г. до н.э. уехала

вместе с ним в страну варваров. Рассказывают, что перед отъездом в дальние края Ван Чжаоцзюнь умывалась в ручье и уронила в него свое жемчужное ожерелье. С тех пор вода в ручье всегда чиста и благоуханна.

Третье ущелье — Силин (Западные могилы). Проходим его в течение двух часов. В русле реки много коварных мелей, мощных водоворотов, подводных камней и рифов. Состоит Силин из нескольких меньших ущелий, таких, как Бинбу баоцзянь (Книга военного искусства и драгоценный меч), Нюгань мафэй (Печень буйвола и легкое лошади), Дэнъин (Тень лампы), Хуанню (Желтый буйвол), а также порогов Цинтань, Сетань, Кунлинтань и др.

Бинбу баоцзянь начинается сразу за Благоуханным ручьем и тянется на протяжении 4 км. На крутом северном берегу лежит квадратная по форме глыба, похожая на огромную книгу. Говорят, что это — написанный Чжугэ Ляном трактат по военному искусству. Остроконечную скалу, тут же поднимающуюся из воды, люди называют Драгоценным мечом.

Согласно преданию, Чжугэ Лян написал очень умный и ценный трактат, в котором обобщил свой богатый опыт стратегии и тактики войны, но при жизни он никому его не показывал. Когда полководец серьезно занемог, он не нашел никого достойного, кому смог бы доверить свои тайны, и тогда поместил рукопись на высокую скалу, в труднодоступное место в уверенности, что найдется обладающий достаточными талантами человек, который сможет ею воспользоваться. Как видим, до сегодняшнего дня такого человека не нашлось...

Существует и другая легенда, согласно которой книга и меч принадлежали советнику Лю Бана — Чжан Ляну, который своими советами помог ему победить царство Шу и создать династию Хань.

За Бинбу баоцзянь на полтора километра тянутся опасные Черные пороги — Цинтань. Скорость течения в узком фарватере реки достигает 7 м/сек. Здесь наиболее зримо Янцзы демонстрирует свой неукротимый нрав.

Дальше по течению, почти напротив того места, где в Янцзы впадает один из ее притоков — совсем небольшая и почти незаметная среди обступающих ее тяжелых гор речушка, — стоит храм Хуанлин (Желтые могилы). Его история — это 25 веков, хотя ныне существующим строениям «всего» по 3,5 столетия: они были возведены в 1618 г.

Прочие мелкие ущелья и перекаты мало чем отличаются от предыдущих. Нет, наверное, особой необходимости вторгаться в историю их нередко своеобразных названий, рожден-

ных поэтическим воображением местных жителей. Но последняя достопримечательность Санься, находящаяся всего в 15 км от Ичана, достойна внимания. Это — пещера Трех путешественников (Саньюдун).

Она расположена на северном берегу Янцзы на горе Силин. Если верить «Описанию области Ичан» или «Запискам о пещере Трех путешественников», составленным в период Мин, то 12-го числа 3-й луны 14-го года Юаньхэ (819 г.) в городе Илин (так тогда назывался Ичан) встретились великий китайский поэт Бо Цзюйи, его младший брат Бо Байсин и друг Юань Чжэнь. Вместе они отправились в пещеру и написали там по стихотворению, соревнуясь в изяществе и легкости слога. Бо Цзюйи написал на стене грота «Предисловие к „Пещере трех путешественников“», откуда и появилось название «Саньюдун».

Другая версия связывает его появление с посещением пещеры Су Сюнем, Су Ши и Су Чэ, отцом и двумя братьями Су, направлявшимися из Сычуани на экзамен в столицу и также начертанными свои стихи на стенах пещеры. Посещали ее и другие великие поэты сунского времени: Оу Янсю, Хуан Тинцзянь, Лу Ю.

Пещера невелика: около 30 м глубиной, 23 м шириной и 9 м высотой. Три сталактитовых столба как бы разделяют ее на два зала. В переднем, светлом, на стенах высечено около 40 надписей разных эпох, главным образом периода Тан и Сун, и в числе их — надпись, сделанная в 1037 г. Оу Янсю, и вырезанное уже в период Мин «Предисловие» Бо Цзюйи. Узкая дорожка рядом с входом ведет на вершину горы, откуда открывается вид на Янцзы, ущелье, дальние и ближние горы...

Но вот наконец горы отступают, и Янцзы разливается на два с лишним километра вширь. Течение заметно замедляется. Левый берег становится пологим, правый — по-прежнему горист и неприступен. Проходим через шлюз — один из элементов крупнейшего на Янцзы инженерного сооружения Гэчжоуба. Входящая в него ГЭС вырабатывает в год в 3 раза больше электроэнергии, чем все электростанции Китая в 1949 г. Создание этих грандиозных сооружений, завершившееся летом 1981 г., улучшило условия судоходства в верхнем течении Янцзы, особенно в районе Санься. Так что нам остается только представить, сколь сложным было путешествие по реке даже несколько лет назад.

Со стороны Янцзы Ичан — большой, современный город, обращенный к воде кварталами новостроек. Что ж, таким и подобает сегодня быть важному речному и железнодорож-

ному узлу и развитому промышленному центру, каким является Ичан.

Теплоход мягко тыкается бортом о причал, и я, простившись с попутчиками, соскакиваю с трапа и устремляюсь к выходу. Скорей на вокзал, к поезду! Разошедшийся не на шутку дождь не входит в мои планы, но приходится мириться с этим временным неудобством. Маршрут прост: купить билет до Сиани и, если останется время, прогуляться по городу.

Вокзал смотрит на Ичан свысока: расположен он на возвышенности, наверное, на случай разлива неукротимой Янцзы. Взбегаю вверх по промокшей лестнице, врываюсь в зал и радуюсь: удивительно, но никакой очереди. Но восторг быстро сменяется унынием: надо бы раньше предвидеть, что до Сиани потребуются сделать две пересадки, а каждая из них сопряжена с билетными затруднениями и вообще неизвестно с какими сюрпризами. На них у меня уже нет ни сил, ни нервов, ни денег. Так что приходится распрощаться со своими наполеоновскими замыслами охватить необъятное, похоронить надежды хоть из окна поезда повидать западную Хубэй и... взять плацкартный билет до Ухани. Это означает курс «домой», на Шанхай. Правда, на этом пути также ожидаются две пересадки, но тут уж можно потерпеть...

До поезда остается в запасе несколько часов, которые использую для прогулки по городу. Дождь, словно смилостивившись над незадачливым путешественником (стоило сходить с корабля, направляющегося в Ухань, чтобы сменить его на поезд?), постепенно прекращается, позволяя вынырнуть из-под зонтика и немного повертеть головой. Город нов, свеж и просторен. Современные пятиэтажки, зеленые и, несмотря на мокрую погоду, относительно чистые улицы. Почти не видно машин, мало, естественно по китайским меркам, людей... Тишина, покой... Какой-то осовремененный провинциализм. Вдоль Янцзы стелется еще не достроенная широченная набережная, за которой — эскиз будущего прибрежного парка, спускающегося широкими ступенями к самой воде. Здесь тоже пустынно, если не считать двоих рыболовов и наблюдающих за их манипуляциями мальчишек.

Рыбная ловля ведется действительно очень любопытным способом: огромным, метра три в диаметре, сачком, состоящим из тонкого бамбукового кольца с прикрепленной к нему мелкой сеткой. Стоящий почти по пояс в воде рыбак забрасывает сачок в воду, протаскивает его против течения и вынимает... пустым. И так раз за разом. Но улов был: за те полчаса, что я наблюдал за трудной и совсем непохожей

на отдых рыбалкой, в сетку одного из рыбаков попались две крохотные, разве коту на зуб пригодные рыбешки. Второму не везло...

Возвращаюсь на вокзал в темноте. Устал, разболелась голова, а в зале ожидания, несмотря на совсем небольшое число пассажиров, стоит сплошной гул. Да еще расквашались хозяйки большой лужи, что раскинулась у самого входа в вокзальные помещения. От скуки изучаю расписание движения поездов, прикидываю оптимальный вариант своих последующих перемещений. Хотя все это бесполезно: характер и темпы моего движения будут зависеть только от одного: моей собственной изворотливости в добывании билетов. А внутренний голос, посылая соль на растревоженные раны, обсасывает мудрую, но явно запоздавшую идею: надо было путешествовать до Шанхая на теплоходе! Правда, одна мысль о том, чтобы провести, маясь от безделья, еще четыре дня в тесной каюте, кажется невыносимой.

В Ухань прибываем точно по расписанию. Теперь мне надо в Чжучжоу, где можно пересесть на шанхайский скорый. Но на сегодня в том направлении нет вариантов... Пока я с понурым видом изучаю вывешенный в кассовом зале транспарант, рекомендуемый каждому китайцу набор необходимых в употреблении «культурных слов»: «Пожалуйста. Здравствуйте. Извините. Спасибо. До свидания», фортуна поворачивается ко мне лицом... пожилой, сострадательно вззирающей на потерявшегося в бурлящем море пассажиров иностранца женщины. Билетер, уборщица? Разобрать трудно, да я и не пытаюсь этого сделать. Справившись о моих проблемах, она исчезает на несколько минут, после чего появляется и доверительно рекомендует подойти часам к четверем, ближе к тому времени, когда на север и юг идет основной поток пассажирских поездов. Выбирать не приходится, и я, отбрасывая гнетущие мысли о будущем, отправляюсь знакомиться с крупнейшим в среднем течении Янцзы портом, торговым и промышленным центром трехградьем Ухань.

Он рассечен Янцзы и впадающим в нее Ханьцзяном на три части и исторически делится как бы на три самостоятельных города: Учан, на вокзал которого доставил меня поезд, Ханькоу и Ханьян. За несколько часов осмотреть всю огромную их территорию, естественно, невозможно, и я выбираю по карте всего два объекта: большой уханьский мост и парк «Освобождение». Мотивы вполне определенные: посмотреть на столицу пров. Хубэй из окна автобуса, поскольку до парка добираться придется через весь город, отдохнуть от шума

и суеты и взглянуть на расположенный в парке мемориал советским летчикам.

До моста, очень солидного и впечатляющего размахом двухъярусного гиганта, построенного еще в 1957 г. с помощью советских специалистов и приспособленного и для железнодорожного, и для автомобильного транспорта, и для пешеходов, подать рукой. Но прежде чем ступить на подрагивающее под непрерывным потоком машин, автобусов и отдельных пешеходов тело моста, спускаюсь вниз, на набережную Янцзы, чтобы еще раз вблизи взглянуть на реку, качавшую меня на своих волнах двое с лишним суток. Мост висит над головой тяжелой громадой.

По лифту, запрятанному в одной из опор, уплатив мизерную, скорее символическую плату в 5 фэней, поднимаюсь наверх и мимо вооруженных автоматами охранников выхожу на раскинувшуюся над широкой рекой магистраль. Город теряется в окутывающей его серой дымке и никак не хочет раскрываться перед нагрянувшим на миг и жаждущим в момент увидеть, понять и оценить его истинное лицо иностранцем. Но мне Ухань из всех виденных городов больше всего напоминает Шанхай: архитектурой, убыстренным темпом жизни, интенсивностью автомобильного движения. А может, уже всеми помыслами я в Шанхае?

Парк «Освобождение» не имеет ничего общего с традиционными китайскими садиками: большой зеленый массив с широкими аллеями и узкими, бегущими меж густых высоких деревьев дорожками, тихий и практически пустынный. Быть может, причиной тому сырость и грозящее дождем небо, но в парке малоллюдно. Ни одного человека у братской могилы советских летчиков, в 1938 г. защищавших небо Уханя от японских воздушных пиратов. Скромный обелиск с надписью на русском и китайском: «Вечная слава советским летчикам-добровольцам, погибшим в войне китайского народа против японских захватчиков». Пятнадцать фамилий на гранитных плитах. Серый гранит и изумрудная зелень листвы...

Вспоминаю, что 9 мая, в сороковую годовщину Победы, к могилам погибших в Китае советских воинов возлагались, как сообщала китайская пресса, венки. Прошло всего девять дней — и никаких следов. Только ветер шелестит обрывками бумаги...

Дождь все же начинается, и приходится возвращаться. На вокзал попадаю как раз вовремя, чтобы искренне обрадоваться — правда, пришлось поработать локтями — самому заурядному билету в «жесткий сидячий», тому самому, который еще месяц назад привел бы меня в жесточайшее уныние.

К счастью, билет оказался с гарантированным местом — как сейчас помню, № 95! А ведь многие счастливы только потому, что получили законное право поставить ногу на подножку этого вагона, а там — разбирайся как знаешь...

Как бы то ни было, а 4 часа дороги до Чжучжоу проходят для меня в относительном комфорте. Устраиваюсь у приоткрытого окна, и в этой шумной, беспрестанно дымящей сигаретами, разбрасывающей по полу мусор и шелуху, шевелящейся и даже пытающейся двигаться человеческой массе удается немного вздремнуть, опустив голову на удачно оказавшийся под руками столик. Единственная проблема — с кипятком. В нашем вагоне весь разобрали, и проводники даже не пытаются пробиться к титану и вскипятить воду. Продираться в соседний вагон сквозь дышащую жаром разгоряченных тел толпу... Лучше уж потерпеть. И вновь выручают соседи — среднего возраста китайцы. Один поделился припасенным заранее кипятком, другой, сбегав на перрон на какой-то маленькой станции, принес целую флягу и добродушно подлил из нее в мой стакан. Разве такое забудешь?

19 апреля, ноль часов 44 минуты. Фиксирую в дневнике это время, обосновавшись в зале ожидания чжучжоуского вокзала. Получил свой очередной «жесткий сидячий» и занял пока... жесткую скамейку в зале ожидания: до поезда целых пять часов, впереди вся ночь. До Шанхая 30 часов пути и 1100 км. Такие пустяки!

Пассажиры сладко посапывают на скамейках. Кому повезло больше — вытянув ноги, кому меньше — примостившись на краешке. Удивительная способность спать в любой обстановке! Незнакомые люди укладываются чуть ли не друг на друга, и никто не возмущается. Мою попытку прикрыть глаза и чуть-чуть вздремнуть прерывает услужливый полицейский: «Товарищ, следите за вещами!» Чуть позднее с таким же предостережением подходит второй. Сон проходит, остается читать и наблюдать, как устраивается на моей уже изрядно пообтершейся и перенесшей немало испытаний дорожной сумке молодой китаец: сначала осторожно, краешком головы, потом поудобней, удобней — глядь, и вся голова уже покоится на мягкой «подушке»...

К пяти утра жизнь на привокзальной площади потихоньку оживает. Открываются двери закуской, появляются и раскладывают прямо на тротуаре продукты «к завтраку» уличные торговцы. Две женщины выносят тазики с водой и полотенца. «Умываться... Умываться...» — разносятся над площадью их зазывные голоса.

До Шанхая добираюсь вообще чуть ли не в идеальных усло-

виях. Уже на перроне осознаю, что в любимом «жестком сидячем» мест нет и не предвидится и соревноваться с китайцами в борьбе за освободившиеся сиденья мне явно не под силу. Поэтому, ощупывая в кармане заветную и последнюю тридцатку, прибегаю к уже доказавшему свою эффективность способу: разыскиваю начальника поезда. Изображаю — впрочем, для этого особенно напрягаться не надо — лицо до смерти уставшего человека и через полчаса занимаю полку в плацкартном вагоне вполне законно, с соответствующей доплатой и билетом в кармане. После приключений последних дней эта полка кажется такой мягкой, что спускаться с нее не хочется до самого Шанхая.

С того времени, когда были начаты эти записки, прошло более четырех лет. Срок небольшой, в сравнении с тысячелетиями одной из древнейших в мире цивилизаций — просто мизерный, но для современного Китая — значительный, ибо перемены происходят в нем прямо на глазах. Быстро меняется облик городов, особенно приморских: растут пирамиды фешенебельных отелей, стройные ряды многоэтажек, среди которых все труднее отыскивать островки не стилизованной, а настоящей китайской архитектуры и оазисы запутанных, наполненных духом старины и очарованием услышанных в детстве сказок садов; все настойчивее — новыми торговыми рядами, промтоварными рынками, ремесленными мастерскими и закулочными — заявляет о себе частный предприниматель; заполняют расцвеченные китайской и иностранной рекламой улицы, оттесняя к обочинам не так давно царствовавших на них велосипедистов, вереницы «Тоёт», «Сантан», «Жигулей». Несомненны заметные сдвиги в экономической и политической жизни страны — рост производства, подъем уровня благосостояния населения, некоторая демократизация общественной жизни, всплеск творческой активности интеллигенции. Однако перед КНР продолжают стоять многообразные сложные проблемы.

Все, что происходит в наши дни в Китае, покоится на фундаменте, которым является формировавшийся тысячелетиями культурный феномен, протяженная во времени и в пространстве история народов, населявших обширную страну, от лесов Маньчжурии до побережья Южно-Китайского моря, от пустынь Средней Азии до берегов Тихого океана, не только самих китайцев, но и уйгуров, чжуан, мяо, ицзу и многих других. Мы до сих пор не знаем всех тех внутренних связей, которые определяли и определяют характер развития этой цивилизации, не изучили ее сложного, многие века формировавшегося и совершенствовавшегося механизма политической власти и управления. С победой народной революции изменились классовые отношения в Китае, утвердились принципиально иные формы политической власти, но сохранились традиции, стереотипы мышления и поведения, нравственные идеалы и культурные ценности, которые и сегодня регулируют многие внутренние связи и отношения этого еще не до конца познанного и понятного нами общества.

Синтез старого и нового, архаичного и ультрасовременного — вот характерная черта современного Китая. Не изменившие своей конструкции за многие века деревянный плуг и мотыга по-прежнему являются главными орудиями труда в деревне, а студенты вузов и колледжей учатся работать на новейших японских и американских компьютерах. Мчатся по дорогам многотонные грузовики, а рядом натужно тянут лямку сухопутные бурлаки, медленно крутят педали велорикши. Подавляющая часть населения Китая продолжает заниматься тяжелым физическим трудом, а это в свою

очередь, определяет общий уровень культуры, характер мышления, манеры поведения. Бедность, отсталость — и сегодня объективная реальность не только медленно меняющей свой облик деревни, но и городов, еще неспособных распрощаться с неустроенностью, теснотой, избытком рабочей силы, бескультурьем, неграмотностью, всем этим неизбежным наследием не такого далекого прошлого.

Китайское общество, как и любое, другое, многопланово и многолико, в нем легко обнаруживаются различные культурные, профессиональные, имущественные и прочие слои и срезы. Нельзя создавать образ типичного китайца (если таковой вообще можно сегодня создать), ориентируясь на поведение, может впервые попавшего в город крестьянина, так же как писать обобщающий портрет управленцев-ганьбу на основе нескольких столкновений с чиновниками-бюрократами и делать вывод о царящей в Китае нужде, повстречав нескольких нищих, попрошайек или бродяг. И если я пишу об этих фактах современной китайской действительности, это отнюдь не означает, что я намерен изображать настоящее Китая в мрачных тонах, хотя, вероятно, на фоне блестящих культурных памятников прошлого, ярких легенд и сказаний некоторые из этих картинок не выглядят особо привлекательными. В то же время я не хотел бы создавать у читателя и идиллического представления о стране, которое, не без влияния ярких красок туристических проспектов, складывается у некоторых почитателей Востока на Западе. Поэтому я старался быть максимально объективным в описании увиденного, в своих оценках, старался сдерживать чувства и эмоции, хотя удавалось это далеко не всегда.

Да, в Китае сегодня высококлассное обслуживание сосуществует с полнейшей неустроенностью быта, пунктуальность и организация — с неразберихой и необязательностью, радушие и деловитость — с бюрократизмом и безразличием. Но разве это только в Китае?

Китайской Народной Республике меньше сорока лет. И не растворилась за кормой крепко вросшая корнями в почву феодальная эпоха. Она — не только блестящие дворцы, пагоды, храмы, она — это прежде всего нищая, дремучая, беспощадно эксплуатируемая деревня. Но ведь то феодальное великолепие, которым сегодня восхищаются во всем мире, создавалось как раз потом и кровью миллионов тех самых неграмотных, раздетых, испачканных в земле и навозе, погибавших от голода и болезней, но имеющих право гордиться творением рук своих крестьян, мастеровых, монахов. Народ создал это удивительное явление — китайскую культуру, и он требует уважительного к себе отношения, как бы ни разнились сегодня его привычки, манеры, поступки с устоявшимися у нас стереотипами поведения и мышления.

Кое-какие моменты, о которых упоминается в книге, может статься, окажутся совсем нетипичными и преходящими для жизни страны, и о них через десяток лет будут упоминать как о досадном недоразумении, «болезни роста». Другие, наоборот, приобретают все большее значение, занимая совершенно иное место в общественной жизни страны. Процесс этот неизбежен, как неизбежны, наверное, ошибки в оценке тех или иных явлений современности.

Я надеюсь, моя книга поможет читателям ближе и яснее увидеть не только далекое прошлое, но и непростое настоящее Китая, немного лучше узнать, а может, и понять его народ. К сожалению, в последние десятилетия ситуация складывалась так, что о Китае писали больше негативного, чем положительного. Эти стереотипы нужно менять, дабы лучше узнать и понять нашего восточного соседа.

Китай смотрит в будущее, но во многом по-прежнему пользуется мерками и трафаретами прошлого. Увидеть это будущее можно, лишь внимательно, шаг за шагом, ступень за ступенью изучая историю одной из древнейших в мире цивилизаций. Я надеюсь, мои записки помогут в этом.

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие	3
<i>Глава 1</i>	
Юго-Запад глазами туриста	6
«Горы и воды Гуйлиня — лучшие в Поднебесной»	6
Город вечной весны	34
Слоны, папайя и чудесные зеркала Сишуан баньны	64
<i>Глава 2</i>	
Самая бедная провинция в Поднебесной	87
И снова в дорогу	87
Тунжэнь — ворота в Гуйчжоу	94
Дорогое солнце для дорогого гостя	112
В краю пещер и водопадов	122
<i>Глава 3</i>	
У подножия Лазоревых гор	144
Куньмин под другим углом зрения	144
Озеро у отрогов Цаншань	156
По следам восстания Ду Вэньсю	162
Дракон от головы до хвоста	179
«Праздник третьей луны»	188
<i>Глава 4</i>	
Горы и реки царства Шу	199
Горы крутых бровей	199
Столица царства Шу	222
Три ущелья на Янцзы	234
Послесловие	261

Научное издание

Ларин Виктор Лаврентьевич

ПО ЮГО-ЗАПАДНОМУ КИТАЮ

Редактор *В.Б.Меньшиков*. Младший редактор *Н.Н.Сенина*. Художник *В.В.Локидин*. Художественный редактор *Б.Л.Резников*. Технический редактор *З.С.Теплякова*. Корректор *Т.А.Алаева*

ИБ № 16288

Сдано в набор 05.01.89. Подписано к печати 21.06.89. Формат 84×108¹/₃₂. Бумага офсетная № 1. Иллюстрации отпечатаны на мелованной бумаге. Гарнитура таймс. Печать офсетная. Усл. п.л. 13,86+1,68 вкл. Усл. кр.-отт. 18,01. Уч.-изд. л. 17,32. Тираж 15 000 экз. Изд. № 6701. Зак. № 36. Цена 1 р. 30 к.

Ордена Трудового Красного Знамени издательство "Наука"
Главная редакция восточной литературы. 103051, Москва, К-51,
Цветной бульвар, 21

3-я типография издательства "Наука". 107143, Москва Б-143,
Открытое шоссе, 28

1 р. 30 к. Крутые горы и живописные долины, ущелья и водопады, храмы и стелы. новое в жизни страны и допотопная соха на полях, десятки малых народов и сложная, полная драматизма многовековая история — таким предстает Юго-Запад Китая перед читателями в книге видного советского специалиста по его истории, около года стажировавшегося в Китае

